

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 1 / 2020

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Издаётся с 1998 г., выходит ежемесячно.

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор;

Бабич И.Л., д.и.н.;

Жильцов Н.А., к.ю.н., к.пед.н., профессор,

почетный работник юстиции России;

Мельников С.А., д.ю.н., профессор;

Мигущенко О.Н., д.ю.н., доцент;

Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор,

заслуженный юрист Республики Башкортостан;

Рассказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор,

заслуженный деятель науки РФ;

Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор;

Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Хабибуллин А.Г., д.ю.н., профессор,

заслуженный юрист РФ;

Чердаков О.И., к.и.н., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Бодунова О.Г., к.ю.н., доцент;

Зенин С.С., к.ю.н., доцент;

Клименко А.И., д.ю.н., доцент;

Недобежкин С.В., к.ю.н., доцент;

Сигалов К.Е., д.ю.н., доцент

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор, чл.-корр. РАО,

заслуженный юрист РФ

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И.,

Белых В.С.,

Ренов Э.Н.,

Платонова О.Ф.,

Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование

и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Рынки, миграция и закон: правовые пределы

Исаев И.А. Технология интересов: «рынки власти» как сети 3

Кулачков В.В. Социально-правовые аспекты положения национальных меньшинств Брянской губернии в 1920-е годы 11

Дурнева П.Н., Михайличенко Д.И. Историко-правовой аспект безналичных расчетов в России 17

Вина и ответственность: к истории вопроса

Ахмедов Р.М. Сакральное понимание «греха» в идеологиигеме 'Pax Mongolica' и его юридическое выражение 24

Арсеньева Г.В. Эволюция российского уголовного законодательства во второй половине XVII столетия 28

Шаповалов Ю.Н., Абазов А.Б. Развитие института уголовной ответственности за кражу в российском законодательстве феодального периода 32

Государственно-правовые аспекты политики: опыт истории

Копылов А.В. О законе Фальцидия в праве Древнего Рима 38

Тарабан Н.А. Консенсус либеральных и социальных идей в Конституции Российской Федерации как Политическом кодексе и Общественном договоре 45

Тронов И.А. Нормативно-правовые основы функционирования административной юстиции Временного правительства (весна — лето 1917 г.) 52

Власов В.А. Историко-правовой аспект генезиса формирования и развития категории «продовольственная безопасность» на мировом уровне... 59

Воробьев С.М. Проявление дискредитации западных держав в отношении Советского Союза в период Второй мировой войны 65

Аминов И.И. Опыт создания специализированных водоземельных судов в Закаспийской области Российской империи 71

Губаева Т.В., Шарифуллин Р.А. К вершинам «закономерности правовых закономерностей» 77

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,

Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный).

Формат 170x252 мм. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1. ISSN 1812-3805.

Физ. печ. л. 10. Усл. печ. л. 10.

Номер подписан в печать 23.01.2020.

Номер вышел в свет 29.01.2020.

Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Подписные индексы:

Объединенный каталог.

Пресса России — 85492 (на полуг.).

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга,

ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования

(РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Учредитель:

Издательская группа «Юрист»

HISTORY OF STATE AND LAW

No. 1 / 2020

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.
Reg. PI No. FC77-30776 from December 25, 2007. Published since 1998. Published monthly.

Editor in Chief:

Isaev I.A., LL.D., professor

Editorial Board:

Aronov D.V., Doctor of History, professor;
Babich I.L., Doctor of History;
Zhil'tsov N.A., PhD (Law),
PhD in Pedagogy, professor,
Honorary Worker of Justice of Russia;
Mel'nikov S.A., LL.D., professor;
Migushhenko O.N., LL.D., associate professor;
Nigmatullin R.V., LL.D., professor,
Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan;
Rasskazov L.P., LL.D.,
Doctor of History, professor;
Romashov R.A., LL.D., professor,
Honored Scientist of the Russian Federation;
Safonov V.E., LL.D., professor;
Tumanova A.S., LL.D.,
Doctor of History, professor;
Khabibulin A.G., LL.D., professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation;
Cherdakov O.I., PhD in History,
LL.D., professor

Editorial Staff:

Bodunova O.G., PhD (Law),
associate professor;
Zenin S.S., PhD (Law), associate professor;
Klimenko A.I., LL.D.,
associate professor;
Nedobezhkin S.V., PhD (Law),
associate professor;
Sigalov K.E., LL.D., associate professor

Editor in Chief of Jurist Publishing Group:

Grib V.V., LL.D., professor, corresponding
member of the RAE, Honored Lawyer of the Russian Federation

Deputy Editors in Chief

of Jurist Publishing Group:

Babkin A.I.,
Bely'kh V.S.,
Renov E.N.,
Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

Tel.: (495) 953-91-08.

Authors shall not pay for publication of their articles.

Markets, Migration and Law: Legal Framework

Isaev I.A. Technology of Interests:

'Markets of Power' as Networks.....3

Kulachkov V.V. Social and Legal Aspects
of the Status of National Minorities
of the Bryansk Governorate in the 1920s 11

Durneva P.N., Mikhaylichenko D.I.

The Historical and Legal Aspect of Non-Cash
Settlements in Russia..... 17

Guilt and Liability: on History of the Issue

Akhmedov R.M. Sacral Interpretation
and Legal Expression of a 'Sin'
in the Pax Mongolica Ideologeme..... 24

Arsenyeva G.V. Evolution of Russian Criminal Laws
in the Second Half of the XVII Century..... 28

Shapovalov Yu.N., Abazov A.B. Development
of the Institution of Criminal Liability for Theft
in Russian Laws of the Feudal Period 32

State and Legal Aspects of Politics:

Historical Experience

Kopylov A.V. On the Lex Falcidia in Roman Law..... 38

Taraban N.A. Consensus between Liberal
and Social Ideas in the Constitution
of the Russian Federation as a 'Political Code'
and a Public Agreement..... 45

Tropov I.A. Regulatory Framework of Functioning
of Administrative Justice of the Provisional
Government (Spring to Summer 1917) 52

Vlasov V.A. The Historical and Legal Aspect
of the Genesis of Establishment and Development
of the "Food Security" Category at the World Level..... 59

Vorobyev S.M. Manifestation of Discreditation
of Western Powers in Relation to the Soviet Union
in the Second World War Period..... 65

Aminov I.I. Experience of Creation of Specialized
Water and Land Courts in the Transcaspien Region
of the Russian Empire..... 71

Gubaeva T.V., Sharifullin R.A.

To the top of 'Regularity of Legal Regularities' 77

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88
(multichannel).

Size 170x252 mm. Offset printing.

Offset paper № 1. ISSN 1812-3805.

Printer's sheet 10.

Conventional printed sheet 10.

Passed for printing 23.01.2020.

Issue was published 29.01.2020.

Circulation 3000 copies.

Free market price.

Subscription:

United Catalogue. Russian Press — 85492

(for 6 months).

Printed by National Polygraphic Group Ltd.

Bldg. 2, street Svetlaya,

Kaluga, 248031.

Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of materials without
prior written permission of authors or the Editorial
Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission
under the Ministry of Science and Higher Education of
the Russian Federation for publications of basic results
of PhD and doctor theses.

Founder:
Jurist Publishing Group

DOI: 10.18572/1812-3805-2020-1-3-10

Технология интересов: «рынки власти» как сети*

*Исаев Игорь Андреевич,
заведующий кафедрой истории государства и права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
kafedra-igp@yandex.ru*

В статье исследуется процесс зарождения механизмов биополитики в Европе XVI–XVII веков. Технологическая революция Нового времени вызвала к жизни не только сложную сеть экономических рынков, но и не менее существенные изменения в структурах власти и права. Либерализм как система породил целый ряд соприкасающихся и взаимодействующих пространств — хозяйственных, политических, правовых. Но для всех был актуальным некий общий метод регулирования, обусловленный господством технического мышления и новых «индустриальных» ценностей.

Ключевые слова: право, закон, порядок, власть, регулирование, рынок, интерес, полезность, поведение, механизм, правительство, система, решение.

Technology of Interests: 'Markets of Power' as Networks

*Isaev Igor A.
Head of the Department of History of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Honored Scientist of the Russian Federation
LL.D., Professor*

The article reviews the process of origination of mechanisms of biopolitics in Europe in the 16th and the 17th centuries. The technological revolution of the Modern Age triggered not only a complicated network of economic markets, but also less significant changes in power and law structures. Liberalism as a system gave birth to a number of bordering and interrelated environments: economic, political, legal. However, some general regulation method driven by supremacy of technical thinking and new 'industrial' values was relevant for all spheres.

Keywords: law, act, order, power, regulation, market, interest, usefulness, behavior, mechanism, government, system, decision.

Физиократы были убеждены в том, что сама природа «хочет, чтобы весь мир и все его ресурсы были вовлечены в экполитическую деятельность — производства и обмена». Поэтому природа и вменяет человеку определенные обязанности, каковые для человека есть обязанности почти что «юридические», которые природа и диктует ему: «Торговые связи пронизывают мир, как того и хотела природа, и... это создает право всемирного гражданства или торговое право. Право всемирного гражданства есть только повторение человеком в форме долга того, что предписывала природа» (М. Фуко).

В «просвещенном деспотизме» физиократов была сформулирована идея правительственного натурализма: правление ограничивается очевидностью, а не свободой индивидов. Человек сможет внести свои коррективы и нормативность в систему управления уже позже, с рождением либеральных представлений о власти и экономике, связанных с промышленной революцией.

В XVI–XVII веках в Европе ансамбль, создаваемый экономикой капиталистического типа и индексированный законом и политическими институциями, имел своим коррелятом технологию соответ-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-19-16124.

ствующего человеческого поведения, включая руководство индивидами: дисциплинарная сетка, бесконечная регламентация, нормы. Взятое в целом либеральное руководство было одновременно легалистским и парализующим. М. Фуко полагал, что не следует смешивать форму закона, которая всегда состоит в запрещении или принуждении, с его функцией регулирования игры: «закон — это то, что должно благоприятствовать игре», — свободный поиск стал представляться панацеей ото всех неприятностей дисциплинарного общества и авторитаризма суверенности.

Политик, который в своих действиях ограничен законом, с готовностью техника, сражающегося с правовым формализмом и также апеллирующего к справедливости (которую часто смешивают с целесообразностью) при решении вопросов собственности и защиты правопорядка. Состояние стабильности («застоя») раздражает того и другого, оба настаивают на необходимости динамического развития. (Исторический опыт дает примеры того, как энтузиазм новых революционных законодателей дает им надежду на замену правовых норм исключительно организационными и техническими нормами.)

С середины XVIII в. отмечается становление новых механизмов управления, имеющих целью не столько рост силы и власти государства, сколько «ограничение осуществления способности управлять». Но вопрос об умеренности правления уже и в XVI–XVII вв. волновал политическую мысль, а в начале XVIII в. даже сместился к вполне конкретной проблематике конституций.

С конца XVIII века и вплоть до наших дней вопрос об умеренности и пределах правления оставался ос-

новным вопросом либерализма и рожденной им политической экономии. Мишель Фуко полагал, что «режим в самом общем смысле слова, как его употребляли в Средние века, в XVI и XVII вв. стал, по сути, настоящим местом справедливости: это место формирования истины менее всего имело дело с возможными вмешательствами, для того чтобы сформулировать свою истину и предложить ее правительственной практике в качестве правила и нормы»¹.

Строгая машинная логика претендует на научное обоснование существующих в праве элементов должностного. Налицо стремление устранить из правовой реальности (и тем более из теории) непредвиденные обстоятельства, вытекающие из применения закона, и аффекты, сопровождающие его формирование и исполнение. Такая логика, несомненно, носит дедуктивный характер. При этом толкование нормы приспособливает ее к изменяющимся обстоятельствам («принцип аналогии»), тем самым постоянно актуализируя ее. (П. Бурдьё связывает эти процессы с актом номинации, создающим наименование и «новые реальности».)

Еще в XVII в. речь шла лишь о том, как выяснить, можно ли в основании общества обнаружить некую устойчивую юридическую форму, которая заранее бы ограничивала осуществление власти («естественное право»). Теперь же, в XVIII в., напротив, налицо было общество, в котором уже существовали феномены подчинения и властвования, и следовало только выяснить, как регулировать эту власть, как ограничить ее в обществе, где уже давно действуют механизмы подчинения. Теперь это была

¹ Фуко М. Рождение биополитики. СПб., 2010. С. 48, 80, 325.

проблема отношений гражданского общества с государством. Начиная же с XIX в. налицо имелась целая серия правительственных рациональностей, среди которых выделялось и искусство управлять соответственно рациональностью самих управляемых².

Модернистский и технократический дух сен-симонизма выражал две главные тенденции либеральной политики — экономическое развитие и связанное с ним социальное улучшение, т.е. в конечном счете — превосходство экономической сферы над политической. Однако государственное вмешательство вполне могло играть роль «благонамеренного мотора социального организма».

Йозеф Шумпетер подметил, что только перед лицом новых возможностей возникает необходимость специфической функции руководства и новый тип лидера — руководителя. Промышленная революция и новые технологии во множестве порождали этот тип. Причем наиболее важной была здесь не сама деятельность, руководством было влияние на других, оказываемое через эту деятельность.

Правительства оказываются лишь временными монополиями на власть, поочередно они сменяют друг друга. Неизменной остается только функция управления, требующая смены исполнителей. Это и есть настоящий «бог из машины».

Правительство, как полагал Руссо, является не более чем посредником между суверенным и подчиненным (т.е. народом-сувереном и народом-подчиненным), функцией правления, но не сущностью власти. Оно скорее технично, чем суверенно. Оно — такой же инструмент «маши-

ны власти», как и все другие инструменты.

Гражданское общество в XIX в. стало тем новым «концептом правительственной технологии», «коррелятом технологии управления, мерой рациональности, которые должны были юридически индексироваться экономикой, понимаемой как процесс производства и обмена». Это уже настоящая «юридическая экономия управления», правительственная технология самоограничения, не нарушающие ни законов экономики, ни правовых принципов, «вездесущее правительство, от которого ничего не ускользает, правительство, подчиняющееся правовым нормам, и правительство, которое, тем не менее, считается со специфичностью экономики», — такое правительство только и могло руководить нарождающимся гражданским обществом. Оно указывало, как управлять согласно правовым нормам пространством суверенитета, которое теперь уже населено экономическими субъектами, на тот рациональный принцип и правительственную практику, которая должна заботиться об экономической и юридической разнородности³.

По замечанию Монтескье, «нельзя изменить общество только при помощи декрета», на что явно или тайно рассчитывало «дисциплинарное» общество в XVI–XVII вв. Технизм Нового времени девальвировал принцип прямого насилия и принуждения, предусмотрев новый метод регулирования, предлагавший наличие определенной степени социального признания и социальной солидарности. Процессы индустриализации не только порождали определенные социальные противоречия («между трудом и капиталом»), но и

² Там же. С. 388.

³ Фуко М. Рождение биополитики. С. 363–364.

формировали новые представления о производственном единении разных групп, задействованных в производственном процессе. «Наряду с иерархической регулятивной интенцией верховной государственной власти и централизованной регулятивной инстанцией рынка, т.е. наряду с административной властью и собственным интересом, в качестве третьего источника общественной интеграции выступает солидарность». Техника бессловесна и требует ответственности и единения. (Преимущество технического мышления заключено в высокой рациональности. В свое время идеологический спор между теистами и номиналистами (Дунс Скот, а позднее Фрэнсис Бэкон) завершился победой эмпирического подхода и индуктивного метода. Это стало интеллектуальным фактором для победы индустриализма именно в Англии.)

Согласно либеральным воззрениям, смысл правопорядка заключен в том, что в каждом конкретном случае он позволяет установить, какие права принадлежат отдельным индивидам. По республиканским воззрениям эти селективные права обязаны своим появлением некоему объективному правопорядку, который гарантирует целостность автономии и основывается на взаимном уважении к совместной жизни: «В первом случае правопорядок конституируется, исходя из субъективных прав, во втором — первенство отдается объективно-правовому содержанию»⁴.

Правовые нормы вырастают из большого комплекса частных и неофициальных проблем, которые разрешают многочисленные агенты, способные придать этим проблемам статус «социально значимых»,

⁴ Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб., 2001. С. 385–386.

т.е. требуют их обязательной правовой формализации. В более развитых политических обществах эти требования поддерживаются организованными (редко спонтанными) формами публичного волеизъявления. Машина законотворчества работает переводя статистические элементы в регулярность, в более устойчивую правовую форму. Этот рутинный ритм составляет важную черту «машины власти».

Потенциал решений в такой системе имеет ограничения, которые сами становятся источниками власти, проявляясь в двух типах: как власть, «блокирующая властные цели», которая ни на что не воздействует, но многому препятствует; и как власть, устраняющаяся от принятия решений: «политически конституируемая власть постепенно перестает функционировать как единый технический субститут суверенитета, регуляции и лидерства».

Вместо этого развиваются технические институты самой власти, принимающие например, формы «внушения массам ощущения успеха». Власть начинает демонстрировать свою неспособность реализовать свои собственные возможности, расхождение между возможным и действительным возрастает, и проблема переходит в сферу «кризисной техники»⁵.

Сен-Симон рассматривал классовую структуру индустриального общества как состоящую из трех классов: собственников, лишенных собственности и ученых мужей. Легитимация политической роли среднего класса в этой модели должна была соотноситься с мерами по подавлению недовольства неимущих классов. Идея «социальной республики», возникающая в ситуа-

⁵ Луман Н. Власть. М., 2000. С. 131–134.

ции революционного брожения первой половины XIX в., часто оборачивалась режимом бонапартизма. Радикальные революционные и националистические тенденции, нарушавшие равновесие «машин власти», отражали альтернативные антисистемные настроения в обществе.

В такой ситуации именно «республиканский» концепт («общее дело», *Res Publicum*) привязывает легитимность законов к демократической и технической процедуре их порождения, связывая практику «самоопределения народа» с безличным господством законов. Здесь право выступает как ограничение господствующей политической воли, тогда как для либералов некоторые из прав основываются на некоем «высшем законе», установленном за пределами политического: именно они обеспечивают существование внешних по отношению к ним структур и необходимое обуздание властей, приводя к согласию конфликтующие интересы⁶. (Юрген Хабермас полагал, что «согласно республиканским воззрениям, формирование политической воли осуществляется по модели не рынка, а диалога». Здесь главная власть — не административная — исполнительная, а коммуникативная — законодательная, «выражающая в своем духе дух народа». Коммуникация предполагает взаимное признание субъектов и поэтому не требует наличия каких-либо высших авторитетов. Общество устанавливает внутреннюю связь между дискурсами этического самопонимания и юридической справедливости. Такая «теория дискурса переносит центр власти на парламент, в рамках которого и протекает коммуникация свободной общественности и одновремен-

но вырабатываются постановления для администрации»⁷.) Республиканская институциональная схема — это «запутанная структура обязательной подотчетности держателей власти перед теми, под кем эта власть осуществляется». Должностные лица других ветвей контролируют «сдержки и противовесы»; при этом подразумевается, что «защита народа — это некий подобный продукт невидимой руки»⁸.

Поскольку процесс конструирования и формулирования представлений узаконивается правом, он получает силу всеобщности и универсальности, заключенную в юридической технике и средствах принуждения, которые она позволяет мобилизовать. Юридическая формализация может быть успешной, если она основывается на уже существующей практике. Здесь рационализация (в форме юридического комментирования) помогает преодолевать некоторые «темные» зоны и лакуны, неизбежно возникающие в правовой реальности. Техника позволяет избежать как аффективных излишеств правоприменения, так и логической узости юридического толкования. Коммуникативный аспект права открывает новые возможности для власти.

Прежнее «полицейское государство», уступающее свое место новой политической технологии, было правлением, смешанным с администрированием, правлением всецело административным и администрацией, весомость которой заключалась исключительно в руководстве». Этому интегральному руководству в виде противовеса придавалась

⁷ См.: Марков Б.В. В поисках другого // Хабермас Ю. Вовлечение другого. СПб., 2001. С. 12–13.

⁸ Шапиро И. Политика против господства. М., 2019. С. 136.

⁶ Хабермас Ю. Указ. соч. С. 386–387.

система судебных инстанций, что ограничивало государственные интересы: власть, как правление, ограниченное соблюдением истины, сама формулировалась как соблюдение истины в терминах закона о соблюдении (М. Фуко). В конкретном виде эта проблема постоянно обнаруживалась в поднимаемых в XIX в. вопросах экономического законодательства, разделения правительств и администрации, становления административного права. И все же общей проблемой по-прежнему оставалось точное техническое определение юридических пределов осуществления государственной власти. «Машина власти» требовала теперь уже более четких легальных границ для себя.

Для ее разрешения предлагалось два пути: критически-дедуктивный, путь французской революции и Руссо, который исходил не из методологии правления и его необходимого ограничения, но из феномена права в его классической форме, из сферы суверенитета и пределов права на суверенитет. Это была проблема легитимности и неотъемлемости прав, которая заново поднимала проблему государственного права, противопоставленного еще в XVII–XVIII вв. государственным интересам: проблема происходила из аксиоматики прав человека.

Другой путь исходил не из права, но из самой правительственной практики, из фактических ситуаций и пределов, которые спонтанно приходят из истории и традиции: этим путем и стал путь утилитаризма — как особые технологии руководства. Закон мыслился здесь только как результат сделки, полюбовно разделяющей сферу вмешательства государственной власти и сферу независимости индивидов. Иногда даже авторитарные системы склонялись к эгалитар-

ности, когда экономически они были бедны.

Либеральная тенденция реактивировала частное или гражданское право, базирующееся на экономике, тогда как государственное право (особенно во второй половине XIX в.) возросло в противовес частному праву как правовой регулятор бюрократической системы. С одной стороны, являлась концепция свободы, которая по сути есть концепция юридическая: всякий индивид изначально располагает определенной свободой. С другой — свобода не мыслилась только как осуществление некоторого количества основополагающих идей, она воспринималась просто как легализованная независимость управляемых от управляющих⁹. (Представители чикагской школы будут прямо отождествлять свободу с рынком.)

Технологическое мышление было склонно к созданию организаций. Оно неспособно создавать институты, но может организационно преобразовывать уже существующие институты, приспособляя их к техническим принципам. Технический прогресс не воспринимает немобильные структуры, поэтому с подозрением относится к «консервативным» институтам, демонстрирующим устойчивость и стабильность. (Уже физиократы боролись с цеховым устройством, мотивируя необходимость свободно развивать промышленные методы производства. Манчестерская школа выступила против любых устойчивых форм законодательного регулирования труда, ориентируясь исключительно на полную свободу рынка и безудержное развитие технического прогресса.)

⁹ См.: Фуко М. Указ. соч. С. 61–64.

Рынок — вот настоящая форма сети, если у сети вообще есть форма: мерцающие, то появляющиеся, то исчезающие центры (денег, товаров, власти, идей, силы и т.п.) своей динамикой создавали иллюзию стабильности, неизменности и тем самым порождали надежду на то, что сам рынок все урегулирует, отсюда и проистекает культ автоматичности с ее непогрешимостью. Рынок стал моделью управляющей сети, в которой существовали и действовали автономные субъекты. Из разрозненных действий складывался некий общий вектор («общее благо»), который поддавался расчетам и, как казалось, мог планироваться. На рынке была возможна гегемония, но не господство, появившиеся шансы у всех его участников были равны.

Рынок перестал быть чем-то конкретным, превратившись в абстрактную концепцию, математическую функцию, обезличенный механизм ценообразования, для которого высшими становятся ранее активно участвующие в его судьбе юридические и государственные институты. В либеральной транскрипции времен индустриальной революции любой вид интереса сводится к интересу экономическому. При этом исходят из двух априорных и абстрактных допущений, из представления о всеобщем равновесии (идеи, рожденной в XVIII в.) и теории рационального субъекта, игнорирующего случайные и вне рыночные факторы.

Промышленные революции неизменно усилили нивелирующие силы новой механической цивилизации. Игры политических сил (а до них — еще и рынка) предшествовали всякому праву, соблюдение которого возможно было только в том случае, если имелась необходимая политическая машинерия для его изменения. В свою очередь, техноло-

гическое превосходство порождало политическую гегемонию: Генрих Трипель утверждал, что гегемония является специфическим «типом власти, располагающим между “господством” и “влиянием”, — гегемона сильнее влияния, но слабее господства». В отличие от него Антонио Грамши полагал, что «нормальное осуществление гегемонии характеризуется обязательным сочетанием силы и согласия, принимающих различные формы равновесия. При этом делается видимость того, что сила опирается на согласие большинства, выражаемое через так называемые органы общественного мнения. Но речь здесь уже идет не о присоединении союзников к общему делу, а о подчинении противников порядку, им враждебному»¹⁰.

Технократический подход не может быть ни государственным, ни экономическим по своей сути. Ему свойственно внимание исключительно к механическим и функциональным процессам, т.е. обезличенность и строгая объективность заключений.

Вообще, категорию и термин «экономика» в текстах XVIII в. еще достаточно трудно обнаружить: здесь наличествуют только такие понятия, как «торговля» и «политика». Экономика сводилась к политической арифметике, в которой государство представлялось единственным местом приложения инициативы в обществе и доминировало над еще достаточно слабым гражданским обществом, которое существовало лишь на уровне ограниченной социальной деятельности.

Неоклассическая теория не желала учитывать воздействия на экономику властных структур и объективных властных отношений. Однако

¹⁰ См.: Андерсон П. Перипетии гегемонии. М., 2018. С. 38, 53.

наиболее успешные экономические стратегии могли осуществляться только с учетом границ и направлений, обусловленных структурными ограничениями. Механистическое представление о рынке вводило роль агентов (подобно ньютоновской физике) к роли материально взаимосвязанных точек или монад Лейбница. Модерн вносит серьезную коррективу в картину «силового

поля», сформированного индустриальной революцией: жир — спонтанность, обусловленная и ограниченная. Механическая и физикалистская детерминированность корректируется субъективностью принимаемого решения, обдуманного и рационального, действия агентов риска мотивируются и направляются некоей объективно-субъективной силой.

Литература

1. Андерсон П. Перипетии гегемонии / П. Андерсон ; перевод с английского Дмитрия Краlechкина ; под научной редакцией В. Софронова. Москва : Изд-во Ин-та Гайдара, 2018. 190 с.
2. Луман Н. Власть / Н. Луман ; перевод с немецкого А. Антоновской. Москва : Праксис, 2001. 249 с.
3. Марков Б.В. В поисках другого / Б.В. Марков // Хабермас Ю. Вовлечение другого : очерки политической теории / Ю. Хабермас ; перевод с немецкого Ю.С. Медведева ; под редакцией Д.В. Скляднева. Санкт-Петербург : Наука, 2001. С. 12–13.
4. Фуко М. Рождение биополитики : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / М. Фуко ; перевод с французского А.В. Дьякова. Санкт-Петербург : Наука, 2010. 446 с.
5. Хабермас Ю. Вовлечение другого : очерки политической теории / Ю. Хабермас ; перевод с немецкого Ю.С. Медведева ; под редакцией Д.В. Скляднева. Санкт-Петербург : Наука, 2001. 415 с.
6. Шапиро И. Политика против господства / И. Шапиро ; перевод с английского М.С. Фетисова и Т.А. Дмитриева. Москва : Праксис, 2019. 476 с.

References

1. Anderson P. Peripetii gegemonii [The Peripeteia of Hegemony] / P. Anderson ; perevod s angliyskogo Dmitriya Kralechkina ; pod nauchnoy redaktsiyey V. Sofronova. Moskva : Izd-vo In-ta Gaydara — translated from English by Dmitriy Krlechkin ; scientific editor V. Sofronov. Moscow : Publishing House of the Gaidar Institute, 2018. 190 s.
2. Luhmann N. Vlast [Power] / N. Luhmann ; perevod s nemetskogo A. Antonovskoy. Moskva : Praksis — translated from German by A. Antonovskaya. Moscow : Praxis, 2001. 249 s.
3. Markov B.V. V poiskakh drugogo [In Search of the Other] / B.V. Markov // Khabermas Yu. Vovlechenie drugogo : ocherki politicheskoy teorii / Yu. Khabermas ; perevod s nemetskogo Yu.S. Medvedeva ; pod redaktsiyey D.V. Sklyadneva. Sankt-Peterburg : Nauka — Habermas J. The Inclusion of the Other : Studies in Political Theory / J. Habermas ; translated from German by Yu.S. Medvedev ; edited by D.V. Sklyadnev. Saint Petersburg : Science, 2001. S. 12–13.
4. Foucault M. Rozhdenie biopolitiki : kurs lektsiy, pročitanny`kh v Kollezh de Frans v 1978–1979 uchebnom godu [The Origination of Biopolitics : course of lectures delivered at the Collège de France in 1978–1979 academic year] / M. Foucault ; perevod s frantsuzskogo A.V. Dyakova. Sankt-Peterburg : Nauka — translated from French by A.V. Dyakov. Saint Petersburg : Science, 2010. 446 s.
5. Habermas J. Vovlechenie drugogo : ocherki politicheskoy teorii [The Inclusion of the Other : Studies in Political Theory] / J. Habermas ; perevod s nemetskogo Yu.S. Medvedeva ; pod redaktsiyey D.V. Sklyadneva. Sankt-Peterburg : Nauka — translated from German by Yu.S. Medvedev ; edited by D.V. Sklyadnev. Saint Petersburg : Science, 2001. 415 s.
6. Shapiro I. Politika protiv gosподства [Politics vs. Supremacy] / I. Shapiro ; perevod s angliyskogo M.S. Fetisova i T.A. Dmitrieva. Moskva : Praksis — translated from English by M.S. Fetisov and T.A. Dmitriev. Moscow : Praxis, 2019. 476 s.

DOI: 10.18572/1812-3805-2020-1-11-16

Социально-правовые аспекты положения национальных меньшинств Брянской губернии в 1920-е годы

*Кулачков Вадим Витальевич,
доцент кафедры философии, истории и социологии
Брянского государственного инженерно-технологического университета,
кандидат исторических наук,
бакалавр юриспруденции
vad2517@yandex.ru*

В данной статье рассматриваются социально-правовые аспекты положения национальных меньшинств Брянской губернии в 1920-е годы. Деятельность в изучаемой сфере направляли партийные и советские структуры, представленные в изучаемый период Отделом национальных меньшинств при Народном комиссариате внутренних дел СССР, Советом национальных меньшинств при Народном комиссариате образования, Центральной комиссией по делам национальных меньшинств при Всероссийском центральном исполнительном комитете. В Брянской губернии работу в данной сфере регулировали агитационно-пропагандистский отдел губернского комитета ВКП (б), подотдел наименьшинств, совет национальных меньшинств, отдельные национальные секции. Как и в любой деятельности, были достижения и недостатки, но можно было снизить их негативное воздействие при проведении более взвешенной и скоординированной политики по отношению к деятельности в среде национальных меньшинств.

Ключевые слова: национальные меньшинства, Брянская губерния, социально-правовые аспекты, новая экономическая политика.

Social and Legal Aspects of the Status of National Minorities of the Bryansk Governorate in the 1920s

*Kulachkov Vadim V.
Senior Lecturer of the Department of Philosophy, History and Sociology of the Bryansk State Technological University of Engineering
PhD (History), Bachelor of Laws*

This article discusses the socio-legal aspects of the situation of national minorities of the Bryansk province in the 1920s. The activities in the field of study were directed by the party and Soviet structures represented in the study period by the Department of national minorities at the People's Commissariat of Internal Affairs of the USSR, the Council of national minorities at the People's Commissariat of Education, the Central Commission on national minorities at the All-Russian Central Executive Committee. In the Bryansk province, the work in this area was regulated by the propaganda Department of the provincial Committee of the CPSU (b), the sub-Department of national minorities, the Council of national minorities, and individual national sections. As in any activity, there were achievements and shortcomings, but it was possible to reduce their negative impact in the implementation of more balanced and coordinated policies in relation to activities among national minorities.

Keywords: national minorities, Bryansk province, social and legal aspects, new economic policy.

Изучение социально-правовых аспектов положения национальных меньшинств актуально в силу ряда причин. Очевидно, что использование исторического опыта в современных условиях позволит избежать ошибок при практической реализации национальной политики. При этом учет достижений прошлого будет способствовать более грамотному проведению тактического и стратегического планирования в такой

щепетильной сфере, как межнациональные отношения. Россия всегда была и будет многонациональной страной, поэтому сохраняется и даже усиливается в непростых современных условиях необходимость взвешенной и продуманной политики в изучаемой области. Целью данной статьи является рассмотрение социально-правовых аспектов положения национальных меньшинств Брянской губернии в 1920-е годы.

Изучение национальных меньшинств в отечественной историографии осуществлялось достаточно интенсивно, однако первоначально современники рассматриваемого периода уделяли главное внимание именно практической реализации советской политики в сфере национальной политики¹. В послевоенный период историографии вопроса тема национальных меньшинств не являлась приоритетной и разрабатывалась лишь в общем контексте изучения национального вопроса². В предпоследний год существования СССР была защищена докторская диссертация Л.Ф. Болтенковой, которая была непосредственно посвящена государственно-правовым аспектам советской политики по разрешению проблемы национальных меньшинств в 1920–1930-е годы³. Из работ, вышедших в постсоветский период истории России, следует выделить труды И.И. Костюшко, В.Г. Чеботаревой, В. Деннингхауса и др.⁴. Таким образом, краткий историографический обзор позволяет сказать, что тема положения национальных меньшинств не была обделена вниманием исследователей, однако остается слабо изученной региональная

специфика положения данной категории населения.

17 декабря 1926 г. в СССР проводилась первая Всесоюзная перепись населения СССР, согласно которой к наиболее многочисленным представителям национальных меньшинств относились украинцы, белорусы и грузины (соответственно 31 194 976 человек, 4 738 923 человека и 1 821 184 человека)⁵. В Брянской губернии из этой «большой» тройки проживали, по данным за 1928 г., украинцы и белорусы (соответственно 131 837 человек и 21 060 человек)⁶. При этом на территории Брянщины наши приют и другие категории национальных меньшинств: евреи — 37 331 человек (в СССР — 2 599 973); латыши — 1504 человека (в СССР — 151 410); немцы — 1461 человек (в СССР — 1 238 549)⁷. В совокупности национальные меньшинства составляли около 10% населения губернии. Работники органов власти констатировали, что в подавляющем большинстве национальные меньшинства были представлены крестьянством и отличались более высоким уровнем ведения сельского хозяйства, особенно латыши и немцы⁸.

Общим руководством деятельностью в среде национальных меньшинств

¹ Илларионов И.И. Национальные меньшинства Средней Волги. Самара, 1931; Тажурзин А. Очерки о хозяйственном и культурном строительстве в национальных районах Нижней Волги. Сталинград, 1934; и др.

² Грошев И.И. Исторический опыт КПСС по осуществлению ленинской национальной политики. М., 1967; Грищук И.Т. Советы — проводники ленинской национальной политики (1921–1926 гг.). Воронеж, 1982 и др.

³ Болтенкова Л.Ф. Опыт Советского государства по решению проблемы национальных меньшинств в 20-е — 30-е годы (государственно-правовые аспекты) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1990.

⁴ Костюшко И.И. Польское национальное меньшинство в СССР (1920-е гг.). М., 2001; Чеботарева В.Г. Наркомнац РСФСР: Свет и тени национальной политики 1917–1924 гг. М., 2003; Деннингхаус В. В тени «большого брата». Западные национальные меньшинства в СССР, 1917–1938 гг. М., 2011.

⁵ Иванова Т.Ю. Политико-правовое положение славянских меньшинств СССР в 1920–1929 гг. URL: http://sociosphera.com/publication/conference/2013/216/politikopravovoe_polozhenie_slavyanskih_menshinstv_ssr_v_19201929_gg/, свободный (дата обращения: 30.10.2019).

⁶ ГАБО (Государственный архив Брянской области). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2260. Л. 1.

⁷ ГАБО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2260. Л. 1; Иванова Т.Ю. Политико-правовое положение славянских меньшинств СССР в 1920–1929 гг. URL: http://sociosphera.com/publication/conference/2013/216/politikopravovoe_polozhenie_slavyanskih_menshinstv_ssr_v_19201929_gg/, свободный (дата обращения: 30.10.2019).

⁸ ГАБО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2260. Л. 1.

занимался Отдел национальных меньшинств при Народном комиссариате внутренних дел СССР (НКВД), который был сформирован 23 апреля 1921 г. Этот орган должен был способствовать материальному развитию национальных меньшинств, контролировать выполнение решений партии в сфере национальной политики. При этом декларировалось, что первоочередными задачами должны стать ликвидация экономической и культурной отсталости национальных меньшинств, подготовка национальных кадров. Для конкретной реализации принятых решений на практике были созданы еврейский, польский, немецкий подотделы.

В свою очередь, на губернском уровне формировались секции для определенной категории национальных меньшинств. Так, в Брянской губернии к органам для работы в национальной среде относились «агитпропотдел губкома ВКП (б) — подотдел нацменьшинств — совет нацменьшинств — секции (латышская, еврейская, польская)»⁹.

В первые годы советской власти деятельность в изучаемой сфере была в большей мере направлена на формирование нового социокультурного облика представителей национальных меньшинств. Для более эффективного регулирования и координации работы среди изучаемой категории населения в 1921 г. при Народном комиссариате образования был создан Совет национальных меньшинств. Однако в Брянской губернии, несмотря на определенные достижения, были проблемы с получением государственного финансирования на повышение образовательного уровня национальных меньшинств. Это было связано с тем, что отдельные представители советской власти были негативно настроены по отношению к ним. Многие партийцы считали латы-

шей и эстонцев кулаками и помещиками, поэтому они были должны сами финансировать и обеспечивать школы и избы-читальни. Например, на одном из заседаний Бежицкого уездного исполнительного комитета в 1926 г. при обсуждении вопроса об открытии двух нацменовских школ и двух изб-читален многие члены партии выступали против именно на этом основании¹⁰.

По всей видимости, ситуация в этой сфере действительно была непростой, что подтверждают архивные материалы. Так, в циркулярах прокуратуры Брянской губернии за 1928 г. сохранилось директивное письмо Народного комиссариата юстиции (НКЮ) РСФСР по работе среди национальных меньшинств от 2 августа 1929 г., в котором указывалось на слабую работу в указанной сфере по линии органов юстиции¹¹.

В связи с этим НКЮ настоятельно рекомендовал нижестоящим структурам собирать информационные данные, отвечая на следующий примерный перечень вопросов. Центральный орган управления в сфере юстиции интересовало количество проживающих представителей национальных меньшинств, специфика их расселения — сплошной массой или разбросанно? Кроме того, необходимо было ответить на вопросы о количестве судебных участков и работе на языке национальных меньшинств; состоянии пропаганды права и юридической помощи в данной сфере; наличии кодексов и популярной правовой литературы на языке национальных меньшинств и проведенных мероприятиях по улучшению этого показателя; о мерах по подготовке работников среди национальных меньшинств, и особенно о привлечении женщин из числа данной категории населения к активному участию в работе органов юстиции¹².

¹⁰ ГАБО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2260. Л. 85.

¹¹ ГАБО. Ф. 271. Оп. 2. Д. 423. Л. 97.

¹² Там же.

⁹ ГАБО. Ф. П-1. Оп. 1. Брянский губком ВКП (б). 1919–1929. Историческая справка. С. 8.

Очевидно, что специфика расселения интересовала центральные структуры с конкретной целью и была непосредственно связана с особенностями работы в изучаемой сфере. В Брянской губернии 1920-х годов национальные меньшинства, как правило, расселялись обособленно и проживали достаточно компактно. В частности, латыши, эстонцы преимущественно жили в Бежицком уезде, немцы в Жиздринском уезде, евреи в г. Почепе. В свою очередь, белорусы, украинцы, литовцы и поляки проживали более рассейно¹³.

Поэтому для повышения эффективности деятельности в среде национальных меньшинств органы советской власти принимали определенные меры для получения ими образования. Подготовкой работников для работы в среде национальных меньшинств занимались Смоленская и Клинецовская губернские советские партийные школы. Однако квалифицированных кадров все равно не хватало, так как в архивных материалах сохранились сведения по этому поводу. Так, в материалах к отчету Клинецовского ОК ВКП (б) Второй окружной партийной конференции (июль 1929 г. — май 1930 г.) сохранилась информация о том, что «...остро стоит вопрос с кадрами нацменработников... Большим недостатком является слабое выдвижение руководящих работников из среды нацменовского населения»¹⁴.

1920-е годы, или эпоха новой экономической политики, вошли в историю нашей страны как период активной борьбы с религией. Национальные меньшинства не избежали участи коренного населения в этом плане, и среди них тоже активно проводилась антирелигиоз-

ная пропаганда¹⁵. При этом ситуацию усугубляло то обстоятельство, что в целом их уровень жизни был выше, чем у коренного населения. В связи с этим среди партийных работников существовали две основные точки зрения — позитивная и негативная по отношению к работе в изучаемой сфере. Реально и трезво оценивающие ситуацию партийцы обоснованно считали, что основой материального благополучия представителей национальных меньшинств являются трудолюбие и более эффективные приемы земледелия и скотоводства. Однако отдельные представители советской власти демонстрировали отрицательное отношение к представителям национальных меньшинств, так как считали их кулаками, помещиками и нэпманами¹⁶. Об этом уже упоминалось при рассмотрении вопроса об открытии образовательных структур в среде национальных меньшинств.

Расширение деятельности в сфере отношений с национальными меньшинствами требовало усиления административного регулирования. Поэтому в 1924 г. при Всероссийском центральном исполнительном комитете была сформирована Центральная комиссия по делам национальных меньшинств. Вышеупомянутый Народный комиссариат юстиции не только занимался тактической деятельностью (сбором данных о национальных меньшинствах), но и пытался осуществлять стратегическое планирование. В связи с этим требовалось от нижестоящих структур присылать годовые и перспективные реальные планы с указанием практических мероприятий в

¹³ ГАБО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1597. Л. 83.

¹⁴ Материалы к отчету Клинецовского ОК ВКП (б) 2-й окружной партийной конференции (июль 1929 г. — май 1930 г.). Клинец Западной обл., 1930. С. 63.

¹⁵ Кулачков В.В. Антирелигиозная пропаганда в среде национальных меньшинств Западного региона России в 1920-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. Ч. 2. № 8 (34). С. 101-103.

¹⁶ Кулачков В.В. Крестьянство Западного региона России в 1920-е гг. (социокультурные изменения). Брянск : БГИТА, 2014. С. 47-64.

межнациональной сфере. Для повышения количества и качества деятельности настоятельно рекомендовалось выделить специалиста по совместительству для ведения специального учета поступающих директив в сфере работы с национальными меньшинствами. Кроме того, рекомендовалось ввести особый раздел о состоянии обслуживания среди наименьшинств в годовых отчетах, представляемых в НКЮ¹⁷.

На губернском уровне также создавались аналогичные комиссии, которые должны были координировать деятельность различных организаций в изучаемой сфере. Если говорить более конкретно, то в фокусе внимания были вопросы, касающиеся преодоления экономической и культурной отсталости, стимулирования развития колоний национальных меньшинств. Например, для этого проводились беспартийные конференции представителей национальных меньшинств, на которых рассматривались вопросы их жизнедеятельности.

¹⁷ ГАБО. Ф. 271. Оп. 2. Д. 423. Л. 97.

Таким образом, социально-правовые аспекты положения национальных меньшинств Брянской губернии в 1920-е годы заключались прежде всего в том, что деятельность в изучаемой сфере направляли партийные и советские структуры (Отдел национальных меньшинств при Народном комиссариате внутренних дел СССР, Совет национальных меньшинств при Народном комиссариате образования, Центральная комиссия по делам национальных меньшинств при Всероссийском центральном исполнительном комитете). В Брянской губернии работой в данной сфере занимались агитационно-пропагандистский отдел губернского комитета ВКП (б), подотдел наименьшинств, совет национальных меньшинств, отдельные национальные секции. Как и в любой деятельности, были достижения и недостатки, но можно было снизить их негативное воздействие при проведении более взвешенной и скоординированной политики по отношению к деятельности в среде национальных меньшинств.

Литература

1. Болтенкова Л.Ф. Опыт Советского государства по решению проблемы национальных меньшинств в 20-е — 30-е годы (государственно-правовые аспекты) : автореферат диссертации доктора юридических наук / Л.Ф. Болтенкова. Харьков, 1990. 391 с.
2. Грищук И.Т. Советские — проводники ленинской национальной политики (1921–1926 гг.) / И.Т. Грищук. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1982. 99 с.
3. Прошев И.И. Исторический опыт КПСС по осуществлению ленинской национальной политики / И.И. Прошев. Москва : Мысль, 1967. 420 с.
4. Деннингхаус В. В тени «большого брата». Западные национальные меньшинства в СССР, 1917–1938 гг. / В. Деннингхаус ; перевод с немецкого В. Деннингхауса. Москва : Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина» : РОССПЭН, 2011. 727 с.
5. Иванова Т.Ю. Политико-правовое положение славянских меньшинств СССР в 1920–1929 гг. / Т.Ю. Иванова // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». 2013. № 54. С. 21–32.
6. Илларионов И.И. Национальные меньшинства Средней Волги / И.И. Илларионов. Самара, 1931. 80 с.
7. Костюшко И.И. Польское национальное меньшинство в СССР (1920-е гг.) / И.И. Костюшко ; ответственный редактор А.Ф. Носкова. Москва : Ин-т славяноведения РАН, 2001. 222 с.
8. Кулачков В.В. Антирелигиозная пропаганда в среде национальных меньшинств Западного региона России в 1920-е гг. / В.В. Кулачков // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 8-2 (34). С. 101–103.
9. Кулачков В.В. Крестьянство Западного региона России в 1920-е гг. (социокультурные изменения) / В.В. Кулачков. Брянск : БГИТА, 2014. 330 с.
10. Тажурзин А. Очерки о хозяйственном и культурном строительстве в национальных районах Нижней Волги / А. Тажурзин. Сталинград : Нижне-Волжское краевое государственное изд-во, 1934. 72 с.
11. Чеботарева В.Г. Наркомнац РСФСР: Свет и тени национальной политики 1917–1924 гг. / В.Г. Чеботарева. Москва : Общественная Академия наук российских немцев, 2003. 852 с.

References

1. Boltenkova L.F. Opy't Sovetskogo gosudarstva po resheniyu problemy` natsionalny`kh menshinstv v 20-e — 30-e gody` (gosudarstvenno-pravovy`e aspekty`) : avtoreferat dissertatsii doktora yuridicheskikh nauk [Experience of the Soviet State in Solving the National Minority Issue in the 1920s and the 1930s (State and Legal Aspects) : author's abstract of thesis of LL.D.] / L.F. Boltenkova. Kharkov — Kharkiv, 1990. 391 s.
2. Grischuk I.T. Sovety` — provodniki leninskoj natsionalnoj politiki (1921–1926 gg.) [Unions as Transmitters of Lenin's National Policy (1921 to 1926)] / I.T. Grischuk. Voronezh : Izd-vo Voronezh. un-ta — Voronezh : Publishing house of the Voronezh University, 1982. 99 s.
3. Groshev I.I. Istoricheskiy opy`t KPSS po osuschestvleniyu leninskoj natsionalnoj politiki [Historical Experience of the CPSU in Implementation of Lenin's National Policy] / I.I. Groshev. Moskva : My`sl — Moscow : Thought, 1967. 420 s.
4. Dönninghaus V. V teni 'bolshogo brata'. Zapadny`e natsionalny`e menshinstva v SSSR, 1917–1938 gg. [In the 'Big Brother's' Shadow. Western National Minorities in the USSR, 1917 to 1938] / V. Dönninghaus ; perevod s nemetskogo V. Denningkhausa. Moskva : Fond 'Prezidentskiy tsentr B.N. Eltsina' : ROSSPEN — translated from German by V. Dönninghaus. Moscow : B.N. Eltsin's Presidential Center Foundation : Political Encyclopedia publishing house, 2011. 727 s.
5. Ivanova T.Yu. Politiko-pravovoe polozhenie slavyanskikh menshinstv SSSR v 1920–1929 gg. [The Political and Legal Status of Slavic Minorities in the USSR from 1920 to 1929] / T.Yu. Ivanova // Sborniki konferentsiy NITS 'Sotsiosfera' — Collections of conference proceedings of the Sociosphere research center. 2013. № 54. S. 21–32.
6. Illarionov I.I. Natsionalny`e menshinstva Sredney Volgi [National Minorities of Middle Volga] / I.I. Illarionov. Samara — Samara, 1931. 80 s.
7. Kostyushko I.I. Polskoe natsionalnoe menshinstvo v SSSR (1920-e gg.) [The Polish National Minority in the USSR (the 1920s)] / I.I. Kostyushko ; otvetstvenny`y redaktor A.F. Noskova. Moskva : In-t slavyanovedeniya RAN — publishing editor A.F. Noskova. Moscow : Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2001. 222 s.
8. Kulachkov V.V. Antireligioznaya propaganda v srede natsionalny`kh menshinstv Zapadnogo regiona Rossii v 1920-e gg. [Antireligious Propaganda among National Minorities of the Western Region of Russia in the 1920s] / V.V. Kulachkov // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy` teorii i praktiki — Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Studies of Art. Issues of Theory and Practice. 2013. № 8-2 (34). S. 101–103.
9. Kulachkov V.V. Krestyanstvo Zapadnogo regiona Rossii v 1920-e gg. (sotsiokulturny`e izmeneniya) [Peasantry of the Western Region of Russia in the 1920s (Sociocultural Changes)] / V.V. Kulachkov. Bryansk : BGITA — Bryansk : Bryansk State Technological Academy of Engineering, 2014. 330 s.
10. Tazhurizin A. Ocherki o khozyaystvennom i kulturnom stroitelstve v natsionalny`kh rayonakh Nizhney Volgi [Sketches of Economic and Cultural Building in National Lower Volga Districts] / A. Tazhurizin. Stalingrad : Nizhne-Volzhskoe kraevoe gosudarstvennoe izd-vo — Stalingrad : Lower Volga Territorial State Publishing House, 1934. 72 s.
11. Chebotareva V.G. Narkomnats RSFSR: Svet i teni natsionalnoj politiki 1917–1924 gg. [The People's Commissariat of Nationalities of the Russian Soviet Federative Socialist Republic: The Light and Shadows of the National Policy from 1917 to 1924] / V.G. Chebotareva. Moskva : Obschestvennaya Akademiya nauk rossiyskikh nemtsev — Moscow : Public Academy of Sciences of Germans from Russia, 2003. 852 s.

Приглашаем к сотрудничеству!

Редакция журнала «История государства и права» объявляет прием статей в тематический номер издания, который будет посвящен 75-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Статьи для тематического номера просим направлять на электронный адрес редакции: avtor@lawinfo.ru в срок с 1 февраля до 15 марта 2020 г.

DOI: 10.18572/1812-3805-2020-1-17-23

Историко-правовой аспект безналичных расчетов в России

*Дурнева Полина Николаевна,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Юридического института
Пятигорского государственного университета,
кандидат юридических наук
paula-d@yandex.ru*

*Михайличенко Дарья Игоревна,
преподаватель кафедры международного права,
правосудия и правоохранительной деятельности
Юридического института
Пятигорского государственного университета
paula-d@yandex.ru*

Безналичные расчеты воспринимаются нами зачастую как знак современности. Но это представление не совсем верно. Безусловно, в том виде, в котором безналичные расчеты существуют сегодня, веками ранее их не существовало. Но, как и любое явление в обществе и в праве в частности, безналичные расчеты явились продуктом многовековых процессов, происходивших в экономической и политической жизни общества. Авторы статьи ставили перед собой задачу показать основные этапы формирования безналичных расчетов на территории нашей страны, как ответ на потребности рынка, и влияния на этот процесс политических изменений. Поскольку во многом формирование правовой системы России проходило под влиянием европейского права, неизбежно обращение авторов к опыту европейской стран по рассматриваемому вопросу. В статье описано использование в разные периоды российской истории различных форм безналичных расчетов, таких как расчеты платежными поручениями, векселями, чеками, аккредитивами. Даны основные, знаковые нормативно-правовые документы, направленные на урегулирование отдельных форм расчетов. Авторы также подвели некоторые выводы касательно чистоты правовой природы некоторых форм расчетов в различные периоды.

Ключевые слова: безналичные расчеты, аккредитив, вексель, чек, банковские расчеты, банковский перевод.

The Historical and Legal Aspect of Non-Cash Settlements in Russia

*Durneva Polina N.
Senior Lecturer of the Department of Civil Law and Procedure
of the Law Institute of the Pyatigorsk State University
PhD (Law)*

*Mikhaylichenko Darya I.
Lecturer of the Department of International Law, Justice and Law Enforcement
of the Law Institute of the Pyatigorsk State University*

Non-cash payments are often perceived by us as a sign of modernity. But this view is not quite correct. Of course, in the form in which non-cash payments exist today, centuries before they did not exist. But, like any phenomenon in society, and in law — in particular, non-cash payments were the product of centuries-old processes that took place in the economic and political life of society. The authors of the article set themselves the task to show the main stages of the formation of non-cash payments in our country as a response to the needs of the market, and the impact of political changes on this process. Because in many ways, the formation of legal system of Russia took place under the influence of European law, inevitably the appeal of the authors the experience of European countries on the issue. The article describes the use in different periods of Russian history of various forms of non-cash payments, such as payments by payment orders, bills, checks, letters of credit. The basic, sign normative legal documents directed on regulation of separate forms of calculations are given. The authors also summed up some conclusions concerning the purity of the legal nature of some forms of calculations in different periods.

Keywords: non-cash payments, letter of credit, bill, check, Bank settlements, Bank transfer.

Нынешняя система безналичных расчетов является результатом многовековых процессов формирования альтернативных наличному расчету форм платежа. Многообразие форм расчетов и принципы выбора той или иной формы зависят от конкретной экономической ситуации в стране и от изменений при проведении реформ.

Первые упоминания о безналичных расчетах относятся к Средним векам. В те времена торговля сопровождалась передвижением денежных средств из места хранения в место торговли, а тогда этими денежными средствами являлись, например, бочки с серебром и золотом, они имели тяжелый вес и занимали много места. Эти металлические деньги были неудобны как в хранении, так и в перевозке.

Для коммерческого путешественника все эти перевозки были опасной авантюрой. Дороги не охранялись, часто проходили через леса, в которых зачастую обитали разбойники, совершающие грабежи на проходящих мимо путников.

Были и проблемы, связанные с тем, что различные государства могли не принять валюты других стран, иными словами, возникала проблема в обмене валют. Зачастую чеканить монету имели право большие города, там же она и оставалась в обращении, приобрести ее вне таких городов было крайне затруднительно.

Эти факторы побудили торговцев искать различные меры предосторожности. Одним из таких способов был поиск человека (менялы), который располагал требуемой суммой денег в месте, куда ехал торговец. Торговец заключал сделку с менялой, по которой последний получал бы от него такое же количество монет до его отправления в дальнейшее путешествие, а торговец по письму от собственника мог бы забрать равную сумму у его хранителя в месте, куда он следовал. В тексте запи-

ски сообщалось, что хранитель должен выплатить держателю данного сопроводительного письма определенное количество денег монетами того или иного государства. Вследствие чего разрешалось две проблемы — обмена валюты и транспортировки денег. Такое сопроводительное письмо являлось ценной бумагой и может рассматриваться в качестве прообраза современного платежного поручения. По мере развития банковской системы платежное поручение обрело самостоятельность.

Если говорить о банковских расчетах, то их появление мы наблюдаем уже в Средневековье. Основными банковскими операциями в то время были обмен денег и хранение вкладов. Следуя потребностям рынка, банки стали проводить расчеты между своими клиентами¹.

В нашей стране развитие безналичных расчетов протекало с чрезвычайной схожестью с Западной Европой. Первые упоминания об использовании векселей в России относятся к концу XVII в., связано это с развитием торговли с германскими княжествами. Г.Ф. Шершеневич писал: «У нас этот институт не вырос самостоятельно из условий русской жизни, но был принят с Запада и, хотя и с трудом, все же привился, когда наш торговый оборот пошел по пути западноевропейского»².

Первый Вексельный устав был написан в 1729 г., за основу было взято германское вексельное законодательство. Первая глава была «о настоящих купеческих векселях», вторая «о векселях на казенные деньги», а третья глава содержала формы векселей. О пользе векселей законодатель указал во введении:

¹ См.: Витрянский В.В. Правовое регулирование банковских (безналичных) расчетов // *Хозяйство и право*. 2006. № 3. С. 3.

² Шершеневич Г.Ф. *Избранное*: в 6 т. Т. 2 (включая Курс гражданского права) / вступ. слово сост.: П.В. Крашенинников. М.: Статут, 2017. С. 500.

«1) От провозов деньгами расходу освобождаются. 2) Опасности путевой нет. 3) Торгующие векселями прибыли получают»³ и т.д.

Новый российский Устав о векселях был принят в 1832 г. и скоро подвергся улучшению и изменению. В течение 55 лет было подготовлено шесть редакций нового устава.

27 мая 1902 г. был принят новый вексельный устав, включающий 126 статей. В данном акте вексель определялся как «совершенно независимое от предыдущих соглашений обязательство векселедателя о доставлении первому приобретателю или последнему векселедержателю в известный срок известной суммы денег»⁴. Октябрьская революция 1917 г. прекратила его действие.

Кооперативы и банки вновь получили возможность выдавать и принимать к учету векселя, оформлять ими кредитные операции с принятием в 1922 г. Положения о векселях. Но уже в 1928 г. вексельное обращение внутри страны было запрещено и оставалось только во внешнеэкономической деятельности.

Факт присоединения СССР к Международной конвенции о векселях в 1936 г. фактически не изменил ситуацию с вексельным обращением. Несмотря на принятие Положения о переводном и простом векселе⁵, внутри страны вексель не применялся.

Следующим этапом стало принятие в 1991 г. постановления Президиума ВС РСФСР «О применении векселя в хо-

зяйственном обороте РСФСР». Данный акт содержал ряд недостатков, связанных с выпуском векселей, начислением процентов и пени. Эти проблемы были разрешены с принятием Закона «О переводном и простом векселе» 1997 г.⁶ Важным положением стало исключение публично-правовых образований из круга субъектов, которые могут обязываться по векселям. Этот закон действует и по сей день.

Схожими до степени смешения с переводным векселем чертами в дореволюционной России обладал банковский перевод на основании платежного поручения. Г.Ф. Шершеневич писал: «В сущности современный перевод, нередко применяемый в банковской практике, представляет собою не что иное, как переводной вексель, в его первоначальной форме. В настоящее время (начало XX века) вексель, по своей экономической цели и по своей юридической конструкции, далеко ушел от предка, роль которого и выполняет ныне перевод»⁷.

В советский период расчеты платежными поручениями, как и вексель, не получили широкого распространения, их применение ограничивалось «удовлетворением требований контрагентов по договорам, в том числе в претензионном порядке, об уплате сумм убытков и неустоек, а также иными отношениями, которые носили бестоварный характер»⁸.

Давнюю историю имеют расчеты чеками, возникшие в европейских государствах. Так, в XIII в. Венеция была могучим государством. У такой сильной

³ Устав вексельный от 16 мая 1729 г. (утратил силу). URL: <https://base.garant.ru/55006736/> (утратил силу).

⁴ Федоров А.Ф. Вексельное право. С приложением высочайше утвержденного, 27 мая 1902 года, Устава о векселях. URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/62/>

⁵ Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 7 августа 1937 г. № 104/1341 «О введении в действие Положения о переводном и простом векселе» // *Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР*. 1937. № 52. Ст. 221.

⁶ См.: Федеральный закон от 11 марта 1997 г. № 48-ФЗ «О переводном и простом векселе» // *Российская газета*. 1997. 18 марта.

⁷ Шершеневич Г.Ф. *Курс торгового права* : в 4 т. Т. II: Товар. Торговые сделки. М. : Юрайт, 2019. С. 388.

⁸ См.: Брагинский М.И., Витрянский В.В. *Договорное право. Договоры о банковском вкладе, банковском счете; банковские расчеты. Конкурс, договоры об играх и пари* : в 2 т. Кн. 5: Т. 2. М. : Статут, 2006. С. 410.

торговой державы как раз в это время и появились банки. С ростом торговли стали появляться новые платежные инструменты, и в XIII в. венецианские купцы уже использовали подобие современных чеков⁹.

В начале XVII в. была основана голландская Ост-Индская компания. Как и в случае с Венецианской республикой, стремительный подъем торговли предполагал использование более компактных платежных инструментов, чем монеты из драгоценных металлов. Сначала были освоены банковские вклады, а потом стали обращаться к чекам, которые в то время имели форму написанных от руки распоряжений выплатить держателю бумаги определенную сумму.

Чеки в современном виде зародились в Великобритании. Первый такой чек, дошедший до нас, находится в коллекции Банка Англии, был выдан лондонским банком «Моррис и Клейтон». Владелец этого банка, Николас ван Акер, был и первым автором чека на сумму 400 фунтов 16 февраля 1659 г. некоему мистору Делбоэ¹⁰.

В 1717 году Банк Англии выпустил первые отпечатанные типографским способом чеки. В качестве защиты от подделок использовалась специальная бумага. В 1811 году Коммерческий банк Шотландии выпустил персонализированные чеки, на формулярах которых разместились имена клиентов банка. Первые чековые книжки издал Банк Англии в 1830 г., в которых содержалось от 50 до 200 бланков. В это время банковские чеки приобрели свой окончательный вид.

⁹ См.: Буйлов М. Начало чека. Зачем в будущем платежный инструмент прошлого. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3475051>

¹⁰ См.: The Great British Cheque Report. URL: https://www.chequeandcredit.co.uk/sites/default/files/the_great_british_cheque_report_0.pdf

В России чеки были введены в широкий оборот кредитной общественной организацией «Общество взаимного кредита» (далее — ОВК) в XIX в. Основателем первого ОВК был Евгений Иванович Ламанский. В ходе своего путешествия по Западной Европе он изучал опыт постановки банковского дела и внедрил полученный опыт у себя на Родине¹¹. Устав организации был утвержден 9 (21) апреля 1863 г., 17 (29) марта 1864 г. считается датой начала операций общества.

Члены общества искали новые, неизвестные России инструменты работы с клиентами, одним из таких инструментов стал чек. ОВК впервые в России начало пользоваться операциями с чеками, и это быстро подхватили другие кредитные учреждения¹². Вслед за практикой при разработке проекта Гражданского уложения был выделен целый раздел, посвященный чекам (гл. XV). В проекте излагалось: «Посредством чека подписавший (чекодатель) поручает банку или банкиру уплатить предъявителю чека (чекодержателю) определенную сумму из средств, имеющихся в распоряжении чекодателя на его текущем счету»¹³ (ст. 2107 проекта ГУ). Таким образом, еще в конце XIX в. чек сформировался в том виде, в котором он известен нам сегодня.

После Октябрьской революции расчеты чеками были урегулированы только постановлением ЦИК СССР, СНК

¹¹ См.: Юргенс Ф.А. Воспоминания об Евгении Ивановиче Ламанском в связи с деятельностью Государственного банка. СПб. : Тип. Ш. Буссея, 1903. С. 40.

¹² См.: Зотова А.В. Петербургские общества взаимного кредита в XIX веке // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 9. С. 88.

¹³ Гражданское уложение. Проект Высочайше учрежденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения. Т. 1 / сост. : А.Л. Саатчиан, под ред. И.М. Тютрюмова. СПб. : Издание книжного магазина «Законоведение», 1910. С. 542.

СССР от 6 ноября 1929 г. «Об утверждении Положения о чеках»¹⁴. В качестве особого следует отметить, что в соответствии с этим положением обязательным реквизитом чека, выданного социалистической организацией, являлось назначение платежа, что характерно скорее для платежного поручения.

Следующим документом, призванным регулировать расчеты чеками, стало Положение о чеках, утвержденное Постановлением Верховного Совета РФ от 13 февраля 1992 г. № 2349-1¹⁵, просуществовавшее совсем недолго в связи с введением в действие ч. 2 Гражданского кодекса РФ 1 марта 1996 г.

В дореволюционной России проводились также расчеты по инкассо и по аккредитиву. История аккредитива насчитывает тысячелетия, эта форма безналичных расчетов в своем развитии изменялась, как и менялись выполняемые ею функции. Самые простые формы аккредитива существовали еще в Египте, античной Греции, Римской империи и Финикии.

«Аккредитивы для путешественников», ранняя форма аккредитива, предполагали следующее: торговец, который следовал в другой город, вносил деньги банкиру в одном месте, а получить их мог в другом. Для этого было необходимо предъявить выданное первым банкиром «кредитное письмо», в котором содержалось обязательство о выдаче денежной суммы.

В XIX веке появляется «коммерческий аккредитив». По просьбе покупателя банк принимает на себя обязательства покупателя. Продавец, после того как он отгрузил товар, предъявляет

тратту своему банку, банк выплачивает соответствующую сумму продавцу, а затем направляет тратту банку покупателя, и тот производит оплату банку продавца. Далее банк покупателя взимает с него плату. Коммерческий аккредитив открывался также и крупными торговыми фирмами, различными ассоциациями торговцев.

К концу XIX в. аккредитив принимает привычную для нас форму: если ранее продавец был просто третьим лицом, в пользу которого открывается аккредитив, то теперь он получил самостоятельный статус в отношениях с банком.

В дореволюционный период мы можем выделить несколько видов аккредитивов. «Денежный аккредитив», под которым понималось письмо, содержащее указание на денежную сумму, депонированную в банк лицом, и пункты, где это лицо впоследствии могло получить эту сумму. «Коллективный аккредитив», выпущенный на имя нескольких лиц. Пользовались в то время и «товарным аккредитивом». Банк подтверждал, что он открыл товарный аккредитив, продавец получал платеж против документов, свидетельствующих об отправке товаров.

В советское время аккредитивная форма расчетов вернулась в оборот после проведения кредитной реформы в 1930–1932 гг., ощутимо изменившей известные формы безналичных расчетов. Аккредитив получил черты банковского перевода, как когда-то чек.

Аккредитив широко использовался СССР в международной торговле. Л.Б. Волков писал: «Документарные аккредитивы, используемые в сфере внешней торговли по своему экономическому содержанию и правовой природе, имеют отличия от аккредитивов, как особой формы расчетов, практикуемой в народном хозяйстве СССР и других социалистических стран»¹⁶.

¹⁴ Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 6 ноября 1929 г. «Об утверждении Положения о чеках» // Свод законов СССР. Т. 5. С. 553.

¹⁵ См.: Постановление Верховного Совета РФ от 13 февраля 1992 г. № 2349-1 «О введении в действие Положения о чеках» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 24. Ст. 1283 (утратил силу).

¹⁶ Волков Л.Б. Документарное инкассо и аккредитивы в расчетах с развивающимися и

Государственный банк стал осуществлять надзор за всеми производимыми в стране расчетами¹⁷. Безналичные расчеты превратились в основной вид расчетов между предприятиями и организациями в СССР.

С началом экономической реформы 1965 года, известной как «Косыгинская реформа», в СССР взгляды на расчеты по аккредитиву претерпевали изменения. Реформа преследовала политику частичной децентрализации управления предприятиями и расширения их самостоятельности, предполагала сокращение количества плановых показателей с целью уменьшения бюрократизации процесса производства.

Предприятия, занимающиеся поставкой, нуждались в такой форме расчетов, которая бы обладала повышенной надежностью, гарантированностью поступления платежа и уменьшением времени на получение этого платежа после отгрузки товаров. Такими критериями обладал аккредитив.

Покрытые аккредитивы требовали привлечения оборотных средств предприятия, это повлекло за собой спад

такой формы безналичных расчетов, и впоследствии Государственный банк наложил ограничения на использование аккредитива, просуществовавшие до 1992 г. в связи с введением в действие Положения о безналичных расчетах в Российской Федерации от 9 июля 1992 г. № 14. Согласно положению, могли открываться «покрытые (депонированные) или непокрытые (гарантированные); отзывные или безотзывные»¹⁸ аккредитивы (ст. 5). В дальнейшем аккредитив в России не раскрыл своего экономического и правового потенциала.

В завершение отметим следующее. Существующая в России система безналичных расчетов была воспринята из опыта европейских стран. Вексельные расчеты можно считать наиболее распространенными как в дореволюционный, так и в советский период. Расчеты платежными поручениями, хотя и были выделены в качестве самостоятельной формы безналичного расчета, действительно самостоятельные, отличные от переводного векселя черты приобрели уже в советский и постсоветский периоды. Смешение форм расчетов допущено и в советский период, когда чек временно приобрел реквизиты платежного поручения.

развитыми капиталистическими странами // В кн. : Валютные отношения во внешней торговле СССР / А.Б. Волков ; под ред. А.Б. Альтшулера. М. : Межд. отношения, 1968. С. 154.

¹⁷ Постановление Совмина СССР от 30 декабря 1949 г. № 5971 «Об утверждении Устава Государственного банка». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=28151#08891889782782088> (утратил силу).

¹⁸ Письмо Банка России от 9 июля 1992 г. № 14 «О введении в действие Положения о безналичных расчетах в Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. 1993. № 4 (утратил силу).

Литература

1. Брагинский М.И. Договорное право. В 2 томах. Кн. 5. Т. 2. Договоры о банковском вкладе, банковском счете; банковские расчеты. Конкурс, договоры об играх и пари / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. Москва : Статут, 2006. 621 с.
2. Буйлов М. Начало чека. Зачем в будущем платежный инструмент прошлого / М. Буйлов // Коммерсантъ. 2017. 26 ноября.
3. Витрянский В.В. Правовое регулирование банковских (безналичных) расчетов / В.В. Витрянский // Хозяйство и право. 2006. № 3. С. 3–8.
4. Волков А.Б. Документарное инкассо и аккредитивы в расчетах с развивающимися и развитыми капиталистическими странами / А.Б. Волков // Валютные отношения во внешней торговле СССР: Правовые вопросы / А.Б. Альтшулер [и др.] ; предисловие М.Н. Свешникова, под редакцией А.Б. Альтшулера. Москва : Международные отношения, 1968. 350 с.

5. Гражданское уложение. Проект Высочайше учрежденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения. Т. 1 / составитель А.Л. Саатчиан ; под редакцией И.М. Тютрюмова. Санкт-Петербург : Изд-е книжного магазина «Законоведение», 1910. 1215 с.
6. Зотова А.В. Петербургские общества взаимного кредита в XIX веке / А.В. Зотова // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 9. С. 28–36.
7. Федоров А.Ф. Вексельное право. С приложением высочайше утвержденного, 27 мая 1902 года, Устава о векселях / А.Ф. Федоров. Одесса : Экономическая тип., 1906. 701 с.
8. Шершеневич Г.Ф. Избранное. В 6 томах. Т. 2 (включая Курс гражданского права) / Г.Ф. Шершеневич ; вступительное слово, составитель П.В. Крашенинников. Москва : Статут, 2017. 702 с.
9. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. В 4 томах. Т. 2. Товар. Торговые сделки / Г.Ф. Шершеневич. Москва : Юрайт, 2019. 480 с.
10. Юргенс Ф.А. Воспоминания об Евгении Ивановиче Ламанском в связи с деятельностью Государственного банка / Ф.А. Юргенс. Санкт-Петербург : Тип. Ш. Бусселя, 1903. 68 с.

References

1. Braginskiy M.I. Dogovornoe pravo. V 2 tomakh. Kn. 5. T. 2. Dogovory` o bankovskom vklade, bankovskom schete; bankovskie raschety`. Konkurs, dogovory` ob igrakh i pari [Contractual Law. In 2 volumes. Book 5. Vol. 2. Bank Deposit, Bank Account Agreements; Bank Settlements. Tender, Gaming and Wagering Agreements] / M.I. Braginskiy, V.V. Vitryanskiy. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2006. 621 s.
2. Buylov M. Nachalo cheka. Zachem v buduschem platezhny`y instrument proshlogo [The Origins of a Receipt. Why Does the Future Need a Payment Instrument from the Past?] / M. Buylov // Kommersant. 2017. 26 noyabrya — Kommersant. 2017. November 26.
3. Vitryanskiy V.V. Pravovoe regulirovanie bankovskikh (beznaichny`kh) raschetov [Legal Regulation of Bank (Non-Cash) Settlements] / V.V. Vitryanskiy // Khozyaystvo i pravo — Economy and Law. 2006. № 3. S. 3–8.
4. Volkov L.B. Dokumentarnoe inkasso i akkreditivny` v raschetakh s razvivayuschimisya i razvity`mi kapitalisticheskimi stranami [Documentary Remittance and Letters of Credit in Settlements with Developing and Developed Capitalist Countries] / L.B. Volkov // Valyutny`e otnosheniya vo vneshney trgovle SSSR: Pravovy`e voprosy` / A.B. Altshuler [i dr.]; predislovie M.N. Sveshnikova, pod redaktsiey A.B. Altshulera. Moskva : Mezhdunarodny`e otnosheniya — Foreign Exchange Relationships in Foreign Trade of the USSR : Legal Issues / A.B. Altshuler [et al.]; foreword by M.N. Sveshnikov, edited by A.B. Altshuler. Moscow : International Relations, 1968. 350 s.
5. Grazhdanskoe ulozhenie. Proekt Vy`sochayshe uchrezhdennoy Redaktsionnoy Komissii po sostavleniyu Grazhdanskogo Ulozheniya. T. 1 [The Civil Code. A Project of the Editorial Commission for Drafting the Civil Code consolidated by the Imperial Court. Vol. 1] / sostavitel A.L. Saatchian ; pod redaktsiey I.M. Tyutryumova. Sankt-Peterburg : Izd-e knizhnogo magazina 'Zakonovedenie' — compiled by A.L. Saatchian ; edited by I.M. Tyutryumov. Saint Petersburg : Edition of the Legal Studies bookshop, 1910. 1215 s.
6. Zotova A.V. Peterburgskie obschestva vzaimnogo kredita v XIX veke [Saint Petersburg Mutual Loan Societies in the XIX Century] / A.V. Zotova // Trudy` Istoricheskogo fakulteta Sankt-Peterburgskogo universiteta — Works of the Historical Faculty of the Saint Petersburg University. 2012. № 9. S. 28–36.
7. Fedorov A.F. Vekselnoe pravo. S prilozheniem vy`sochayshe utverzhdennogo, 27 maya 1902 goda, Ustava o vekselyakh [Exchange Law. Attaching the Bills of Exchange Act Consolidated by the Imperial Court on May 27, 1902] / A.F. Fedorov. Odessa : Ekonomicheskaya tip. — Odessa : Economic Printing Office, 1906. 701 s.
8. Shershenevich G.F. Izbrannoe. V 6 tomakh. T. 2 (vkluychaya Kurs grazhdanskogo prava) [Selected Works. In 6 volumes. Vol. 2 (Including a Course of Civil Law)] / G.F. Shershenevich ; vstupitelnoe slovo, sostavitel P.V. Krasheninnikov. Moskva : Statut — foreword, compiled by P.V. Krasheninnikov. Moscow : Statute, 2017. 702 s.
9. Shershenevich G.F. Kurs torgovogo prava. V 4 tomakh. T. 2. Tovar. Torgovy`e sdelki [A Course of Trade Law. In 4 volumes. Vol. 2. Goods. Trading Transactions] / G.F. Shershenevich. Moskva : Yurayt — Moscow : Urait, 2019. 480 s.
10. Yurgens F.A. Vospominaniya ob Evgenii Ivanoviche Lamanskom v svyazi s deyatelnostyu Gosudarstvennogo banka [Memory of Evgeniy I. Lamanskiy in View of the State Bank Activities] / F.A. Yurgens. Sankt-Peterburg : Tip. Sh. Busselya — Saint Petersburg : Sh. Bussel's printing office, 1903. 68 s.

Сакральное понимание «греха» в идеологеме 'Pax Mongolica' и его юридическое выражение

*Ахмедов Руслан Маратович,
доцент кафедры государственного и административного права
Российского технического университета,
кандидат юридических наук, доцент
ahmedov@list.ru*

*Государственно-конфессиональная политика монгольских завоевателей в XIII веке была основана на свободе вероисповедания, которая свое юридическое воплощение получила в «Великой Ясе». Однако, соприкасаясь с конфессиональным многообразием покоренных народов, монголы сохранили приверженность отеческим религиозным доминантам, где одним из них являлось сакральное понимание категории «греха», получившее свое санкционирование на соблюдение в качестве мер правового предписания.
Ключевые слова: грех, «Великая Яса», монгольская империя, свобода вероисповедания, конфессии.*

Sacral Interpretation and Legal Expression of a 'Sin' in the Pax Mongolica Ideologeme

*Akhmedov Ruslan M.
Senior Lecturer of the Department of State
and Administrative Law of the Russian Technical University
PhD (Law), Associate Professor*

*Mongol invaders in the XIII century. was based on religious freedom, which received its legal embodiment in the 'Great Yas'. However, in contact with the confessional diversity of the conquered peoples, the Mongols remained committed to fatherly religious dominants, where one of them was a sacred understanding of the categories of 'sin', which received its approval to comply with legal requirements as measures.
Keywords: sin, 'Great Yasa', the Mongol empire, freedom of religion, faiths.*

Военно-политическое расширение жизненного пространства Великой Монгольской империи в XIII в., основная сакральная цель которой была, как отмечает А.Г. Юрченко, «жажда власти»¹, способствовало тому, что в покоренных областях среди населения формировалось единое понимание идеологической матрицы, исходящей от потомков Чингисхана. Развитие основных законодательных положений «Великой Ясы», содержащих требования установления свободы вероисповедания в отношениях юридической регламентации государственно-конфессиональных отношений в пределах империй, заключалось в едином тезисе, приобретшем

силу закона для «чингисидов»: «Повеlevаем всем веровать во Единого Бога, Творца неба и земли, единого подателя богатства и бедности, жизни и смерти по Его воле, обладающего всемогуществом во всех делах»². Наличие данного тезиса создало условия для того, чтобы развернулась борьба иерархов национальных и региональных конфессий за идеологическое доминирование в мировосприятии иноземных завоевателей. Как следствие, в ставке ханов Орды традиционно исследователи при анализе состава свиты ханского двора отмечают наличие большого количества духовных

¹ См.: Юрченко А.Г. Золотая Орда: между Ясой и Кораном (начало конфликта). Книга-конспект. СПб. : ЕВРАЗИЯ, 2017. С. 17.

² См.: Д-р Хара-Даван Эренжен. Чингис-хан как полководец и его наследие // На стыке континентов и цивилизаций... (из опыта образования и распада империй X-XVI вв.). М. : ИНСАН, 1996. С. 134.

лиц различных вероисповеданий (шаманы, ламы, муллы, священнослужители).

В то же время монгольская политическая элита не отталкивала от себя идеологическое восприятие религиозных культов национальных и региональных конфессий покоренных народов. Служители культа различных вероисповеданий были включены в состав монгольского государственного механизма, основное назначение которого было в формировании и развитии идеологии 'Рах Mongolica' по отношению к покоренным народам, а также, как отмечает Е.Е. Голубинский, всенародном пении и отправлении ритуальной службы во благо здоровья хана Орды и его семьи³. Поэтому, для того чтобы сохранить контроль за положительным идеологическим фоном политической власти завоевателей, выполнение основных государственно значимых сакральных ритуальных действий было возложено на представителей монгольской политической элиты, а именно в первую очередь на «чингисидов».

Однако, несмотря на довольно таки широкий выбор идеологических доктрин среди присутствовавших в ханской ставке представителей конфессии, монголы продолжали выполнять и, более того, требовали от покоренных правителей непосредственного исполнения сакральных ритуалов отеческого культа, сформированных еще в периоды кровнородственных общинных интересов монголов. Особый интерес в этой связи представляют вопросы понимания монголами «греха» и его юридического выражения, которое подпадало под санкцию политической мифологии Вечного Неба.

³ См.: Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. 2: Период второй, московский от нашествия монголов до митрополита Макария включительно. Первая половина тома / Е. Голубинский. М.: Университетская типография, 1900. М.: Книга по Требованию, 2016. С. 23.

Впервые наиболее подробно о видах греха в монгольском миропонимании и мерах юридической ответственности за его несоблюдение описал Иоанн де Плано Карпини в труде «История Монгалов». Вильгельм де Рубрук при описании своего путешествия в ставку хана также коснулся вопросов особенностей мировосприятия монголами социальных категорий «греха» и его правовых форм реализации. Существенные «грехи», происхождение которых и их смысл попытался описать А.Г. Юрченко. В частности, в качестве существенных «грехов» в монгольской среде исследователи указывают: запрет садиться на плеть; запрет касаться плетью стрел; запрет бить коня уздой; запрет убивать птенцов; запрет проливать молоко или другой напиток на землю внутри жилища; запрет мочиться в юрте; запрет ломать кости; запрет, связанный с порогом юрты; запрет выплевывать пищу (ритуальная трапеза); запреты, связанные с огнем⁴.

Указанным видам «грехов» были приданы правовые формы, которые нормативно были регламентированы и содержались в «Великой Ясе», нарушение положений которых выявлялось и сурово каралось в виде смертной казни, если выяснялось, что на данный проступок лицо пошло осознанно и добровольно. Если выяснялось в процессе следствия, что обвиняемый в нарушение «греха» допустил указанное действие неосознанно либо просто не знал о них, то по результатам судебного разбирательства данное лицо должно было пройти сакральную процедуру очищения. Но предварительно виновное лицо должно было заплатить «много денег колдуну, чтобы он очистил их»⁵. Причем отказ обвиняемого от соблюдения риту-

⁴ См.: Юрченко А.Г. Указ. соч. С. 135–142.

⁵ См.: Карпини Иоанн де Плано. История Монгалов. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1911. С. 9.

ала, в том числе очистительного свойства, был равнозначен отказу от власти для политической элиты империй, а в отношении чужеземцев — применением смертной казни как к отказавшимся от очищения. Но и бывали исключения из правил для иностранцев. Так, помощник священника Вильгельма де Рубрука, находясь в ставке хана Мангу, при выходе из юрты споткнулся о порог. Его тотчас отделили от сотоварищей и отвели к судье, который подробно расспросил провинившегося о том, доводил ли ему кто-нибудь правила прохода через порог. На что судье ответили, что порядок был подробно не разъяснен ввиду отсутствия «толмача» (переводчик. — *Авт.*), что естественно не позволило посещавшим хана усвоить церемониальный порядок в полном объеме. Лишь после этого судья отпустил, простив провинившегося, но «после того ему никогда не позволяли входить ни в один дом хана»⁶.

Благодаря социально установленным и существовавшим «греховным» доминантам, в монгольской имперской среде сформировался некий комплекс правоотношений, которые устанавливали связь между возникновением «греха» и последующими юридически значимыми действиями, призванными предотвратить преднамеренное возникновение «греха» и его фактическое воплощение. По сути, на житейском, обыденном уровне правосознания в общественно-политической среде монголов были сформированы нормы обычного права, содержащие сакральные предписания по отдельным социальным запретам, затем вошедшим в состав «Великой Ясы» и санкционированным имперским культом Вечного Неба. Поэтому возникновение «греха» переводило лицо, допустившее его нарушение, и вещь в разряд сакрально нечистых существ, вещей. Очистить которые возможно было

лишь посредством выполнения определенного ритуала либо уничтожения. Что характерно, в качестве основного «очистительного» инструмента от «грехов» использовался традиционный сакральный набор монгольского отеческого культа, а именно огонь, который разжигался в виде костров. Для очищения человека либо вещи считалось необходимым человеку пройти между огнями, а вещь необходимо было пронести. При этом предполагалось, что уничтожалась отрицательная энергия, помыслы человека очищались. Поэтому основное назначение очистительной процедуры было в восстановлении нарушенной гармонии, блокировании потенциальной угрозы для хана и его семьи. Со временем данная очистительная процедура приобрела характер придворной церемонии поклонения хану, невыполнение которой также сурово каралось. Примером тому является казнь русского князя Михаила Черниговского и его боярина Федора, отказавшихся пройти между кострами, поклониться кусту и солнцу.

Таким образом, монголы, не сформировавшие личных конфессиональных пристрастий из числа покоренных представителей национальных и региональных религий и не создавшие единой культурной матрицы в пределах 'Рах Mongolica', сохранили в XIII в. слитную конструкцию отеческого культа, юридически закрепленного в «Великой Ясе». Поэтому на протяжении всего монгольского периода геополитического доминирования иноземные завоеватели оставались открытыми для культурного включения и поглощения в ордынский социальный состав новых религиозных групп, пропагандируя при этом и подерживая свободу вероисповедания в качестве религиозной доминанты. К новым представителям религиозных практик предъявлялось лишь одно требование — идеологическое содействие сохранению приоритетного положения и сакральное санкционирование поли-

⁶ См.: Там же. С. 131.

тического господства завоевателей среди покоренных народов.

В то же время монгольская политическая элита, поглощая идеологические ресурсы на завоеванных землях, сохраняла основы отеческого культа, особенно в вопросах понимания и назначения «греха», за несоблюдение которых неминуемо следовала кара. Минимальная из них — это лишение правового статуса и положения провинившегося лица вне зависимости от его генеалогии либо применение по отношению к нему смертной казни. Иного быть не могло. Лишь затем, в условиях усиливающейся социальной дезинтеграции и бесконечных междоусобных

войн среди потомков «чингисидов», возникла потребность в установлении универсалистской религиозной системы, соответствовавшей существовавшим историко-политическим реалиям и политико-правовым монгольским и международным традициям. Предпочтение было отдано исламу. Поэтому, по мере распространения и усвоения исламского вероучения в качестве государственного вероисповедания в отдельных улусах некогда единой Великой Монгольской империи, начался процесс постепенного угасания отеческих родовых понятий о чести, достоинстве, в том числе и трансформация понимания «греха».

Литература

1. Ахмедов Р.М. Особенности реализации вероисповедальной политики на Руси в период господства Золотой Орды / Р.М. Ахмедов // Научные труды. Российская академия юридических наук. Т. 2. Вып. 17 / ответственный редактор В.В. Гриб. Москва : Юрист, 2017. С. 31–36.
2. Голубинский Е.Е. История русской церкви. В 2 томах. Т. 2. Период второй, московский от нашествия монголов до митрополита Макария включительно. Первая половина тома / Е. Голубинский. Москва : Университетская тип., 1900. Москва : Книга по Требованию, 2016.
3. Карпини И. де Плано. История Монгалов. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны / Иоанн де Плано Карпини. Санкт-Петербург : Изд. А.С. Суворина, 1911. 224 с.
4. Эренжен Хара-Даван. Чингис-хан как полководец и его наследие / Хара-Даван Эренжен // На стыке континентов и цивилизаций... (из опыта образования и распада империй X–XVI вв.) / составитель И.Б. Муслимов. Москва : ИНСАН, 1996. 768 с.
5. Юрченко А.Г. Золотая Орда: между Ясой и Кораном : начало конфликта : книга-конспект / А.Г. Юрченко. Санкт-Петербург : Евразия, 2017. 365 с.

References

1. Akhmedov R.M. Osobennosti realizatsii veroisповедalnoy politiki na Rusi v period gospodstva Zolotoy Ordy` [Peculiarities of Implementation of the Confession Policy in Rus in the Golden Horde Supremacy Period] / R.M. Akhmedov // Nauchny`e trudy`. Rossiyskaya akademiya yuridicheskikh nauk. T. 2. Vy`p. 17 / otvetstvenny`y redaktor V.V. Grib. Moskva : Yurist — Scientific Works. Russian Academy of Legal Sciences. Vol. 2. Issue 17 / publishing editor V.V. Grib. Moscow : Lawyer, 2017. S. 31–36.
2. Golubinskiy E.E. Istoriya russkoy tserkvi. V 2 tomakh. T. 2. Period vtoroy, moskovskiy ot nashestviya mongolov do mitropolita Makariya vklyuchitelno. Pervaya polovina toma [History of the Russian Church. In 2 volumes. Vol. 2. Period Two, the Moscow Period from the Mongol Invasion to Metropolitan Macarius Inclusive. The first half of the volume] / E. Golubinskiy. Moskva : Universitetskaya tip., 1900. Moskva : Kniga po Trebovaniyu — Moscow : University Printing Office, 1900. Moscow : Book on Demand, 2016.
3. Carpini J. De Plano. Istoriya Mongalov. Vilgelm de Rubruk. Puteshestvie v vostochny`e strany` [History of the Mongols. The Journey of William of Rubruck to the Eastern Parts of the World] / John De Plano Carpini. Sankt-Peterburg : Izd. A.S. Suvorina — Saint Petersburg : A.S. Suvorin's publishing house, 1911. 224 s.
4. Erenzhen Khara-Davan. Chingis-khan kak polkovodets i ego nasledie [Genghis Khan as a Commander and His Heritage] / Khara-Davan Erenzhen // Na sty`ke kontinentov i tsivilizatsiy... (iz opy`ta obrazovaniya i raspada imperiy X–XVI vv.) / sostavitel I.B. Muslimov. Moskva : INSAN — At the Interface of Continents and Civilizations... (from the Experience of the Origination and Breakdown of Empires from the X to the XVI Century) / compiled by I.B. Muslimov. Moscow : INSAN, 1996. 768 s.
5. Yurchenko A.G. Zolotaya Orda: mezhd u Yasoy i Koranom : nachalo konflikta : kniga-konspekt [The Golden Horde: Between Yasa and the Quran : The Beginning of a Conflict : summary book] / A.G. Yurchenko. Sankt-Peterburg : Evraziya — Saint Petersburg : Eurasia, 2017. 365 s.

DOI: 10.18572/1812-3805-2020-1-28-31

Эволюция российского уголовного законодательства во второй половине XVII столетия

*Арсеньева Галина Витальевна,
доцент кафедры теории государства и права
Астраханского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
galina.arsenjeva@yandex.ru*

Статья посвящена исследованию вопросов развития уголовного законодательства России. Эмпирическую основу исследования составили законодательные акты уголовно-правового характера второй половины XVII века. Выявлены виды законодательных актов, уточняющих и изменяющих положения Соборного уложения 1649 года, сформулированы причины эволюции уголовного законодательства во второй половине XVII века.

Ключевые слова: законодательство, Соборное уложение 1649 года, Новоуказные статьи 1669 года, указ, уголовное право, преступление, наказание.

Evolution of Russian Criminal Laws in the Second Half of the XVII Century

*Arsenjeva Galina V.
Senior Lecturer of the Department of Theory of State and Law of the Astrakhan State University
PhD (Law), Associate Professor*

The article is devoted to the study of the development of the criminal legislation of Russia. The empirical basis of the study was legislation of criminal law in the second half of the XVII century, the kinds of legislative acts, clarifying and modifying provisions of the Council code of 1649, formulated the causes of the evolution of criminal law in the second half of the XVII century.

Keywords: legislation, Cathedral code 1649, Novoukaznye article 1669, decree, criminal law, crime, punishment.

Эволюция уголовного законодательства — длительный и закономерный исторический процесс, обуславливающий не только обновление уголовно-правовых институтов, но и формирование определенной нормативной базы. Уголовное законодательство в истории права России представлено многочисленными кодификациями, а также отдельными нормативно-правовыми актами, устанавливающими ответственность за конкретные виды преступлений.

Исследование вопросов ретроспективы уголовного права приводит научный мир к объективной необхо-

димости более детального изучения исторического опыта¹.

Интенсивное развитие уголовного законодательства происходило во второй половине XVII в. Причины явления многообразны: формировались предпосылки абсолютизма, происходили процессы, связанные с подчинением церкви государству, усиливались народные волнения (Медный бунт, восстание Степана Разина и т.д.), институты крепостного права переживали кризис.

¹ Челябова З.М. Особенности развития дореволюционного уголовно-правового законодательства о насильственных преступлениях // Вестник МГЭИ. 2018. № 2. С. 102–103.

Основным источником права России середины — второй половины XVII столетия выступало Соборное Уложение 1649 г.² Соборное Уложение представляет собой крупнейший памятник отечественного феодального права, часть глав которого посвящены уголовно-правовым институтам (гл. XXI–XXII). Соборное уложение стало первым печатным нормативно-правовым актом, что позволило направить документ во все приказы и территории государства.

Законодательный акт отличался весьма высокой для своего времени юридической техникой. Однако стремительно развивающиеся общественные отношения требовали изменения и уточнения уголовно-правовых предписаний.

На протяжении 50–60-х гг. XVII в. разработаны и вступили в силу многочисленные законодательные акты уголовно-правового характера. Видами законодательных источников, пополнявших уголовное законодательство, выступали:

- указы Именные (издавались по широкому кругу вопросов, подписывались царем);
- указы Патриаршие (в эволюции уголовного законодательства носили вспомогательный характер, объявлялись от имени патриарха);
- боярские приговоры (регламентировали наиболее важные вопросы, принимались Боярской думой — высшим Советом при царе, состоявшим из титулованной и нетитулованной аристократии) и др.

Главными тенденциями уголовного права второй половины XVII в. стали уточнение и расширение составов преступлений (прежде всего имущественных) и изменение отношения законодателя к суровости наказания.

Ряд указов, принятых после вступления в действие Соборного уложения 1649 г., заменяли смертную казнь более мягкими наказаниями, что отразило стремление правительства изменить систему целей наказания, гуманизировать уголовные наказания, изменить отрицательную реакцию общества на уголовный закон. К числу подобных актов относятся:

- Указ Именной от 20 октября 1653 г.³ (заменял наказание для приговоренных к смертной казни преступников на наказание в виде казни торговой, отсечения пальцев руки и на ссылку в Сибирь);
- Указ Именной от 11 мая 1663 г.⁴ (заменял наказание в виде смертной казни для разбойников и воров на наказание в виде отсечения руки и ноги);
- Указ Патриарший от 16 августа 1655 г.⁵ (содержал обращение к скрывающимся преступникам сдаться (подчиниться) власти, при этом гарантировалось смягчение или отмена наказания — беглые «лихие люди», подлежащие заключению, — освобождались от наказания, подлежащие смертной казни, — наказывались, членовредительством, ссылкой);
- Указ Именной от 22 октября 1679 г.⁶ (заменял для воров и разбойников на-

³ Указ Именной от 20 октября 1653 г. «О наказании воров и разбойников вместо смертной казни кнутом, с отсечением у левой руки по персту, о ссылке их в Сибирь, и об учинении смертной казни за повторение этих преступлений» // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 1. № 105.

⁴ Указ Именной от 11 мая 1663 г. «О наказании воров и разбойников вместо смертной казни отсечением ног и левой руки» // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 1. № 334.

⁵ Указ Патриарший от 16 августа 1655 г. «О напоминание татям, разбойникам и всяким воровским людям, что бы они в винах своих перед Богом и Государем раскаялись» // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 1. № 163.

⁶ Указ Именной от 22 октября 1679 г. «О ссылке преступников в Сибирь, вместо отсечения им

² Соборное уложение 1649 г. // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 1. № 1.

казание в виде отсечения ног и рук наказанием в виде ссылки в Сибирь);

• Указ Именной от 17 сентября 1680 г.⁷ (заменил для виновных в порче межей наказание в виде битья кнутом наказанием в виде штрафа);

• Указ Именной от 17 ноября 1680 г.⁸ (заменил для виновных во второй краже наказание в виде отсечения рук и ног наказанием в виде ссылки в Сибирь вместе с семьей).

Устрашение населения остается одной из основных целей наказания, показателем этого выступают нормы Указа 1663 г., предписывающие прикреплять к деревьям вдоль дорог отсеченные у преступников руки и ноги, а также записи с перечислением совершенных преступлений («чтоб люди всяких чинов то их воровство ведали»). Появляется и новая цель — заселение окраин государства, чему способствовало такое уголовное наказание, как ссылка в Сибирь.

Во второй половине XVII в. принят целый ряд законодательных актов, направленных на установление ответственности за конкретные виды преступлений (не охваченных Соборным уложением 1649 г. или изменяющих положения предыдущего законодательства):

— Указ Именной от 25 мая 1654 г. «О вешании воров и зажигателей, и о недержании пришлых людей без приказной записки»⁹;

— Указ Именной от 7 июля 1654 г. «О пресечении грабежей, причиняе-

мых от военных людей крестьянам, едущим с хлебом»¹⁰;

— Указ Именной от 14 сентября 1655 г. «О наказании смертию ратных людей за разорение селений»¹¹;

— Указ Именной от 12 марта 1673 г. «Об отсрочке служилым всяких чинов людям во всяких делах, кроме татебных, разбойных и убийственных»¹²;

— Указ от 7 июля 1682 г. «О наказании за порчу межей и граней»;

— Боярский приговор от 20 июля 1683 г. «О чинении за церковную татьбу смертной казни»¹³.

Уголовное законодательство второй половины XVII столетия представлено и сводами статей, в частности, были разработаны Новоуказные статьи 1669 г.¹⁴ и статьи «О следствии, суде и наказании людей духовного чина, которые объявятся в церковных, или в мирских татьбах, разбоях, в делании фальшивой монеты и в убийствах» 1669 г.¹⁵.

¹⁰ Указ Именной от 7 июля 1654 г. «О пресечении грабежей, причиняемых от военных людей крестьянам, едущим с хлебом» // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 1. № 131.

¹¹ Указ Именной от 14 сентября 1655 г. «О наказании смертию ратных людей за разорение селений» // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 1. № 166.

¹² Указ Именной от 12 марта 1673 г. «Об отсрочке служилым всяких чинов людям во всяких делах, кроме татебных, разбойных и убийственных» // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 1. № 544.

¹³ Боярский приговор от 20 июля 1683 г. «О чинении за церковную татьбу смертной казни» // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 2. № 1026.

¹⁴ Новоуказные статьи о татебных, разбойных и убийственных делах от 22 января 1669 г. // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 1. № 431.

¹⁵ Статьи, учиненные благорассмотрением Царя и Великого Князя Алексея Михайловича по совету со Святейшими Паисием, Папою и Патриархом Александрийским, Макарием, Патриархом Антиохийским, Иоасафом, Патриархом Московским и всея Руси, и со всем Освященным Собором от 22 января 1669 г. «О следствии, суде и наказании людей духовного чина, которые объявятся в церковных, или в мирских татьбах, разбоях, в делании

рук и ног» // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 2. № 772.

⁷ Указ Именной от 17 ноября 1680 г. «О нечинении вора за две татьбы казни, отсечения рук, ног и пальцев и о ссылке их вместо того в Сибирь на пашню с женами и детьми» // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 2. № 846.

⁸ Там же.

⁹ Указ Именной от 25 мая 1654 г. «О вешании воров и зажигателей, и о недержании пришлых людей без приказной записки» // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 1. № 126.

Новоуказные статьи 1669 г. структурированы на части, посвященные регламентации различных вопросов. Первая часть закрепила изменения в порядке рассмотрения уголовных судебных дел. Вторая, третья и четвертая части предусматривали наказания за «татебные, разбойные и убийственные» дела. Прогрессивными аспектами статей стали:

— введение определенных критериев для определения состава преступления и его субъектов;

— признание невиновности родственников беглого преступника.

Новоуказные статьи 1669 г. продолжили гуманизировать наказания, внесли существенные изменения в гл. XXI–XXII Соборного уложения 1649 г.

Статьи «О следствии, суде и наказании людей духовного чина, которые объявятся в церковных, или в

фальшивой монеты и в убийствах» // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 1. № 442.

мирских татьбах, разбоях, в делании фальшивой монеты и в убийствах» были приняты одновременно с Новоуказными статьями 1669 г. Главная цель документа заключается в разграничении компетенции светской и духовной властей в области следствия и суда. Однако проблемы уголовного права частично затрагивались. В частности, ст. 13 разграничивает простую кражу из храма и церковную кражу (святотатство). Святотатством признано преступное деяние, направленное на кражу освященных вещей. Простая кража из храма каралась телесными наказаниями, церковная кража — смертной казнью.

Исследование правовых реалий прошлого в области регулирования уголовно-правовых отношений, эволюции источников уголовного права позволяет прогнозировать тенденции развития уголовного законодательства.

Литература

1. Челябинова З.М. Особенности развития дореволюционного уголовно-правового законодательства о насильственных преступлениях / З.М. Челябинова // Вестник МГЭИ. 2018. № 2. С. 103–110.
2. Юридический словарь / Н.А. Жильцов, Д.А. Липинский, Р.Л. Хачатуров, О.И. Чердаков. Москва : МЮИ, 2007. 703 с.

References

1. Chelyabova Z.M. Osobennosti razvitiya dorevolyutsionnogo ugovolno-pravovogo zakonodatelstva o nasilstvennykh prestupleniyakh [Peculiarities of Development of Pre-Revolutionary Criminal Laws on Violent Crimes] / Z.M. Chelyabova // Vestnik MGEI — Bulletin of the Moscow Humanitarian Economic Institute. 2018. № 2. S. 103–110.
2. Yuridicheskiy slovar [Legal Dictionary] / N.A. Zhiltsov, D.A. Lipinskiy, R.L. Khachaturov, O.I. Cherdakov. Moskva : MYUI — Moscow : International Law Institute, 2007. 703 s.

Мы в социальных сетях Facebook и Instagram!
Анонсы мероприятий, фотоотчеты и свежие новости нашего издательства.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ!

Facebook: <https://www.facebook.com/ig.lawinfo>
Instagram: <https://www.instagram.com/ig.lawinfo/>

Развитие института уголовной ответственности за кражу в российском законодательстве феодального периода

*Шаповалов Юрий Николаевич,
заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин
и судебно-экспертной деятельности
Пятигорского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
info@pgu.ru*

*Абазов Андемиркан Борисович,
доцент кафедры деятельности ОВД в особых условиях
Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал)
Краснодарского университета
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
кандидат юридических наук
and-abazov@yandex.ru*

Статья посвящена историко-правовым аспектам формирования и эволюции уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за тайное хищение чужого имущества. Развитие института уголовной ответственности за кражу в российском законодательстве XI–XIX веков шло поэтапно — от казуистичного закрепления отдельных уголовно-правовых норм до формирования системы соответствующих преступных деяний и законодательного закрепления отдельных существенных признаков кражи, позволяющих отграничивать ее от смежных преступлений.

Ключевые слова: кража, уголовная ответственность, тайное хищение, имущественные преступления.

Development of the Institution of Criminal Liability for Theft in Russian Laws of the Feudal Period

*Shapovalov Yuriy N.
Head of the Department of Criminal and Legal Disciplines
and Forensic Activities of the Pyatigorsk State University
PhD (Law), Associate Professor*

*Abazov Andemirkan B.
Senior Lecturer of the Department of Activities of Internal Affairs Bodies
in Special Conditions of the North Caucasian Institute of Advanced Training (Branch)
of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
PhD (Law)*

The article is devoted to the historical and legal aspects of the formation and evolution of criminal law rules governing liability for the secret theft of another's property. The development of the institution of criminal liability for theft in Russian legislation of the 11th–19th centuries proceeded step by step from the casuistic consolidation of certain criminal law norms to the formation of a system of relevant criminal acts and the legislative consolidation of certain essential signs of theft, allowing to distinguish it from related crimes.

Keywords: theft, criminal liability, secret theft, property crimes.

Система имущественных преступлений, очевидно, стала развиваться вместе с появлением такого не-

гативного явления общественной жизни, как сама преступность, с момента возникновения отношений

частной собственности и с формированием государства как особой властной организации, обладающей публичной властью и принудительной силой, способной обеспечить реализацию интересов имущих слоев населения, защитить их право на принадлежащее им имущество.

Развитие имущественных отношений в древнерусском обществе обусловило потребность в их нормативно-правовом закреплении и охране со стороны государства, и интерес в этом плане представляет первый известный нам памятник древнерусского права — Русская Правда, являющийся систематизированным законодательным актом, объединяющим нормы нескольких еще неразделенных отраслей права, и прежде всего отраслей, которые в настоящее время могут быть обозначены как уголовное и уголовно-процессуальное право. Развитие нормативного регулирования прослеживается в нескольких редакциях Русской Правды, получивших свое название как Правда Ярослава и более позднее издание — Правда Ярославичей, составленные в XI–XII вв.

Правда Ярослава закрепляла ответственность за кражу, именуемую «татьбой» и выступавшую разновидностью «обида», т.е. преступного посягательства. В качестве предмета кражи Правда называет такие наиболее ценные в то время вещи, как одежда, оружие и конь. Наказание имело имущественный характер и выражалось во взыскании 3 гривен, что являлось достаточно большой денежной суммой. Дальнейшая дифференциация ответственности за кражу нашла свое отражение в Правде Ярославичей, где меры ответственности, носившие также денежный характер, различались в зависимости от значимости и стоимости предмета посягательства, в качестве которого данный законодательный акт упоминает домашних птиц и живот-

ных, а также сельскохозяйственные продукты¹. Существенно расширенный перечень предметов кражи содержится в Пространной редакции Русской Правды, где он дополняется не упомянутыми в Краткой редакции молоком, хлебом, поросенком, свиньей, жеребцом. Наиболее суровое наказание — поток и разграбление — грозило за кражу лошади.

Русская Правда устанавливала также ответственность за групповую кражу, однако ни формы соучастия, ни виды соучастников еще не различались, и наказание для всех виновных предусматривалось одинаковым: «Аже крадет кто скот в хлеве или клеть, то же будет один, то платили ему 3 гривны и 30 кун; будет ли их много, всем по 3 гривны и по 30 кун плати»² (ст. 41 Пространной редакции). Из этой же нормы явствует выделение древнерусским законодательством ответственности за кражу, совершенную с проникновением в хозяйственное или жилое помещение — хлев или клеть. При этом последняя представляла собой бревенчатую постройку, служащую жильем домом, амбаром или кладовой. Следует отметить, что даже убийство вора, задержанного возле клетки, хлева или во дворе потерпевшего, не влекло никакой ответственности. Кроме места совершения кражи квалифицирующее значение придавалось и времени совершения деяния. Так, текст Русской Правды свидетельствует о более высокой степени опасности кражи, совершенной из клетки в ночное время. По сравнению с ночной, дневная кража из помещения считалась менее опасной, и за ее совершение в качестве наказания Русская Правда предусматривала штрафное

¹ Тихомиров М.Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953. С. 75–86.

² Правда Русская / под общ. ред. Б.Д. Грекова. М., 1940. Т. 1. С. 418.

взыскание 3 гривен продажи (в пользу князя).

Таким образом, Русская Правда отражает развитие в обществе отношений собственности, прежде всего феодальной, обеспечивая в первую очередь имущественные интересы верхишки древнерусского феодального общества. Этим обуславливается расширение перечня предметов преступления посягательства, в зависимости от значимости и принадлежности которых дифференцировалось наказание. Законодательство того периода уже закрепляло специальную уголовно-правовую терминологию, учитывало как время, так и способ совершения преступления. Вместе с тем о какой-либо системе уголовно-правовых норм в Русской Правде говорить не приходится.

Дальнейшее развитие уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за кражу, наблюдается в таком источнике периода централизации Русского государства, имеющем значение для всех русских земель, объединяемых Иваном III после освобождения от татаро-монгольского ига, как Судебник 1497 г., представляющий собой первый кодифицированный нормативный акт, в котором наблюдается некоторое упорядочение и детализация преступлений, посягающих на отношения собственности. Термин «обида», используемый в Русской Правде и означавший всякое преступление, был заменен термином «лихое дело». Судебник разграничивает простую, т.е. впервые совершенную кражу (ст. 10), и квалифицированные ее виды, которые различались по объекту — головная кража, которая сопровождалась убийством потерпевшего; по месту совершения преступления — церковная кража (ст. 9 и 10); по признаку рецидива — повторная кража (ст. 11) и по субъекту преступления — кража, совершенная ведомым татем,

задержанным с поличным (ст. 13). При этом повторность совершения преступления данным лицом подтверждалась только оговором под присягой («по крестному целованию») пяти-шести «добрых» людей. Наказание за квалифицированные виды кражи — самое суровое — смертная казнь.

Следующим этапом систематизации российского законодательства стало принятие Судебника 1550 г., который основывался на Судебнике Ивана III. Особенностью данного акта в рассматриваемом аспекте выступает появление термина «мошенник» (ст. 58), который упоминается наряду с татем. Значение понятия мошенничества Судебником не раскрывается, в связи с чем И.Я. Фойницким и Л.С. Белогриц-Котляревским, которые связывали данное понятие со словом «мошна», т.е. кошелек, было высказано предположение о том, что мошенничество является карманной кражей³. Вместе с тем М.Ф. Владимирский-Буданов полагал, что в ст. 58 Судебника термин «мошенник» используется для обозначения преступников как лиц, завладевших чужим имуществом обманным путем⁴. Данная точка зрения представляется более убедительной, так как в ст. 58 Судебника после упоминания мошенника, где он противопоставляется «татю», говорится об «оманщике», т.е. о преступнике, использовавшем обман при совершении имущественного преступления.

Следующим по времени кодифицированным актом российского законодательства стало Соборное Уложение

³ Фойницкий И.Я. Мошенничество по русскому праву. Сравнительное исследование. М., 2006. С. 172; Белогриц-Котляревский Л.С. О воровстве-краже по русскому праву. Историко-догматическое исследование. Выпуск первый. Киев, 1880. С. 152.

⁴ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М.: Территория будущего, 2005. С. 353.

1649 г., которое систематизировало изданные после Судебника 1550 г. многочисленные указы, которые нередко противоречили друг другу. Имущественным преступлениям в Уложении была посвящена гл. XXI, называвшаяся «О розбойных и о татиных делех» и включавшая в себя 104 статьи.

В Соборном Уложении впервые появляется термин «кража», употребляемый наряду с термином «татьба». Л.С. Белогриц-Котляревский разграничивал данные понятия, указывая, что «...термин “татьба” выражал большую преступность деяния, что с ним в современных юридических воззрениях соединялось более презрения к правонарушителю и его деянию; напротив, термин “кража” выражал меньшее презрение к последнему, а потому и применялся к такому воровству, к которому современные юридические воззрения относились снисходительно, не считая его нередко достойным какого-либо наказания, кроме гражданского взыскания убытков»⁵.

Используемые в Соборном Уложении термины «вор» и воровство» характеризовали родовое понятие преступления подобно тому, как в Русской Правде использовался термин «обида», а в Судебнике 1497 г. — «лихое дело». Разделение кражи на простую и привилегированную производилось в Уложении в основном по тем же признакам, которые использовались в предыдущих нормативных актах — по объекту, субъектному составу, по месту совершения, по предмету похищенного и по признаку рецидива. При этом простой признавалась кража, совершенная как впервые, так и повторно. Квалифицирующее значение имела кража, совершенная в третий и более раз. Как и в ранее действовавших актах, квалифицированными и

влекущими наказание в виде смертной казни признавались церковная кража, кража, сопровождавшаяся убийством. Такое же значение придавалось краже, совершенной в жилище, а также краже лошади такими специальными субъектами, как находящиеся на службе служилые люди.

Особым образом в гл. III Соборного Уложения выделялась кража, совершенная в «Государевом дворе», однако дифференциации ответственности по сравнению с простой кражей не проводилось.

Кроме квалифицированных видов Соборное Уложение закрепляло и кражу, которая влекла менее суровое, по сравнению с простой кражей, наказание. Такой привилегированный характер имели кража ульев с пчелами, яблок, плодовых деревьев из сада, сетки для ловли птиц, рыбы из пруда или садка, хлеба и сена с поля.

Существенную роль в регулировании ответственности за преступные деяния играл изданный в 1715 г. Петром I Артикул воинский, нормы, которого в первую очередь регулировали отношения с участием военнослужащих и подлежали применению военными судами, однако фактически общеуголовные преступления, в том числе и предусмотренные гл. XXI «О зажигании, грабительстве и воровстве», квалифицировались и судами, не относящимися к военной юстиции, на основании положений Артикула.

Артикул использует термины «воровство» и «кража» как равнозначные, обозначающие тайный способ хищения. При этом «воровство» уже не является родовым понятием преступного деяния, для обозначения которого введен термин «преступление». Часть 2 толкования арт. 185 обозначает стадию неконченной кражи, предусматривая за нее более мягкое наказание: «Також ежели вор, правда, ворветца в намерении украсть, но и в

⁵ Белогриц-Котляревский Л.С. О воровстве-краже по русскому праву. С. 72-73.

том пойман или отогнан, или помешает ему кто, что ничего с собой не унесет, оного також шпицрутенами полегче наказать надлежит»). Вместе с тем в случае ночного проникновения вора в дом потерпевшему предоставлялось право на причинение вреда посягающему вплоть до его смерти.

Интерес представляет указанное в ст. 195 Артикула такое обстоятельство совершения кражи, как состояние «голодной нужды» виновного, который, доказав это, мог освободиться от наказания или рассчитывать на его существенное смягчение, при условии, что предметом кражи выступало продовольствие либо иная вещь небольшой ценности.

Артикул дифференцирует ответственность за кражу также в зависимости от стоимости похищенного и повторности совершенного деяния. Так, арт. 189 предусматривает: «Если кто в воровстве пойман будет, а число краденаго более двадцати рублев не превышает, то надлежит вора в первые шесть сквозь полк прогнать шпицрутен, вдругоредь двенадцатью, а втретие, отрезав нос и уши, сослать на каторгу, а украденное всегда от него отобрать»⁶.

Существенные нововведения в уголовно-правовую терминологию были введены Указом от 3 апреля 1781 г. «О суде и наказании за воровство разных родов и о заведении рабочих домов», которым для кражи, грабежа и мошенничества «воровство» было утверждено в качестве родового понятия. При этом данные виды воровства были достаточно четко разграничены. Кража определялась следующим образом: «...буде кто у кого тайным образом возьмет деньги или иное движимое имение, без воли и согласия того, чьи те деньги или движимое имение; оное

спрячет или продаст, или заложит, или инако употребит в свою пользу». Из данного определения усматриваются следующие признаки кражи: тайность как способ завладения чужим имуществом, предметом кражи выступает только движимое имущество, отсутствие воли и согласия собственника на завладение его имуществом виновным, использование похищенного в пользу виновного.

Детализированным уголовно-правовым нормативным актом, действовавшим вплоть до Февральской революции 1917 г., являлось Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., в котором кража, наряду с грабежом, разбоем и мошенничеством, охватывалась понятием «похищение». Статья 1644 содержала определение кражи: «Кражею признается всякое, каким бы то ни было образом, но в тайне, без насилия, угроз и вообще без принадлежащих к свойству разбоя или грабежа обстоятельств, похищение чужих денег, вещей или иного движимого имущества». Сгруппированные в отделении третьем Уложения нормы о краже закрепляли систему преступных деяний, перечень которых является достаточно обширным и казуистичным. Кража, как и в прежних законодательных актах, подразделялась на простую, квалифицированную, привилегированную. Дифференциация проводилась по объекту, по особенностям предмета, субъектного состава, признаков деяния, обстановки совершения кражи. Всего в Уложении 1845 г. краже посвящена 21 статья.

Подводя итог изложенному, отметим, что появление и развитие института уголовной ответственности за кражу в российской правовой системе феодального периода обусловлено соответствующими социально-экономическими процессами, происходящими в обществе, — возникновением и раз-

⁶ Артикул воинский. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/articul.htm> (дата обращения: 05.11.2019).

витием феодальных отношений собственности и социальной структурой феодального российского общества, стремлением законодателя обеспечить имущественные интересы экономически и политически господствующих классов. Российское уголовное законодательство рассматриваемого периода большой частью прошло путь в конструировании норм, запрещающих под страхом наказания деяния против собственности и, в частности, устанавливающих

ответственность за кражу, которая была первым уголовно наказуемым деянием среди посягательств на чужое имущество. Законодательство развивалось по пути регламентации ответственности за все большее число случаев тайного хищения чужого имущества, предусматривая все новые признаки соответствующего деяния. Уголовное законодательство рассматриваемого периода стало основой для его дальнейшего развития и кодификации.

Литература

1. Белогриц-Котляревский Л.С. О воровстве-краже по русскому праву. Историко-догматическое исследование. Выпуск первый / Л.С. Белогриц-Котляревский. Киев : Университетская тип., 1880. 399 с.
2. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский-Буданов. Москва : Территория будущего, 2005. 798 с.
3. Правда Русская. В 3 томах. Т. 1: Тексты / подготовили к печати: В.П. Любимов [и др.] ; под общей редакцией Б.Д. Грекова. Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1940. 506 с.
4. Тихомиров М.Н. Пособие для изучения Русской Правды / М.Н. Тихомиров. Москва : Изд-во Московского ун-та, 1953. 192 с.
5. Фойницкий И.Я. Мошенничество по русскому праву. Сравнительное исследование / И.Я. Фойницкий. Москва : Современный гуманитарный ун-т, 2006. 656 с.

References

1. Belogrits-Kotlyarevskiy L.S. O vorovstve-krazhe po russkomu pravu. Istoriko-dogmaticheskoe issledovanie. Vy`pusk pervy`y [On Theft under Russian Law. Historical and Dogmatic Research. Issue One] / L.S. Belogrits-Kotlyarevskiy. Kiev : Universitetskaya tip. — Kiev : University Printing Office, 1880. 399 s.
2. Vladimirskiy-Budanov M.F. Obzor istorii russkogo prava [A Review of Russian Law History] / M.F. Vladimirskiy-Budanov. Moskva : Territoriya buduschego — Moscow : Territory of the Future, 2005. 798 s.
3. Pravda Russkaya. V 3 tomakh. T. 1 : Teksty` [Russkaya Pravda. In 3 volumes. Vol. 1 : Texts] / podgotovili k pechati : V.P. Lyubimov [i dr.] ; pod obschey redaktsiey B.D. Grekova. Moskva : Izd-vo Akademii nauk SSSR — prepared for publication : V.P. Lyubimov [et al.] ; under the general editorship of B.D. Grekov. Moscow : Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1940. 506 s.
4. Tikhomirov M.N. Posobie dlya izucheniya Russkoy Pravdy` [A Textbook on Russkaya Pravda Study] / M.N. Tikhomirov. Moskva : Izd-vo Moskovskogo un-ta — Moscow : Publishing House of the Moscow University, 1953. 192 s.
5. Foynitskiy I.Ya. Moshennichestvo po russkomu pravu. Sravnitelnoe issledovanie [Fraud under Russian Law. Comparative Research] / I.Ya. Foynitskiy. Moskva : Sovremenny`y gumanitarny`y un-t — Moscow : Modern University for the Humanities, 2006. 656 s.

О законе Фальцидия в праве Древнего Рима

*Копылов Александр Владимирович,
доцент кафедры гражданского права
Московского государственного университета (МГУ)
имени М.В. Ломоносова,
кандидат юридических наук, доцент
AVKopyloff@gmail.com*

В статье анализируются история принятия и особенности применения закона Фальцидия в праве Древнего Рима. В рамках исследования автором впервые используются переводы с латинского языка фрагментов из важнейших римских юридических памятников — Кодекса и Новелл Юстиниана, ранее не публиковавшихся на русском языке. Принятие закона Фальцидия ограничивало свободу завещательных распоряжений наследодателя в отношении размера легата для защиты имущественных прав наследников по завещанию, которым теперь причитается как минимум четвертая часть имущества умершего (Фальцидиева четверть). Впоследствии применение этого закона было распространено на другие виды сделок на случай смерти — фидеикомиссы и дарения. Автор приходит к выводу о том, что в период империи (в особенности в законодательстве императора Юстиниана) происходит ограничение пределов действия закона Фальцидия, которое вновь поставило под угрозу имущественные права наследников по завещанию.

Ключевые слова: завещание, легат, фидеикомисс, закон Фальцидия, Фальцидиева четверть, дарения на случай смерти.

On the Lex Falcidia in Roman Law

*Kopylov Aleksandr V.
Senior Lecturer of the Department of Civil Law of the Lomonosov Moscow State University (MSU)
PhD (Law), Associate Professor*

The article analyzes the history and features of the application of the Falcidia Act in the ancient Rome law. In course of the research the author uses translations of fragments from the most important monuments of Roman law — Justinian Code and Novels, which have not been published in Russian before. The adoption of the Falcidia Act limited the freedom of testamentary dispositions regarding the size of the legate. It was made to protect the property rights of testamentary heirs, who since then had a right to a quarter of the property of the deceased (Falcidian quarter). Later this law was extended to cover other transactions in contemplation of death — fideicommissa and gifts. The author concludes that during the period of Empire (especially in the legislation of Emperor Justinian) the scope of Falcidia Act was limited which threatened property rights of testamentary heirs.

Keywords: testament, legate, fideicommissum, Falcidia Act, Falcidian quarter, gifts in contemplation of death.

История принятия закона Фальцидия неразрывно связана с институтом легата (завещательного отказа), возникшим еще в архаическом праве Древнего Рима в качестве общераспространенного обычая, когда наследодатель назначал отказы на случай своей смерти в пользу тех членов семьи (как правило, в лице вдовы, дочерей или внуков), которые не были упомянуты в завещании в качестве наследников. Кроме того, завещательные отказы могли совершаться в пользу друзей и единомышленников, которые оказывали завеща-

телю безвозмездные услуги при его жизни¹.

Первые упоминания о легате содержатся в Законах XII таблиц (Tab. V.3)²: 'Uti legassit super pecunia tutelave suae rei, ita ius esto' — «Как кто распорядился своим имуществом или опекой [над подвластными ему лицами] на случай своей смерти, пусть будет это [не-

¹ Дернбург Генрих. Пандекты. Т. III (кн. IV и V): Семейственное и наследственное право. СПб. : Юридический книжный склад «ПРАВО», 1911. С. 259.

² Законы XII таблиц / пер. с лат. Л.Л. Кофанова. М. : [б.и.], 1996. С. 60.

нарушимым] правом» (пер. с лат. автора).

Под легатом в праве Древнего Рима понималось завещательное распоряжение наследодателя, которое обязывало наследника по завещанию безвозмездно предоставить определенный, как правило имущественный, интерес из наследства в пользу другого лица.

Наследодатель, включивший в свое завещание легат, именовался отказодателем; наследник по завещанию (*heres testamentarius*), на котором лежала обязанность по выполнению отказа, назывался исполнителем легата, а лицо, которому должно было быть передано имущество из наследства, — легатарием (*legatarius*).

Важно подчеркнуть, что в римском архаическом праве первоначально отсутствовали какие-либо ограничения по поводу размера легата. Единственное исключение составляло правило, согласно которому наследник (*heres*) должен был исполнить отказ только в пределах стоимости наследства, полученного им от завещателя. Так, римский юрист Марцелл утверждал: «Решено, что никого нельзя просить передать больше того, что ему было оставлено [по завещанию]» (*D. 30.114.§3*)³. Таким образом, практически неограниченная свобода легата представляла опасность для имущественных прав наследников, указанных в завещании, так как все активы наследства, оставшиеся после расчетов с кредиторами завещателя, могли перейти к отказополучателям. В связи с этим наследники по завещанию, утратившие заинтересованность в наследстве, могли отказаться от его принятия, в силу чего прекращало свое действие и само завещание (*testamentum*), а значит, утрачивал си-

лу и легат, поскольку он не переходил на наследников по закону (*heredes legitimi*).

Поэтому в первую очередь с целью защиты имущественных интересов *heredes testamentarii* в республиканский период в Римском государстве принимается несколько законов, направленных на ограничение свободы завещательного отказа.

Во-первых, ***lex Furia testamentaria*** (примерно 190 г. до н.э.), который запретил включать в завещание легаты в пользу лиц, не являвшихся кровными родственниками наследодателя до шестой степени, если сумма отказа превышала тысячу ассов (*Gai. 2.225*)⁴. Однако завещатель мог с легкостью обойти такой запрет, предусмотрев в *testamentum* множество отказов, каждый из которых в отдельности был менее указанного размера.

Во-вторых, ***lex Voconia*** (169 г. до н.э.), не позволявший римлянам, входившим в первый имущественный ценз (то есть имеющим состояние более ста тысяч ассов), включать в завещание отказы на сумму, которая превышала долю любого из наследников по завещанию⁵. Таким образом, легатарий не вправе был получить имущество в размере большем, по сравнению с *heres testamentarius*, имевшим наименьшую, по сравнению с другими наследниками, долю в имуществе завещателя. Тем не менее и этот закон был недостаточно эффективен, так как завещатель, как и раньше, пользовался возможностью включения в *testamentum* сразу нескольких отказов, ничего не оставляя для наследников.

³ Дигесты Юстиниана / пер. с лат. ; отв. ред. Л.А. Кофанов. Т. V. Полут. 1. М. : Статут, 2004. С. 420-421.

⁴ Гай. Институции / пер. с лат. Ф.М. Дыдынского ; под ред. В.А. Савельева, Л.А. Кофанова. М. : Юристъ, 1997. С. 154-155.

⁵ Бартошек Милан. Римское право: Понятия, термины, определения. М. : Юридическая литература, 1989. С. 200.

В-третьих, **lex Falcidia** (40 г. до н. э.), который, отменив действие законов Фурия и Вокония, установил, что наследодатель более не вправе совершать завещательные отказы в размере, который превышает три четверти актива наследства, а также ввел понятие Фальцидиевой четверти (*quarta Falcidia*), то есть четвертой части наследственной массы, которая теперь гарантированно причиталась наследнику по завещанию независимо от размера легата: «Какой бы римский гражданин ни стал делать завещание после внесения этого [Фальцидиева] закона... пусть будет ему в этом право и возможность, лишь бы легат был дан таким образом, чтобы наследники получали по этому завещанию не менее четвертой части наследства» (*D. 35.2.1.pr*)⁶.

При расчете *quarta Falcidia* принималась во внимание рыночная стоимость имущества завещателя в момент открытия наследства. В первую очередь это его наследственные активы, к которым относились *res corporales*, а также *iura in re* и *iura in personam*, принадлежавшие наследодателю в момент смерти. Из их общей стоимости вычитались, во-первых, долговые обязательства завещателя перед третьими лицами, во-вторых, расходы на его похороны, а также, в-третьих, расходы на составление описи наследства (*Inst. 2.22.2; 2.22.3*)⁷. Полученная сумма делилась в соответствии с долей, причитавшейся соответствующему *heres testamentarius*. Этот результат вновь делился

на четыре. Сумма, полученная на основе всех этих расчетов, и называлась Фальцидиевой четвертью⁸.

Важно подчеркнуть, что с помощью *lex Falcidia* впервые в истории римского государства удалось создать эффективные гарантии, необходимые для защиты прав *heredes testamentarii*. С этого момента любому наследнику по завещанию, на которого была возложена обязанность по исполнению легата, причиталось не менее одной четверти актива наследственной массы.

Вместе с тем действие закона Фальцидия имело определенные пределы. Дело в том, что он не применялся в следующих случаях:

Во-первых, согласно мнению римского юриста Ульпиана, в отношении отказов, содержащихся в воинских завещаниях (*D. 36.1.3.§1*)⁹. Аналогичное правило содержится и в Кодексе Юстиниана (*C. 6.21.12*)¹⁰: *'In testamento militis legem Falcidiam et in legatis et in fideicommissis cessare explorati iuris est'* — «Это несомненное правило, что к завещанию солдата закон Фальцидия в отношении как легатов, так и фидеикомиссов не применяется» (пер. с лат. автора).

Во-вторых, в отношении обязательной доли в наследстве. Это означало, что наследник по завещанию, обремененный отказом, получая обязатель-

⁶ *Quicumque civis Romanus post hanc legem rogatam testamentum faciet... ius potestasque esto, dum ita detur legatum, ne minus quam partem quartam hereditatis eo testamento heredes capian.* См.: *Дигесты Юстиниана* / пер. с лат.; отв. ред. Л.А. Кофанов. Т. V. Полут. 2. М.: Статут, 2004. С. 346–349.

⁷ *Институции Юстиниана* / пер. с лат. Д. Раснера; под ред. Л.А. Кофанова, В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 1998. С. 178–179 (Серия «Памятники римского права»).

⁸ Хвостов В.М. Система римского права. IV: Семейное право. V: Наследственное право: конспект лекций. М.: Типография Вильде, 1909. С. 137.

⁹ «Однако то, что сказано о сомнительном наследстве, может быть сказано и о тех завещаниях, в отношении которых Фальцидиев закон не имеет силы: я [Ульпиан. — А.К.] говорю о завещании воина и других подобных». См.: *Дигесты Юстиниана* / пер. с лат.; отв. ред. Л.А. Кофанов. Т. V. Полут. 2. С. 450–451.

¹⁰ *Corpus Iuris Civilis. Vol. secundum: Codex Iustinianus / Recognovit P. Krueger. Berolini, 1910. P. 252.*

ную долю, утрачивал право на quarta Falcidia¹¹.

В-третьих, если имущество, являющееся предметом легата, должно было быть передано на благотворительные цели (Nov. 131.12.pr.)¹²: 'Si autem heres quae ad pias causas relicta sunt non impleverit, dicens relictam sibi substantiam non sufficere ad ista, praecipimus omni Falcidia vacante quicquid invenitur in tali substantia proficere provisione sanctissimi locorum episcopi ad causas quibus relictum est' — «Если же наследник не исполнит то, что назначено [в легате] на благотворительные цели, говоря, что ему самому недостаточно назначенного имущества для этого, мы предписываем, чтобы все то, что найдется в таком имуществе, будучи свободно от всякой нормы закона Фальцидия, попечением святейшего епископа той местности пошло на те благотворительные цели, на которые это назначено» (пер. с лат. автора).

В-четвертых, если наследник нарушал порядок описи (инвентаризации) наследственной массы. Институт инвентаризации наследства появился в праве Древнего Рима в качестве способа ограничения ответственности наследника перед кредиторами наследодателя в 531 г. н.э. благодаря императору Юстиниану.

Heres testamentarius должен был приступить к составлению описи в течение тридцати дней с момента принятия наследства. Сама инвентаризация производилась наследником в течение шестидесяти дней в присутствии нотариуса, оценщиков, кредиторов завещателя и легатариев, после чего по

требованию кредиторов он приносил присягу о том, что опись была составлена добросовестно. При соблюдении этих правил ответственность наследника перед кредиторами ограничивалась активами наследственной массы. В случае нарушения указанного порядка heres testamentarius отвечал перед ними в полном объеме долга и лишался права на удержание Фальцидиевой четверти (С. 6.30.22.§12)¹³: «Если же они [наследники] вступят в наследство... и предоставленное уже нами время для составления инвентарной описи пройдет... они будут ответственны за наследственные долги в целом и не будут пользоваться даруемой нашим законом льготой [право на вычет quarta Falcidia], которой они сочли нужным пренебречь» — 'Sin vero adierint... et datum iam a nobis tempus ad inventarii confectionem effluerit... debitis hereditariis in solidum teneantur nec legis nostrae beneficio perfruuntur, quam contemnendam esse consuerunt' (пер. с лат. автора).

В-пятых, если об этом распорядился сам отказодатель в завещании.

Следует заметить, что первоначально у завещателя не было такого права, поскольку правила lex Falcidia в этой части являлись императивными. Однако при императоре Юстиниане норма, ограничивавшая размер легата, стала диспозитивной. В силу этого обстоятельства закон прекращал действовать, если наследодатель прямо указывал в завещании, что к нему не должны применяться правила о quarta Falcidia (Nov. 1.2.§2)¹⁴: 'Si vero expressim designaverit non velle heredem retinere Falcidiam, necessarium est testatoris valere sententiam, et aut volentem eum parere testatori... lucrum non in percipiendo, sed solummo-

¹¹ Барон Юлиус. Система римского гражданского права. Кн. V: Семейственное право. Кн. VI: Наследственное право. Предметный указатель. Вып. 4. СПб.: Типография Ю.Н. Эрлих, 1908. С. 207.

¹² Corpus Iuris Civilis. Vol. tertium: Novellae / Recognovit R. Schoell. Opus Schoellii morte interceptum absolvit G. Kroll. Berolini, 1912. P. 660.

¹³ Corpus Iuris Civilis. Vol. secundum: Codex Iustinianus. P. 265.

¹⁴ Corpus Iuris Civilis. Vol. tertium: Novellae. P. 7-8.

do pie agendo habentem... aut si noluerit, eum quidem recedere ab huiusmodi institutione' — «Если же он [завещатель] прямо укажет, что не желает, чтобы наследник сохранил за собой Фальцидиеву долю, то необходимо, чтобы распоряжение завещателя имело силу и чтобы тот [наследник], либо приобретая не ради получения прибыли, но только вследствие добросовестного исполнения, добровольно подчинился завещателю... либо, если не пожелает этого, отказался, несомненно, от такого рода назначения» (пер. с лат. автора).

Наконец, правило о Фальцидиевой четверти не действовало при условии, что наследник сам отказывался от своего права, исполняя легат в полном объеме без соответствующего вычета (С. 6.50.19)¹⁵: 'Certum sit heredem, qui plenam fidem testatoris exhibet, in solidum legata dependentem non posse postea rationem legis praetendentem Falcidiae repetitione uti, quia videtur voluntatem testatoris sequi' — «Решено, что наследник, который точно исполняет волю завещателя, целиком уплачивая легаты, не может после этого воспользоваться обратным требованием о возврате суммы, определенной законом Фальцидия, поскольку считается, что он следует воле завещателя» (пер. с лат. автора).

По мнению выдающегося дореволюционного романиста В.М. Хвостова, это объясняется тем, что наследник в данном случае выполнял моральную обязанность перед наследодателем¹⁶. Однако, если *heres testamentarius* совершил эти действия по ошибке, он вправе был истребовать причитающееся ему имущество у легата-

рия с помощью кондикционного иска (D. 36.1.70(68).§1)¹⁷.

Во второй половине периода республики в Римском государстве возникает другой вид отказа на случай смерти — фидеикомисс (*fideicommissum*), который заключался в просьбе или пожелании наследодателя, адресованных наследнику, о безвозмездной передаче какого-либо имущества другому лицу. Наследодатель, выразивший такую просьбу или пожелание, по-прежнему (как и в рамках легата) именовался отказодателем. Наследник, которому был адресован фидеикомисс, назывался фидуциарием (*fiduciarius*), а третье лицо, которому причиталось соответствующее имущество, — фидеикомиссарием (*fideicommissarius*).

Первоначально в отношении фидеикомисса не действовали законы Фурия, Вокония и Фальцидия, поэтому с его помощью наследодатель мог отказать все наследство третьим лицам и тем самым полностью лишить своих наследников прав на него.

В связи с этим в 75 г. н.э. при императоре Веспасиане издается *senatusconsultum Pegasianum*, распространивший нормы *lex Falcidia* на наследников по завещанию, которым был адресован такой отказ. В результате этого соответствующий *heres testamentarius*, являвшийся исполнителем фидеикомисса (как и ранее легатарий), приобрел право на получение *quarta Falcidia* из имущества наследодателя (Gai. 2.254; Inst. 2.23.5)¹⁸.

Позднее император Антонин Пий (середина II в. н.э.) распространил дей-

¹⁵ Corpus Iuris Civilis. Vol. secundum: Codex Iustinianus. P. 280.

¹⁶ Хвостов В.М. Система римского права : конспект лекций. IV: Семейное право. V: Наследственное право. С. 138.

¹⁷ «Но если ты докажешь, что ты не удержал [Фальцидиевой. — А.К.] четверти по ошибке, то сможешь истребовать ее назад». См.: Дигесты Юстиниана / пер. с лат. Т. V. Полут. 2. С. 532-533.

¹⁸ Гай. Институции / пер. с лат. Ф.М. Дыдынско-го ; под ред. В.А. Савельева, Л.Л. Кофанова. С. 162-165; Институции Юстиниана / пер. с лат. Д. Расснера ; под ред. Л.Л. Кофанова, В.А. Томсинова. С. 182-183.

ствие закона Фальцидия и в отношении *heredes legitimi* (D. 35.2.18.pr)¹⁹.

Наконец, благодаря конституции императора Септимия Севера правила о Фальцидиевой четверти были распространены и на дарения на случай смерти. Это находит свое подтверждение в более поздней конституции его племянника, императора Александра Севера, принятой в 223 г. н.э. (C. 6.50.5)²⁰: 'Si mortis causa immodicas donationes in sororem tuam matrem contulisse probare potes, legis Falcidia ratione secundum constitutionem divi Severi avi mei uti potes' — «Если ты сможешь доказать, что мать назначила для твоей сестры чрезмерные дарения на случай смерти, то ты вправе воспользоваться правилом Фальцидиева закона в соответствии с постановлением блаженной памяти Севера, моего предка» (пер. с лат. автора).

¹⁹ «Фальцидиев закон был введен божественным Пием также в отношении наследования без завещаний по фидеикомиссам...» См.: Дигесты Юстиниана / пер. с лат.; отв. ред. Л.А. Кофанов. Том V. Полут. 2. С. 368–369.

²⁰ *Corpus Iuris Civilis. Vol. secundum: Codex Iustinianus.* P. 279.

Литература

1. Барон Ю. Система римского гражданского права. Вып. 1–4. Вып. 4. Кн. V. Семейственное право. Кн. VI. Наследственное право. Предметный указатель / Ю. Барон ; перевод [и предисловие] Л. Петражицкого. 3-е изд. (испр. по 9-му нем. изд.). Санкт-Петербург : Типография Ю.Н. Эрлих, 1908. 244 с.
2. Бартошек М. Римское право: Понятия, термины, определения / М. Бартошек. Москва : Юридическая литература, 1989. 448 с.
3. Гай. Институции / Гай ; перевод с латинского Ф.М. Дыдынского ; под редакцией В.А. Савельева, Л.А. Кофанова. Москва : Юристъ, 1997. 362 с.
4. Дернбург Г. Пандекты. Т. 3. Семейное и наследственное право. (Кн. 4, 5) / Г. Дернбург ; перевод с последнего (седьмого) немецкого издания А.Г. Гойхбарг, Б.И. Элькин ; под редакцией А.С. Кривцова. Санкт-Петербург : Право, 1911. 497 с.
5. Дигесты Юстиниана : перевод с латинского / ответственный редактор Л.А. Кофанов. Т. V. Полут. 1. Москва : Статут, 2004. 614 с.
6. Дигесты Юстиниана : перевод с латинского / ответственный редактор Л.А. Кофанов Т. V. Полут. 2. Москва : Статут, 2004. 602 с.
7. Законы XII таблиц / перевод с латинского Л.А. Кофанова. Москва : [б. и.], 1996. 229 с.
8. Институции Юстиниана / перевод с латинского Д. Расснера / под редакцией Л.А. Кофанова, В.А. Томсинова. Москва : Зерцало, 1998. 400 с.
9. Покровский И.А. История римского права / И.А. Покровский. Москва : Статут, 2004. 540 с.
10. Хвостов В.М. Система римского права. IV. Семейное право. V. Наследственное право : конспект лекций / В.М. Хвостов. 3-е изд. Москва : Тип. Вильде, 1909. 147 с.

Таким образом, рассмотрев историю применения закона Фальцидия в Древнем Риме, можно сделать следующие выводы:

— принятие в 40 г. до н.э. *lex Falcidia* объясняется прежде всего стремлением римского законодателя ограничить свободу завещательной воли наследодателя в отношении размера легата путем предоставления наследникам по завещанию гарантированного права как минимум на четвертую часть имущества умершего (*quarta Falcidia*);

— в период принципата нормы закона Фальцидия начинают распространяться сначала на фидеикомиссы, а затем и на дарения на случай смерти, тем самым защищая наследников по завещанию не только от легатариев, но и от фидеикомиссариев и одаряемых лиц;

— в дальнейшем (в особенности при императоре Юстиниане) происходит существенное ограничение пределов действия *lex Falcidia* в отношении легата, что, как и в архаическом праве, противоречило имущественным интересам *heredes testamentarii*, являвшихся исполнителями такого отказа.

11. Corpus Iuris Civilis. Vol. secundum: Codex Iustinianus / Recognovit P. Krueger. Berolini, 1892. 513 p.
12. Corpus Iuris Civilis. Vol. tertium: Novellae / Recognovit R. Schoell. Opus Schoellii morte interceptum absolvit G. Kroll. Berolini, 1912. 810 p.

References

1. Baron J. Sistema rimskogo grazhdanskogo prava. Vy`p. 1-4. Vy`p. 4. Kn. V. Semeystvennoe pravo. Kn. VI. Nasledstvennoe pravo. Predmetny`y ukazatel [The System of Roman Civil Law. Issue 1 to 4. Issue 4. Book V. Family Law. Book VI. Inheritance Law. Subject index] / J. Baron ; perevod [i predislovie] L. Petrazhitskogo. 3-e izd. (ispr. po 9-mu nem. izd.). Sankt-Peterburg : Tipografiya Yu.N. Erlikh — translation [and foreword] by L. Petrazhitskiy. 3rd edition (revised according to the 9th German edition). Saint Petersburg : Yu.N. Erlikh's printing office, 1908. 244 s.
2. Bartošek M. Rimskoe pravo: Ponyatiya, terminy`, opredeleniya [Roman Law: Concepts, Terms, Definitions] / M. Bartošek. Moskva : Yuridicheskaya literatura — Moscow : Legal Literature, 1989. 448 s.
3. Gaius. Institutsii [Institutes] / Gaius ; perevod s latinskogo F.M. Dy`dy`nskogo ; pod redaktsiei V.A. Savelyeva, L.L. Kofanova. Moskva : Yurist — translated from Latin by F.M. Dydynskiy ; edited by V.A. Savelyev, L.L. Kofanov. Moscow : Lawyer, 1997. 362 s.
4. Dernburg H. Pandekty`. T. 3. Semeynoe i nasledstvennoe pravo. (Kn. 4, 5) [Pandects. Vol. 3. Family and Inheritance Law (Books 4, 5)] / H. Dernburg ; perevod s poslednego (sedmogo) nemetskogo izdaniya A.G. Goykhbarg, B.I. Elkin ; pod redaktsiei A.S. Krivtsova. Sankt-Peterburg : Pravo — translated from the last (seventh) German edition by Goykhbarg, B.I. Elkin ; edited by A.S. Krivtsov. Saint Petersburg : Law, 1911. 497 s.
5. Digesty` Yustiniana : perevod s latinskogo [The Digests of Justinian : translation from Latin] / otvetstvenny`y redaktor L.L. Kofanov. T. V. Polut. 1. Moskva : Statut — publishing editor L.L. Kofanov. Vol. V. Half volume 1. Moscow : Statute, 2004. 614 s.
6. Digesty` Yustiniana : perevod s latinskogo [Justinian's Digests : translation from Latin] / otvetstvenny`y redaktor L.L. Kofanov. T. V. Polut. 2. Moskva : Statut — publishing editor L.L. Kofanov. Vol. V. Half volume 2. Moscow : Statute, 2004. 602 s.
7. Zakony` XII tablits [The Law of the Twelve Tables] / perevod s latinskogo L.L. Kofanova. Moskva : [b. i.] — translated from Latin by L.L. Kofanov. Moskva : [no source indicated], 1996. 229 s.
8. Institutsii Yustiniana [The Institutes of Justinian] / perevod s latinskogo D. Rassnera / pod redaktsiei L.L. Kofanova, V.A. Tomsinova. Moskva : Zertsalo — translated from Latin by D. Rassner / edited by L.L. Kofanov, V.A. Tomsinov. Moscow : Mirror, 1998. 400 s.
9. Pokrovskiy I.A. Istoriya rimskogo prava [History of Roman Law] / I.A. Pokrovskiy. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2004. 540 s.
10. Khvostov V.M. Sistema rimskogo prava. IV. Semeynoe pravo. V. Nasledstvennoe pravo : konspekt lektsiy [The System of Roman Law. IV. Family Law. V. Inheritance Law : compendium of lectures] / V.M. Khvostov. 3-e izd. Moskva : Tip. Vilde — 3rd edition. Moscow : Vilde's printing office, 1909. 147 s.
11. Corpus Iuris Civilis. Vol. secundum: Codex Iustinianus / Recognovit P. Krueger. Berolini, 1892. 513 s.
12. Corpus Iuris Civilis. Vol. tertium: Novellae / Recognovit R. Schoell. Opus Schoellii morte interceptum absolvit G. Kroll. Berolini, 1912. 810 s.

Внимание! Акция февраля

С 1 по 29 февраля 2020 года скидка на годовую подписку на журнал «Конкурентное право» составит 30% , т.е. 1 400 руб. за 4 номера! Спешите оформить подписку!

По вопросу оформления подписки просим обращаться
по тел. (495) 617-18-88 — многоканальный;
8-800-333-28-04 (по России бесплатно)
или по электронной почте: podpiska@lawinfo.ru

DOI: 10.18572/1812-3805-2020-1-45-51

Консенсус либеральных и социальных идей в Конституции Российской Федерации как Политическом кодексе и Общественном договоре

*Тарабан Николай Александрович,
преподаватель Южного университета
(Институт управления, бизнеса и права)
nick-nt@mail.ru*

В современной политологии отмечается тенденция противопоставления либеральной и социалистической идеологий. Конституция РФ, играя одновременно роль регулятора всей политической системы страны и формального акта Общественного договора, лежащего в основе правового государства, является документом деидеологизированным. При этом Конституция РФ имеет потенциал для формирования идеологии либерализма и социализма. Автор полагает, что в современном мире модели либеральной и социальной политической мысли не следует противопоставлять и они должны решать общие задачи во благо человечества, обеспечивая как незыблемость естественных прав и политических свобод, так и достойный уровень социального обеспечения.

Ключевые слова: Конституция РФ, Политический кодекс, Общественный договор, либерализм, социализм, консенсус, идеология.

Consensus between Liberal and Social Ideas in the Constitution of the Russian Federation as a 'Political Code' and a Public Agreement

*Taraban Nikolay A.
Lecturer of the Southern University
(Institute of Management, Business and Law)*

In modern political science there is a tendency to oppose liberal and socialist ideology. Constitution of the Russian Federation, playing at the same time the role of regulator of the entire political system of the country and the formal act of the Social Contract that underlies the rule of law is a document deideologized. At the same time, the Constitution of the Russian Federation has the potential to form the ideology of liberalism and socialism. The author believes that in the modern world, models of a liberal and socialist model of political thought should not be opposed and should solve common problems for the benefit of humanity, ensuring both the inviolability of natural rights and political freedoms and a decent level of social security.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, Political Code, Social Contract, liberalism, socialism, consensus, ideology.

Проблема взаимодействия политических и правовых феноменов в современном конституционном измерении представляется весьма актуальной. Конституции, как основному закону, свойственна дуалистическая природа. С одной стороны, конституционный акт рассматривается как документ юридический, устанавливающий основы государственности

и служащий базисом национальной правовой системы. С другой стороны, Конституция по своему предмету правового регулирования, связанному с формированием и функционированием высшей публичной власти, может рассматриваться как Политический кодекс.

Именно на уровне конституционного регулирования закладываются

институциональные основы политической системы государства, составной частью которых являются форма правления, политический режим, государственная идеология, порядок и условия замещения высших государственных должностей, в том числе избирательная система.

Обращаясь к теории народного суверенитета, получившей разработку в трудах западноевропейских мыслителей эпохи Просвещения — Г. Гроция, Т. Гоббса, Д. Локка, Б. Спинозы, Ж.-Ж. Руссо, выделяя народ в качестве единственного источника власти, справедливым представляется рассмотрение Конституции в качестве Общественного договора.

Идея Общественного договора легла в основу парадигмы либеральной политической мысли США и Западной Европы, составив, например, теоретическую основу Декларации независимости США 1776 г.¹

В последующем, в условиях глобализации и интеграции правовых систем, концепция народного суверенитета нашла свою материализацию и в международно-правовых актах².

Таким образом, Конституция представляется уникальным документом, ставшим плодом политической состоятельности внутри социума на начальном этапе становления государства и регулирующим все социально-политические процессы в государстве на последующих этапах.

¹ Тарабан Н.А. Конституционализация общественного договора в Российской Федерации и зарубежных странах: сравнительно-правовой анализ // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 10. С. 11–15.

² Тарабан Н.А. Международно-правовые стандарты народного суверенитета и их роль в эволюции мирового конституционализма // Международное публичное и частное право. 2019. № 1. С. 3–6.

В понимании российского конституционалиста С.А. Авакьяна, одной из основных черт Конституции выступает народность, связанная с непосредственным участием народа в разработке и принятии основного закона государства. В качестве юридических свойств Конституции РФ автор выделяет ее силу как основного закона, юридическое верховенство, базис для текущего законодательства, особый порядок принятия и изменения³. Помимо юридических функций автор выделяет и идеологическую функцию Конституции РФ⁴.

Идеология государства, как ключевой вектор всей его внутренней и внешней политики, может подвергаться кардинальным трансформациям в зависимости от различных внутренних и внешних факторов на различных этапах его существования.

Важной составляющей идеологии государства является расстановка приоритетов интересов личности, общества и государства. Такой расстановкой определяется политический режим государства.

Вопрос конфронтации политических идеологий, например либерализма и социализма, индивидуализма и солидарности, является наиболее актуальным для современной политической науки. Широкая общественная дискуссия в данном направлении регулярно затрагивает и вопрос стабильности нынешней Конституции РФ 1993 г., отметившей в прошлом году 25-летний юбилей.

Так, по мнению отдельных исследователей, современная Конституция РФ, не признающая никакой идеологии в качестве всеобщей и государственной, требует пересмотра,

³ Авакьян С.А. Конституционное право России. М., 2014. С. 185–188.

⁴ Там же. С. 160.

поскольку государство без единой идеологической линии видится им обреченным. В то время как политика единой национальной идеи являлась бы в их понимании мощным консолидирующим фактором⁵.

Тем не менее следует констатировать, что деидеологизация основного закона является весьма удачным шагом в истории российского конституционализма, впервые сделанным в 1993 г.

Формально ст. 13 Конституции РФ провозглашает, что *«никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»*.

По мнению Д.Т. Караманукяна, такая радикальная деидеологизация основного закона связывается с намерением отечественного законодателя преодолеть следы классового права советской эпохи⁶.

В то же время само провозглашение свободы от какой-либо идеологической нагрузки формирует идеологию политического плюрализма. Такая конституционно-идеологическая модель может играть роль свободной платформы для формирования различных политических идей при участии народа, являющегося,

как определяет ст. 3 Конституции РФ, носителем национального суверенитета и единственным источником государственной власти.

Парадигма политико-идеологического плюрализма составляет институциональную основу демократического режима. При этом конституционный отказ в ст. 13 Конституции РФ от государственной идеологии призван сформировать такую систему, в условиях которой исключалось установление преимуществ одной модели политического мышления перед другой.

Как Политический кодекс Конституция РФ призвана обеспечить равные условия для формирования в равной степени либерально-индивидуалистических и социалистических начал в обществе и поддерживать баланс между ними.

В то же время, как документ юридический, Конституция РФ абстрагирована от политико-идеологической нагрузки, гарантируя признание, соблюдение и защиту прав и свобод каждого человека вне зависимости от его взглядов, убеждений (ст. 19 (ч. 2) Конституции РФ).

В понимании М.В. Баглая, конституция, находясь вне идеологии, создает условия для формирования «философии свободы» и правового государства, закрепляет основные принципы государственного строя, высшие правовые гарантии прав и свобод человека и гражданина, а также структуру и взаимоотношения органов государственной власти и управления (форму правления). Конституция очерчивает круг функций государства, устанавливает основы его отношений с человеком и обществом⁷.

Как Общественный договор, Конституция РФ, наряду с другими при-

⁵ Бернацкий Г.Г. Государству необходима государственная идеология // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2012. № 2 (15). С. 4-7; Исмагилов Р.Ф., Сальников П.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г., Реуф В.М. Советскую идеологию подвергли остракизму. А что взамен? (политико-правовой аспект) // Мир политики и социологии. 2015. № 7. С. 57-75; Мишуров И.Н., Мишурова О.И. Национально-государственная идеология // Сервис в России и за рубежом. 2015. № 1. С. 104-112; Погорелый А.П. Идеология как насущная проблема современной России // Военный академический журнал. 2018. № 2 (18). С. 103-112.

⁶ Караманукян Д.Т. Акты Европейского суда по правам человека в российской правовой системе : учебное пособие. Омск : Омская юридическая академия, 2013. С. 24.

⁷ Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М. : Норма, 2017. С. 79-80.

знаками договорного начала, таких как двусторонний (консенсуальный) характер ее принятия путем всенародного голосования, наличие в конституции компромисса личных, общественных и государственных интересов, призвана обеспечить консенсус ценностных установок либерализма и социализма, индивидуализма и солидарности.

Рассматривая Конституцию РФ в любом из качеств, в ней следует выделять положения, отражающие как либеральное, так и социальное начала.

Каждому из таких начал соответствует ряд норм, составляющих комплекс естественных, гражданско-политических, социально-экономических прав, а также положений о компромиссе интересов личности, общества и государства в пользу друг друга.

Так, закрепляя либеральное начало государственной политики, Конституция РФ провозглашает человека с его правами и свободами в качестве высшей ценности, с возложением на государство обязанности по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина (ст. 2), устанавливает принцип народовластия (народного суверенитета), в том числе формы прямой демократии (ст. 3). Декларирует Конституция РФ охрану неприкосновенности частной жизни (ст. 23), защиту информации о частной жизни, с одной стороны, и открытость информации о деятельности органов публичной власти — с другой (ст. 24), неприкосновенность жилища (ст. 25), свободное определение и указание собственной национальной принадлежности (ст. 26), свободу передвижения и выбора места жительства (ст. 27), свободу совести и религии (ст. 28), свободу мысли и слова (ст. 29).

Конституция РФ в гл. 2 закрепляет основы правового статуса личности

в Российской Федерации, устанавливая принцип непосредственного действия естественных прав человека и гражданина, которые должны определять смысл, содержание и применения законов, деятельность органов законодательной и исполнительной властей, органов местного самоуправления. Обеспечивается прямое действие прав человека и гражданина правосудием, которое, осуществляя правоприменительную деятельность, призвано исходить из приоритета интересов личности (ст. 18 Конституции РФ). Говоря о приоритете интересов личности при осуществлении правосудия, уместным представляется упомянуть положения ч. 2 ст. 62 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, направленные на освобождение гражданина при обращении в суд с жалобами на решения, действия (бездействие) органов государственной власти и местного самоуправления от доказывания обстоятельств, на которые он ссылается как на основание своих требований или возражений, и о переложении бремени доказывания своей правоты на государственные органы и органы местного самоуправления⁸. Корреспондирует данный принцип и с презумпцией невиновности (ст. 49 Конституции РФ, ст. 14 Уголовно-процессуального кодекса РФ, ст. 1.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях).

Важный упор в конституционных актах делается на защиту личности от произвола при осуществлении государством правоохранительной и судебной деятельности. Предусматриваются такие гарантии и в Кон-

⁸ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (в актуальной редакции) // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

ституции РФ, включая право на судебную защиту, на рассмотрение уголовного дела судом присяжных, на квалифицированную юридическую помощь, презумпцию невиновности, право собственного свидетельского иммунитета, т.е. право не свидетельствовать против самого себя и своих близких (ст. 45–54 Конституции РФ).

Важным принципом современного конституционализма служит положение об ответственности государства перед личностью: так, применительно к ст. 53 Конституции РФ каждый получает право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц. В статье 20 Конституции РФ провозглашен курс на отмену смертной казни в качестве высшей меры наказания⁹.

Другим проявлением либерального начала в национальной конституции является охрана неприкосновенности частной собственности (ст. 35) и свобода предпринимательства (ст. 34).

Социальное начало положено в ст. 7 Конституции РФ, провозглашающей Российскую Федерацию как социальное государство с направленностью государственной политики на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. В ст. 7, 37–41 Конституции РФ содержатся как раз нормы, образующие комплекс социально-экономических прав, направленных на охрану труда и здоровья человека, сформирована бланкетная норма об установлении федеральным законодателем гарантирован-

ного минимального размера оплаты труда, установлении государственной поддержки семей и детства, инвалидов и пожилых граждан, установлении государственных пенсий, пособий и иных гарантий социальной защиты.

В целом, социалистическая парадигма, направленная на формирование в обществе принципов экономического и социального равенства и справедливого распределения материальных ресурсов, представляется не противоречащей традиционной либеральной мысли. В социально-экономическом аспекте конституционные идеи государства корреспондируют с идеями равенства, свободы и достоинства личности (ст. 19 и 21 Конституции РФ).

Западноевропейский опыт, связанный с установившейся приверженностью либеральным ценностям, показывает неизбежность охраны социально-экономических прав личности, о чем свидетельствует, в частности, принятие Советом Европы Европейской социальной хартии¹⁰, призванной обеспечить достойный уровень оплаты труда каждому работнику (ст. 4 хартии), право на объединение работников (профессиональные союзы) (ст. 5 хартии), право на охрану здоровья (ст. 11 и 13 хартии), право на социальное обеспечение на уровне, не ниже требуемого для ратификации Европейского кодекса социального обеспечения¹¹ (ст. 12 и 30 хартии), обеспечение доступности жилья (ст. 31 хартии).

⁹ Подробнее см.: Берлявский Л.Г., Тарабан Н.А. Право на жизнь и проблема смертной казни: конституционно-правовые аспекты // Юридический мир. 2013. № 1. С. 19–24.

¹⁰ Европейская социальная хартия (пересмотренная) (ETS № 163) : принята в г. Страсбурге 3 мая 1996 г. // СЗ РФ. 2010. № 8. Ст. 781.

¹¹ Европейский кодекс социального обеспечения (ETS № 163) : принят в г. Страсбурге 16 апреля 1964 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.12.2019).

Наконец, Конституция РФ как Политический кодекс, регулирующий функционирование всех институтов гражданского общества, и как Общественный договор, оформляющий консенсус интересов личности, общества и государства, содержит положения о взаимном компромиссе между правами и свободами личности и общества, личности и власти, власти и гражданского общества. Такие положения содержатся, в частности, в ст. 17 (ч. 3) и 55 (ч. 3) Конституции РФ и направлены на допустимость ограничения субъективных прав личности в общественно-государственных интересах, преследующих конституционно значимые цели. В то же время субъективное толкование данного положения федеральным законодателем и представителями общности становится похожим на «перетягивание каната», создавая конституционные споры, подлежащие разрешению Конституционным Судом РФ¹².

¹² Тарабан Н.А. Конституция Российской Федерации как общественный договор: стабильность и динамизм // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 9. С. 12–15.

Анализ вышеизложенного показывает нам, что современная российская политология усматривает конфликт политических концепций либерализма и социализма, парадигм индивидуализма и солидарности. Зачастую эти две концептуальные модели политического вектора рассматриваются как взаимоисключающие и противопоставляются друг другу.

Однако в это же время важнейшей задачей, стоящей перед современными политологами и юристами, является поиск путей интеграции либеральных и социальных начал ради всеобщего блага. Такая задача, в целом, находит успешное решение в странах Европейского союза, в том числе на уровне межправительственных соглашений, формируя международные стандарты в области как прав человека и народного суверенитета, так и социальных прав личности, призванных обеспечить достойное существование человека.

Аналогичная задача стоит и перед Конституцией РФ, нормы которой формируют платформу для построения как либеральных, так и социальных начал политики государства.

Литература

1. Авакьян С.А. Конституционное право России. В 2 томах. Т. 1 : учебный курс : учебное пособие для студентов вузов / С.А. Авакьян. Москва : Норма, 2014. 864 с.
2. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации / М.В. Баглай. Москва : Норма, 2017. 784 с.
3. Берлявский А.Г. Право на жизнь и проблема смертной казни: конституционно-правовые аспекты / А.Г. Берлявский, Н.А. Тарабан // Юридический мир. 2013. № 1. С. 19–24.
4. Бернацкий Г.Г. Государству необходима государственная идеология / Г.Г. Бернацкий // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2012. № 2 (15). С. 4–7.
5. Исмагилов Р.Ф. Советскую идеологию подвергли остракизму. А что взамен? (политико-правовой аспект) / Р.Ф. Исмагилов [и др.] // Мир политики и социологии. 2015. № 7. С. 57–75.
6. Караманукян Д.Т. Акты Европейского суда по правам человека в российской правовой системе : учебное пособие / Д.Т. Караманукян. Омск : Омская юридическая академия, 2013. 96 с.
7. Мишуров И.Н. Национально-государственная идеология / И.Н. Мишуров, О.И. Мишурова // Сервис в России и за рубежом. 2015. № 1. С. 104–112.
8. Погорельый А.П. Идеология как насущная проблема современной России / А.П. Погорельый // Военный академический журнал. 2018. № 2 (18). С. 103–112.
9. Тарабан Н.А. Конституционализация общественного договора в Российской Федерации и зарубежных странах: сравнительно-правовой анализ / Н.А. Тарабан // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 10. С. 11–15.

10. Тарабан Н.А. Конституция Российской Федерации как общественный договор: стабильность и динамизм / Н.А. Тарабан // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 9. С. 12–15.
11. Тарабан Н.А. Международно-правовые стандарты народного суверенитета и их роль в эволюции мирового конституционализма / Н.А. Тарабан // Международное публичное и частное право. 2019. № 1. С. 3–6.

References

1. Avakyan S.A. Konstitutsionnoe pravo Rossii. V 2 tomakh. T. 1 : uchebny`y kurs : uchebnoe posobie dlya studentov vuzov [Russian Constitutional Law. In 2 volumes. Vol. 1 : educational course : textbook for students of higher educational institutions] / S.A. Avakyan. Moskva : Norma — Moscow : Norm, 2014. 864 s.
2. Baglay M.V. Konstitutsionnoe pravo Rossiyskoy Federatsii [Constitutional Law of the Russian Federation] / M.V. Baglay. Moskva : Norma — Moscow : Norm, 2017. 784 s.
3. Berlyavskiy L.G. Pravo na zhizn i problema smertnoy kazni: konstitutsionno-pravovy`e aspekty` [The Right to Life and the Death Penalty Issue: Constitutional Law Aspects] / L.G. Berlyavskiy, N.A. Taraban // Yuridicheskiy mir — Legal World. 2013. № 1. S. 19–24.
4. Bernatskiy G.G. Gosudarstvu neobkhodima gosudarstvennaya ideologiya [The State Needs State Ideology] / G.G. Bernatskiy // Vestnik Sankt-Peterburgskoy yuridicheskoy akademii — Bulletin of the Saint Petersburg Law Academy. 2012. № 2 (15). S. 4–7.
5. Ismagilov R.F. Sovetskuyu ideologiyu podvergli ostrakizmu. A chto vzamen? (politiko-pravovoy aspekt) [The Soviet Ideology Has Suffered Ostracism. But What Will Replace It? (The Political and Legal Aspect)] / R.F. Ismagilov [i dr.] // Mir politiki i sotsiologii — R.F. Ismagilov [et al.] // The World of Politics and Sociology. 2015. № 7. S. 57–75.
6. Karamanukyan D.T. Akty` Evropeyskogo suda po pravam cheloveka v rossiyskoy pravovoy sisteme : uchebnoe posobie [Acts of the European Court of Human Rights in the Russian Legal System : textbook] / D.T. Karamanukyan. Omsk : Omskaya yuridicheskaya akademiya — Omsk : Omsk Law Academy, 2013. 96 s.
7. Mishurov I.N. Natsionalno-gosudarstvennaya ideologiya [National State Ideology] / I.N. Mishurov, O.I. Mishurova // Servis v Rossii i za rubezhom — Service in Russia and Abroad. 2015. № 1. S. 104–112.
8. Pogorely A.P. Ideologiya kak nasuschnaya problema sovremennoy Rossii [Ideology as an Essential Issue of Modern Russia] / A.P. Pogorely // Voenny`y akademicheskii zhurnal — Military Academic Journal. 2018. № 2 (18). S. 103–112.
9. Taraban N.A. Konstitutsionalizatsiya obschestvennogo dogovora v Rossiyskoy Federatsii i zarubezhny`kh stranakh: sravnitelno-pravovoy analiz [Constitutionalization of the Public Agreement in the Russian Federation and Foreign Countries: A Comparative Law Analysis] / N.A. Taraban // Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie — Government and Local Self- Government. 2018. № 10. S. 11–15.
10. Taraban N.A. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii kak obschestvenny`y dogovor: stabilnost i dinamizm [The Constitution of the Russian Federation as a Public Agreement: Stability and Dynamics] / N.A. Taraban // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo — Constitutional and Municipal Law. 2018. № 9. S. 12–15.
11. Taraban N.A. Mezhdunarodno-pravovy`e standarty` narodnogo suvereniteta i ikh rol v evolyutsii mirovogo konstitutsionalizma [International Legal Standards of Popular Sovereignty and Their Role in the Evolution of World Constitutionalism] / N.A. Taraban // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo — International Private and Public Law. 2019. № 1. S. 3–6.

Уважаемые авторы!

Просим вас тщательно проверять перед отправлением в редакцию общую орфографию статей, а также правильность написания соответствующих юридических терминов, соблюдение правил научного цитирования и наличие необходимой информации. Обращаем ваше внимание на то, что автор несет личную ответственность за оригинальность текста, а также за достоверность приведенных данных и точность цитируемых текстов.

Нормативно-правовые основы функционирования административной юстиции Временного правительства (весна — лето 1917 г.)

*Тропов Игорь Анатольевич,
профессор кафедры истории Санкт-Петербургского горного университета,
профессор кафедры теории права и гуманитарных дисциплин
Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова
филиала Российской таможенной академии,
доктор исторических наук
i-tropov@yandex.ru*

В статье раскрыты историко-правовые условия формирования административной юстиции в России в 1917 году, а также основные задачи, которые ставили перед органами административной юстиции современники-правоведы. На основании анализа положения Временного правительства «О судах по административным делам» от 30 мая 1917 года охарактеризованы принципы функционирования и структура органов административной юстиции в России в 1917 году. Сделан вывод о том, что формирование системы административной юстиции свидетельствовало о стремлении Временного правительства к укреплению дисциплины и законности и к созданию необходимых предпосылок для развития гражданского общества в России.

Ключевые слова: административная юстиция, суд по административным делам, законность, Временное правительство, Правительствующий сенат.

Regulatory Framework of Functioning of Administrative Justice of the Provisional Government (Spring to Summer 1917)

*Tropov Igor A.
Professor of the Department of History of the Saint-Petersburg Mining University
Professor of the Department of Theory of Law and the Humanities
of the V.B. Bobkov Saint Petersburg Branch of the Russian Customs Academy
Doctor of History*

The article reviews historical and legal conditions of establishment of administrative justice in Russia of 1917 and the main tasks assigned to administrative justice authorities by contemporary law scientists. Based on an analysis of the Regulation of the Provisional Government On Administrative Courts of May 30, 1917, the publication characterizes functioning principles and structure of administrative justice authorities in Russia in 1917. The author concludes that establishment of the system of administrative justice showed that the Provisional Government was motivated to strengthen discipline and legality and create prerequisites required for development of civil society in Russia.

Keywords: administrative justice, administrative court, legality, Provisional Government, Governing Senate.

Среди различных нововведений, появившихся в сфере государства и права в России под воздействием революционных событий Февраля 1917 г., особое значение имело создание судов по административным

делам. Это означало, что в стране в переломных условиях семнадцатого года начала формироваться новая отрасль права — административное судебное право. Предметом регулирования в нем выступает «объективно

сложившаяся и признаваемая законодателем в качестве существующей совокупности общественных отношений, которые возникают в связи с разрешением в судебном порядке административных дел по спорам о субъективных публичных правах и законности административных актов (действий и решений)»¹.

Современные юристы предлагают различать понятия административного судопроизводства и административной юстиции: «Понятие "административная юстиция" более широкое, т.к. включает в себя рассмотрение административных споров, вытекающих из публично-правовых отношений и связанных с защитой прав граждан и организаций против действий (бездействия) органов государственной власти в особом (административном) порядке как судебными, квазисудебными и внесудебными административно-юрисдикционными органами. Административное судопроизводство осуществляется только в судах...»² С.В. Фролов дал наиболее подробное определение административной юстиции как «исторически сложившейся формы судебного контроля за действиями и решениями органов государственной власти и органов местного самоуправления, реализуемой путем подачи административного иска, рассматриваемого по правилам административного судопроизводства через специально созданную систему судебных органов в целях обеспече-

ния законности при осуществлении публичного управления»³.

В дореволюционной России правоведы вели активные дискуссии, в том числе с опорой на западноевропейский опыт, о сущности и организационно-правовой форме административной юстиции в стране⁴. Однако в тот период дело так и ограничилось обсуждениями и предложениями, исходившими от юристов — теоретиков и практиков.

После падения самодержавия, когда к власти пришло Временное правительство либерально-буржуазного толка, нарождавшееся программой довольно широких преобразований и при невиданном ранее распространении демократических свобод⁵, сложились более благоприятные условия для формирования административной юстиции. Важным фактором стал также приход на должность министра юстиции А.Ф. Керенского, которого называли «министром правды» и «народным трибуном»⁶.

Многие правоведы и общественные деятели в 1917 г. высказывались в пользу создания целостной системы по рассмотрению административных дел.

¹ Зеленцов А.Б. Административное судебное право: пролегомены // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права : материалы ежегодной Всероссийской научно-практической конференции (Сорокинские чтения) : в 3 ч. Ч. 1 (20 марта 2015 г.) / сост. Ю.Е. Автрутин, А.И. Капдунов. СПб., 2015. С. 56.

² Чарьев З.Б. Административная юстиция: теория и практика // Научный альманах. 2017. № 3-1 (29). С. 361.

³ Фролов С.В. Становление института административной юстиции в дореволюционной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2005. С. 8.

⁴ Петухов Г.Е. Административная юстиция в царской России // Правоведение. 1974. № 5. С. 72–80.

⁵ Исаев И.А. История государства и права России : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 532; Тропов И.А. Модернизация политической системы после Февраля 1917 г.: К вопросу о «двоевластии» // Материалы Всерос. науч. конф. «Модернизация в России: экономика, политика, культура» (19 февраля 2010 г.). Вып. 3. СПб. : ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2010. С. 116–121.

⁶ Павлов В.С. Первый генерал-прокурор демократической России (2 марта — 5 мая 1917 г.) // Двенадцатые Петровские чтения : материалы Всерос. науч. конф. (17–18 ноября 2010 г.). СПб. : ПНИИ, 2011. С. 293.

тивных дел⁷. Создание административной юстиции должно было, по их мнению, содействовать соблюдению законности в системе управления и обеспечению эффективности функционирования органов государственной власти и органов самоуправления. Независимые от администрации и беспристрастные административные суды должны были, по словам одного из современных исследователей, стать «важным средством противодействия произволу, беззаконию, формально-бюрократическому функционированию, волоките, коррупции и другим негативным явлениям, присутствующим формирующимся на временной основе органам государственной власти»⁸. Следует учитывать также и резко возросший в условиях крушения самодержавия объем гражданских и политических прав жителей страны, в связи с чем Временное правительство считало одной из своих важнейших задач «создание системы гарантий предоставленных гражданам прав и свобод, защиту их от нарушений органами власти и должностными лицами»⁹. Однако разработка нормативно-правовой базы судебного надзора за законностью в сфере управления заняла довольно много времени.

Этим вопросом сначала занималась Комиссия Особого совещания по реформе местного самоуправле-

ния и управления при МВД под руководством известного юриста, автора трудов по государственному праву Н.И. Лазаревского, а затем — Комиссия при Министерстве юстиции во главе с видным чиновником этого ведомства Г.Д. Скарятиним.

Комиссия Н.И. Лазаревского в двухнедельный срок (30 марта — 15 апреля 1917 г.) подготовила проект создания в России системы административного судоустройства, функционирующего на свойственных демократически устроенному правосудию принципах устности, публичности заседаний и состязательности¹⁰.

Первой (уездной) инстанцией административного суда предполагалось сделать коллегиальное отделение съезда мировых (временных) судей. Эта инстанция должна была рассматривать жалобы на органы и должностные лица низового (волостного, сельского и поселкового) самоуправления.

Второй инстанцией административной юстиции предполагалось сделать особое (административное) отделение окружного суда в губернских и областных городах. Данная инстанция, согласно проекту, должна была рассматривать жалобы на уездные органы самоуправления и правительственных комиссаров.

Третьей, высшей инстанцией административной юстиции в стране провозглашался Первый департамент Правительствующего Сената, который должен был решать дела по

⁷ См., напр.: Елистратов А.И. Основные начала административного права. М., 1917.

⁸ Колодкин Л.М. Административная юстиция Временного Правительства (март — октябрь 1917 года) // Материалы ежег. Всерос. науч.-практ. конф. (Сорокинские чтения) «Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права» (20 марта 2015 г.): в 3 ч. Ч. 1. С. 51.

⁹ Рустамова С.М. Институт административной юстиции в законодательстве Временного правительства // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2011. № 2. С. 59.

¹⁰ О работе комиссий под руководством Н.И. Лазаревского и Г.Д. Скарятинина подробно см.: Правилова Е.А. Законность и права личности: административная юстиция в России (вторая половина XIX в. — октябрь 1917 г.). СПб., 2000. С. 241–243; Николаев А.Б. Административные реформы 1917 года // Административные реформы в России: история и современность / под общей ред. Р.Н. Байгузина. М., 2006. С. 404–407.

жалобам на решения административных судов¹¹.

В данный проект комиссией Г.Д. Скарятина были внесены некоторые изменения, и уже с учетом сделанных поправок документ был 30 мая 1917 г. обнаружен Временным правительством¹². Но еще до этого момента появились первые нормативные упоминания об административной юстиции в трех документах, принятых Временным правительством, — во «Временных правилах о производстве выборов гласных городских дум» и во «Временном положении о милиции» от 15 апреля, а также в постановлении «О волостном земском управлении» от 21 мая 1917 г.¹³

Концепция закона об административных судах базировалась на нескольких фундаментальных положениях: «1) административный суд является судом в полном смысле этого слова и входит в систему единой судебной власти; 2) суд разбирает споры о праве между властью центральной и местной, между частными лицами и административными органами; 3) административный судебный иск охраняет публичное право от всяких нарушений точно так же, как гражданский иск охраняет частное

право; 4) административные споры рассматриваются в судебном процессе, цель которого — восстановление нарушенного публичного права в полном объеме и всеми доступными для этого средствами»¹⁴.

Структура органов административной юстиции, согласно положению «О судах по административным делам» от 30 мая 1917 г., выглядела следующим образом. В уезды назначались административные судьи (вместо изначально проектируемого коллегиального отделения мирового съезда), в окружных судах (в губернских и областных городах) создавались административные отделения, а первый департамент Сената выступал в качестве высшей судебной инстанции в сфере административной юстиции¹⁵. Органы административной юстиции, с одной стороны, оказывались связанными системой общих судов России, а с другой — они соответствовали существовавшей на тот момент системе административно-территориального деления страны¹⁶.

Административный судья рассматривал протесты в отношении деятельности структур поселкового и волостного управления и самоуправления и их отдельных представителей. Административное отделение разрешало административные споры, возникавшие в связи с обжалованием неправомερных решений и

¹¹ Первый департамент Сената и до революции «имел наибольшее значение, так как он рассматривал жалобы по всем видам административных дел, за исключением крестьянских, которые находились в ведении второго департамента». См.: Фролов С.В. Становление института административной юстиции в дореволюционной России... С. 19–20.

¹² Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате (СУ). 1917. Отд. 1. № 127. Ст. 692.

¹³ См.: Николаев А.Б. Административные реформы 1917 года // Административные реформы в России: история и современность... С. 405–406; Лупарев Е.Б. Генезис правового регулирования административной юстиции в России в досоветский период: попытка новой исторической ретроспективы // Общество и право. 2016. № 3 (57). С. 173.

¹⁴ Фролов С.В. Становление института административной юстиции в дореволюционной России... С. 25.

¹⁵ Исаев И.А. История государства и права России: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 539.

¹⁶ Абдулин Р.С. Реформаторские идеи Временного правительства России по реорганизации судебной системы и судебного управления самодержавия // VII Емельяновские чтения: материалы Всерос. науч. конф. / отв. ред. В.В. Менщиков, Д.Н. Маслюженко. Курган, 2014. С. 14.

действий уездных органов власти, включая уездных комиссаров Временного правительства, а также решений, вынесенных административными судьями. Подсудность первого департамента Сената была наиболее широкой: он «рассматривал жалобы на действия губернских комиссаров и на решения административных отделений окружных судов, а также разрешал “пререкания” между административными учреждениями и окружными судами»¹⁷.

В целом можно заключить, что формирование системы органов административной юстиции в России в 1917 г. свидетельствовало о стремлении Временного правительства к обеспечению прав и свобод граждан в сфере их взаимоотношений с органами государственной власти. Суды по административным делам были призваны не только выносить реше-

ния по конкретным спорам, но и осуществлять проверку правомерности деятельности властных органов в целом. Иными словами, формирование системы административной юстиции демонстрировало стремление Временного правительства к укреплению законности в государстве, к усилению дисциплины в аппарате управления и к созданию необходимых предпосылок для развития гражданского общества.

Однако решение этой задачи было сопряжено с многочисленными трудностями, связанными как с нехваткой квалифицированных специалистов, так и с общей политической ситуацией в российском обществе в 1917 г. Намеченные Временным правительством контуры системы административной юстиции и выработанные механизмы ее функционирования, так и не успевшие заработать в полной мере, были ликвидированы вскоре после взятия власти большевиками в октябре 1917 г.

¹⁷ Николаев А.Б. Административные реформы 1917 года // Административные реформы в России: история и современность... С. 408.

Литература

1. Абдулин Р.С. Реформаторские идеи Временного правительства России по реорганизации судебной системы и судебного управления самодержавия / Р.С. Абдулин // VII Емельяновские чтения : материалы Всероссийской научной конференции (г. Курган, 28–29 апреля 2014 г.) / ответственные редакторы В.В. Менщиков, Д.Н. Маслюженко. Курган : Изд-во Курганского ун-та, 2014. С. 12–17.
2. Елистратов А.И. Основные начала административного права / А.И. Елистратов. Москва : Изд-во «Г.А. Леман и С.И. Сахаров», 1917. 294 с.
3. Зеленцов А.Б. Административное судебное право: пролегомены / А.Б. Зеленцов // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права : материалы ежегодной Всероссийской научно-практической конференции (Сорокинские чтения) (г. Санкт-Петербург, 20 марта 2015 г.). В 3 частях. Ч. 1 / составитель Ю.Е. Автрутин, А.И. Каплунов. Санкт-Петербург : Изд-во СПб ун-та МВД России, 2015. С. 52–61.
4. Исаев И.А. История государства и права России : учебник / И.А. Исаев. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Юристъ, 2004. 797 с.
5. Колодкин Л.М. Административная юстиция Временного Правительства (март — октябрь 1917 года) / Л.М. Колодкин // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права : материалы ежегодной Всероссийской научно-практической конференции (Сорокинские чтения) (г. Санкт-Петербург, 20 марта 2015 г.). В 3 частях. Ч. 1 / составитель Ю.Е. Автрутин, А.И. Каплунов. Санкт-Петербург : Изд-во СПб ун-та МВД России, 2015. С. 47–52.
6. Лупарев Е.Б. Генезис правового регулирования административной юстиции в России в досоветский период: попытка новой исторической ретроспективы / Е.Б. Лупарев // Общество и право. 2016. № 3 (57). С. 171–174.

7. Николаев А.Б. Административные реформы 1917 года / А.Б. Николаев // Административные реформы в России: история и современность / под общей редакцией Р.Н. Байгузина. Москва : РОССПЭН, 2006. С. 361–412.
8. Павлов В.С. Первый генерал-прокурор демократической России (2 марта — 5 мая 1917 г.) / В.С. Павлов // Двенадцатые Петровские чтения : материалы Всероссийской научной конференции (г. Санкт-Петербург, 17–18 ноября 2010 г.). Санкт-Петербург : ПАНИ, 2011. С. 293–296.
9. Петухов Г.Е. Административная юстиция в царской России / Г.Е. Петухов // Правоведение. 1974. № 5. С. 72–80.
10. Правилова Е.А. Законность и права личности: административная юстиция в России (вторая половина XIX в. — октябрь 1917 г.) / Е.А. Правилова. Санкт-Петербург : СЗАГС : Образование-культура, 2000. 286 с.
11. Рустамова С.М. Институт административной юстиции в законодательстве Временного правительства / С.М. Рустамова // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2011. № 2. С. 57–62.
12. Тропов И.А. Модернизация политической системы после Февраля 1917 г.: К вопросу о «двоевластии» / И.А. Тропов // Модернизация в России: экономика, политика, культура : материалы Всероссийской научной конференции (Санкт-Петербург, 19 февраля 2010 г.). Вып. 3 / редакторы: В.А. Веремenco, П.Ю. Юдин, М.И. Фролов. Санкт-Петербург : ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2010. С. 116–121.
13. Фролов С.В. Становление института административной юстиции в дореволюционной России : автореферат диссертации кандидата юридических наук / С.В. Фролов. Нижний Новгород, 2005. 27 с.
14. Чарьев З.Б. Административная юстиция: теория и практика / З.Б. Чарьев // Научный альманах. 2017. № 3-1 (29). С. 360–364.

References

1. Abdulin R.S. Reformatorskie idei Vremennogo pravitelstva Rossii po reorganizatsii sudebnoy sistemy` i sudebnogo upravleniya samoderzhaviya [Reformatory Ideas of the Russian Provisional Government Concerning Reorganization of the Judicial System and the Judicial Administration of Absolutism] / R.S. Abdulin // VII Emelyanovskie chteniya : materialy` Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (g. Kurgan, 28-29 aprelya 2014 g.) / otvetstvenny`e redaktory` V.V. Menshikov, D.N. Maslyuzhenko. Kurgan : Izd-vo Kurganskogo un-ta — The VII Emelyanov Readings : proceedings of the All-Russian Scientific Conference (Kurgan, April 28 to 29, 2014) / publishing editors V.V. Menshikov, D.N. Maslyuzhenko. Kurgan : Publishing house of the Kurgan University, 2014. S. 12–17.
2. Elistratov A.I. Osnovny`e nachala administrativnogo prava [The Main Administrative Law Origins] / A.I. Elistratov. Moskva : Izd-vo 'G.A. Leman i S.I. Sakharov' — Moscow : G.A. Leman and S.I. Sakharov publishing house, 1917. 294 s.
3. Zelentsov A.B. Administrativnoe sudebnoe pravo: prolegomeny` [Administrative Judicial Law: Prolegomena] / A.B. Zelentsov // Aktualny`e problemy` administrativnogo i administrativno-protsessualnogo prava : materialy` ezhegodnoy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Sorokinskie chteniya) (g. Sankt-Peterburg, 20 marta 2015 g.). V 3 chastyakh. Ch. 1 / sostavitel Yu.E. Avtrutin, A.I. Kaplunov. Sankt-Peterburg : Izd-vo SPb un-ta MVD Rossii — Relevant Issues of Administrative and Administrative Procedure Law : proceedings of the annual All-Russian Scientific and Practical Conference (the Sorokin Readings) (Saint Petersburg, March 20, 2015). In 3 parts. Part 1 / compiled by Yu.E. Avtrutin, A.I. Kaplunov. Saint Petersburg : Publishing house of the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, 2015. S. 52–61.
4. Isaev I.A. Istoriya gosudarstva i prava Rossii : uchebnyk [History of Russian State and Law : textbook] / I.A. Isaev. 3-e izd., pererab. i dop. Moskva : Yurist — 3rd edition, revised and enlarged. Moscow : Lawyer, 2004. 797 s.
5. Kolodkin L.M. Administrativnaya yustitsiya Vremennogo Pravitelstva (mart — oktyabr 1917 goda) [Administrative Justice of the Provisional Government (March to October 1917)] / L.M. Kolodkin // Aktualny`e problemy` administrativnogo i administrativno-protsessualnogo prava : materialy` ezhegodnoy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Sorokinskie chteniya) (g. Sankt-Peterburg, 20 marta 2015 g.). V 3 chastyakh. Ch. 1 / sostavitel Yu.E. Avtrutin, A.I. Kaplunov. Sankt-

- Peterburg : Izd-vo SPb un-ta MVD Rossii — Relevant Issues of Administrative and Administrative Procedure Law : proceedings of the annual All-Russian Scientific and Practical Conference (the Sorokin Readings) (Saint Petersburg, March 20, 2015). In 3 parts. Part 1 / compiled by Yu.E. Avtrutin, A.I. Kaplunov. Saint Petersburg : Publishing house of the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, 2015. S. 47–52.
6. Luparev E.B. Genezis pravovogo regulirovaniya administrativnoy yustitsii v Rossii v dosovetskiy period: popy`tka novoy istoricheskoy retrospektivy` [The Genesis of Legal Regulation of Administrative Justice in Russia in the Pre-Soviet Period: An Attempt at Creating a New Historical Retrospective View] / E.B. Luparev // *Obschestvo i pravo — Society and Law*. 2016. № 3 (57). S. 171–174.
 7. Nikolaev A.B. Administrativny`e reformy` 1917 goda [Administrative Reforms of 1917] / A.B. Nikolaev // *Administrativny`e reformy` v Rossii: istoriya i sovremennost` / pod obschey redaktsiyey R.N. Bayguzina*. Moskva : ROSSPEN — Administrative Reforms in Russia: History and Modern Times / under the general editorship of R.N. Bayguzin. Moscow : Political Encyclopedia publishing house, 2006. S. 361–412.
 8. Pavlov V.S. Pervy`y general-prokuror demokraticeskoy Rossii (2 marta — 5 maya 1917 g.) [The First Prosecutor General of Democratic Russia (March 2 to May 5, 1917)] / V.S. Pavlov // *Dvenadtsaty`e Petrovskie chteniya : materialy` Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (g. Sankt-Peterburg, 17–18 noyabrya 2010 g.)*. Sankt-Peterburg : PANI — The Twelfth Petrov Readings : proceedings of the All-Russian Scientific Conference (Saint Petersburg, November 17 to 18, 2010). Saint Petersburg : Petrov Academy of Sciences and Arts, 2011. S. 293–296.
 9. Petukhov G.E. Administrativnaya yustitsiya v tsarskoy Rossii [Administrative Justice in Tsarist Russia] / G.E. Petukhov // *Pravovedenie — Legal Studies*. 1974. № 5. S. 72–80.
 10. Pravilova E.A. Zakonnost i prava lichnosti: administrativnaya yustitsiya v Rossii (vtoraya polovina XIX v. — oktyabr 1917 g.) [Legality and Human Rights: Administrative Justice in Russia (the Second Half of the XIX Century to October 1917)] / E.A. Pravilova. Sankt-Peterburg : SZAGS : Obrazovanie-kultura — Saint Petersburg : Northwestern Academy of Public Administration : Education and Culture, 2000. 286 s.
 11. Rustamova S.M. Institut administrativnoy yustitsii v zakonodatelstve Vremennogo pravitelstva [The Institution of Administrative Justice in Legislation of the Provisional Government] / S.M. Rustamova // *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3 : Obschestvenny`e nauki — Bulletin of the Dagestan State University. Series 3 : Social Sciences*. 2011. № 2. S. 57–62.
 12. Tropov I.A. Modernizatsiya politicheskoy sistemy` posle Fevralya 1917 g.: K voprosu o `dvoevlastii` [Modernization of the Political System after February 1917: On the 'Duality of Power'] / I.A. Tropov // *Modernizatsiya v Rossii: ekonomika, politika, kultura : materialy` Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (Sankt-Peterburg, 19 fevralya 2010 g.)*. Vy`p. 3 / redaktory` : V.A. Veremenko, P.Yu. Yudin, M.I. Frolov. Sankt-Peterburg : LGU im. A.S. Pushkina — Modernization in Russia: Economics, Politics, Culture : proceedings of the All-Russian Scientific Conference (Saint Petersburg, February 19, 2010). Issue 3 / editors : V.A. Veremenko, P.Yu. Yudin, M.I. Frolov. Saint Petersburg : Pushkin Leningrad State University, 2010. S. 116–121.
 13. Frolov S.V. Stanovlenie instituta administrativnoy yustitsii v dorevolyutsionnoy Rossii : avtoreferat dissertatsii kandidata yuridicheskikh nauk [Establishment of the Institution of Administrative Justice in Pre-Revolutionary Russia : author's abstract of thesis of PhD (Law)] / S.V. Frolov. Nizhniy Novgorod — Nizhny Novgorod, 2005. 27 s.
 14. Charyev Z.B. Administrativnaya yustitsiya: teoriya i praktika [Administrative Justice: Theory and Practice] / Z.B. Charyev // *Nauchny`y almanakh — Scientific Almanac*. 2017. № 3–1 (29). S. 360–364.

Видеообзоры, интервью с известными юристами, знакомство с актуальными публикациями, репортажи — всё это на нашем официальном канале

YouTube / **Издательская группа «Юрист»**

DOI: 10.18572/1812-3805-2020-1-59-65

Историко-правовой аспект генезиса формирования и развития категории «продовольственная безопасность» на мировом уровне

*Власов Валерий Александрович,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Красноярского государственного аграрного университета,
член Общественной палаты города Красноярска,
кандидат юридических наук
vav.70@mail.ru*

Статья посвящена исследованию зарождения, становления и развития понятия «продовольственная безопасность» в мировом масштабе. Объективное понимание специфики и значения того или иного общественного явления должно быть первоначально обосновано и проанализировано на основе исторически сложившегося опыта рассматриваемого феномена, выделено в самостоятельные хронологические периоды времени с учетом доктринальных позиций исследователей. Эмпирическую базу исследования составили международные договоры, начиная с середины XX века и заканчивая современным периодом. Анализируются имеющиеся в юридической и экономической литературе подходы к периодизации рассматриваемого феномена, а также приводится авторский подход применительно к этапам его эволюции.

Ключевые слова: *продовольственная безопасность, продовольственное обеспечение, международная организация, международный договор, мировой уровень, развитие, этапы.*

The Historical and Legal Aspect of the Genesis of Establishment and Development of the 'Food Security' Category at the World Level

*Vlasov Valeriy A.
Senior Lecturer of the Department of Theory and History
of State and Law of the Krasnoyarsk State Agrarian University
Member of the Public Chamber of Krasnoyarsk
PhD (Law)*

The article is devoted to the study of the origin, formation and development of the concept of 'food security' on a global scale. An objective understanding of the specifics and significance of a particular social phenomenon must be initially substantiated and analyzed on the basis of the historically developed experience of the phenomenon under consideration, separated into independent chronological periods of time, taking into account the doctrinal positions of the researchers. The empirical basis of the study was international treaties, starting from the middle of the XX century and ending with the modern period of time. Analyzes are available in the legal and economic literature approaches to the periodization of the phenomenon in question, as well as the author's approach is applied to the stages of its evolution.

Keywords: *food security, food security, international organization, international treaty, world level, development, stages.*

Проблема продовольственного обеспечения существует со времен зарождения человечества, при этом ее формы и масштабы изменяются по мере развития мировой цивилизации, учреждения и деятельно-

сти международных организаций и иных факторов. В доктрине различные авторы выделяют разное количество этапов в развитии идеи и понятия продовольственной безопасности (например, Л.С. Ревенко указывает три

этапа¹, А.В. Малхасян раскрывает четыре этапа², И.А. Колесняк обозначает семь этапов³, Е.В. Нехода применительно только к XX в. пишет о трех этапах⁴).

Автор настоящего научного исследования считает, что для более полного и точного уяснения зарождения и формирования проблемы продовольственной безопасности на мировом уровне следует выделять шесть этапов в эволюции ее развития.

Этап 1 (с момента зарождения человеческого общества — до второй половины XIX в.). Разрешение продовольственной проблемы на локальном уровне осуществлялось на уровне отдельно взятой страны с учетом ее традиций и обычаев, развития ее национальной экономики посредством предоставления гражданам продовольственных товаров без учета влияния факторов извне.

Этап 2 (вторая половина XIX в. — середина 40-х гг. XX в.). Зарождение мировой системы продовольственного обеспечения. Возникновение и развитие рыночных отношений на мировом продовольственном рынке, который через систему спроса и предложения стал влиять на формирование необходимых запасов и уровня потребления продовольствия.

Этап 3 (конец 40-х гг. XX в. — начало 70-х гг. XX в.). Оформление мировой системы продовольственно-го обеспечения посредством создания международной организации ФАО и принятия ряда важнейших международных договоров.

Стратегическим моментом следует признать учреждение в рамках ООН Продовольственной и сельскохозяйственной организации ФАО (Food and Agricultural Organization — FAO)⁵. В период с 16 октября по 1 ноября 1945 г. в Квебеке (Канада) проходила учредительная сессия Конференции ФАО, на которой 16 октября 1945 г. принят ее Устав. Основная цель этой универсальной международной организации — снижение голода и недоедания на основе кардинального изменения социально-экономической и аграрной политики. В настоящий момент ФАО является межправительственной организацией, представленной более чем в 130 странах. В ее состав входят 194 государства-члена, два ассоциированных члена и одна организация-член — Европейский союз⁶. Нельзя не отметить тот факт, что Российская Федерация присоединилась к ФАО только в 2006 г.⁷. После вхождения в ФАО для обеспечения участия нашей страны в работе ее межправительственных органов и в деятельности международных конференций, проводимых под ее эгидой, идет очень серьезное сотрудничество. Например, Россия на период с 2013 по 2016 г. продлила свое членство в Совете ФАО⁸. Соответственно, это позволя-

¹ Ревенко Л.С. Мировой рынок продовольствия в эпоху «генной» революции / Л.С. Ревенко. М. : Экономика, 2003. С. 37.

² Малхасян А.В. Аграрно-правовые проблемы в сфере обеспечения продовольственной безопасности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06. М., 2014. С. 35-44.

³ Колесняк И.А. Развитие системы продовольственного обеспечения региона (на материалах Красноярского края) : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05. Новосибирск, 2014. С. 9-11.

⁴ Нехода Е.В. Продовольственная безопасность и государственная поддержка сельского хозяйства в интерпретации ВТО // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 377. С. 123-128.

⁵ Официальный сайт Организации. URL: <http://www.fao.org> (дата обращения: 12.11.2019).

⁶ Там же.

⁷ Федеральный закон от 18 февраля 2006 г. № 25-ФЗ «О принятии Российской Федерацией Устава Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций» // СЗ РФ. 2006. № 8. Ст. 853.

⁸ Россия вошла в Совет ФАО // Аргументы и факты. 2013. 21 июня. URL: <http://www.aif.ru/politics/russia> (дата обращения: 12.11.2019).

ет нашему государству в период между конференциями участвовать в разработке и принятии ключевых решений ФАО.

Целесообразно также привести определения по рассматриваемой проблематике, закрепленные в международных договорах. Во Всеобщей декларации прав человека 1948 года было прямо закреплено: «Каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, необходимое для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи»⁹. В Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. также предусмотрено: «Право каждого на достаточный жизненный уровень для него и его семьи, которое включает в себя достаточное питание, одежду и жилище, и на непрерывное улучшение условий жизни. Основное право каждого человека на свободу от голода»¹⁰. Следует также отметить тот факт, что уже в середине 60-х гг. XX столетия мировое сообщество пришло к обоснованному выводу о необходимости выделения продовольственной помощи бедным странам. В 1963 году ООН была создана Всемирная продовольственная программа — ВПП (World Food Programme — WFP)¹¹.

⁹ Всеобщая декларация прав человека : принята Резолюцией 217А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. // Официальный сайт ООН. URL: <http://www.un.org/ru/> (дата обращения: 12.11.2019).

¹⁰ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах : принят Резолюцией 2200А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г. : вступил в силу 3 января 1976 г. // Официальный сайт ООН. URL: <http://www.un.org/ru/> (дата обращения: 12.11.2019).

¹¹ History of World Food Programme // World Food Programme. URL: <http://www.wfp.org/about/corporate-information/history> (дата обращения: 12.11.2019).

Этап 4 (начало 70-х гг. XX в. — начало 90-х гг. XX в.). Разрешение проблемы мировой глобальной продовольственной безопасности. На этом этапе происходит формирование мировой продовольственной системы, направленной на разрешение продовольственной проблемы в рамках планетарного масштаба, преодоление продовольственных кризисов, объединение усилий на глобальном уровне. В 1974 году была созвана Всемирная конференция по продовольствию под эгидой ООН. Ее центральной темой стало формирование и поддержание на региональном, национальном и международном уровнях достаточных запасов продовольствия в целях нивелирования негативных последствий кризисов¹². В этом же году был учрежден Комитет по всемирной продовольственной безопасности ООН, который основное внимание старался уделять мерам по увеличению производства зерновых в мировом масштабе для разрешения продовольственной проблемы.

Во Всеобщей декларации о ликвидации голода и недоедания 1974 г. были разработаны мероприятия по устранению опасности голода в мировом сообществе и содержалось следующее определение исследуемого феномена: «Всемирная продовольственная безопасность направлена на сохранение продовольственных товаров при доступности базовых продуктов питания для всех стран мира. Каждый мужчина, женщина и ребенок обладают неотъемлемым правом быть свободными от голода и недоедания для полного развития и сохранения своих физических и умственных способностей. Современное общество уже обладает

¹² Нехода Е.В. Продовольственная безопасность и государственная поддержка сельского хозяйства в интерпретации ВТО // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 77. С. 126.

достаточными ресурсами, организационными возможностями, техникой и, следовательно, в состоянии достигнуть этой цели. Соответствующим образом, ликвидация голода является общей обязанностью всех стран международного сообщества, в особенности развитых стран и стран, способных оказывать помощь»¹³.

Этап 5 (начало 90-х гг. XX в. — начало XXI в.). Повышение роли государства в обеспечении национальной продовольственной безопасности и в системе мировой продовольственной безопасности. Продовольственная безопасность рассматривается как один из элементов глобализации, взаимосвязь и взаимозависимость мирового и национального экономического развития. Более того, происходит осознание необходимости исследования продовольственной безопасности не только на глобальном уровне, но и на региональном, национальном и личном (индивидуальном). Указанные аспекты нашли свое отражение в документах всемирных саммитов по продовольственной безопасности 1996 и 2002 гг., проходивших под эгидой ФАО.

В резолюции Всемирного продовольственного саммита 1996 года, проходившего в Риме, была использована следующая трактовка продовольственной безопасности: «Продовольственная безопасность существует тогда, когда все люди в любое время имеют физический и экономический доступ к достаточному количеству безопасной и питательной пищи, позволяющей удовлетворять их пище-

вые потребности и предпочтения для ведения активного и здорового образа жизни»¹⁴. Данное определение закрепляет четыре основных критерия оценки продовольственной безопасности: наличие продовольствия, его доступность, использование и стабильность потребления.

Важное значение также имеют Добровольные руководящие принципы в поддержку постепенного осуществления права на достаточное питание в контексте национальной продовольственной безопасности, которые были приняты на 127-й сессии Совета ФАО в ноябре 2004 г.¹⁵. Цель их принятия состоит в предоставлении практических рекомендаций государствам для реализации ими постепенного осуществления права на достаточное питание в контексте национальной продовольственной безопасности.

Этап 6 (начало XXI в. — настоящее время). Серьезной угрозой для международной продовольственной безопасности стал финансово-экономический кризис, начавшийся в 2008 г., получивший наименование «глобальный», поскольку затронул почти все государства. Глобальный финансово-экономический кризис способствовал сокращению рабочих мест и увеличению роста бедности. Возникший на его фоне продовольственный кризис обусловил необходимость дополнительной координации усилий по совершенствованию

¹³ Всеобщая декларация о ликвидации голода и недоедания : принята 16 ноября 1974 г. Всемирной продовольственной конференцией, созванной в соответствии с Резолюцией 3180 (XXVIII) Генеральной Ассамблеи от 17 декабря 1973 г., и Резолюцией 3348 (XXIX) Генеральной Ассамблеи от 17 декабря 1974 г. // Официальный сайт ООН. URL: <http://www.un.org/ru/> (дата обращения: 12.11.2019).

¹⁴ World Food Summit, WFS 96/3-Corr.1, Rome, Italy, 1996 // Римская декларация о всемирной продовольственной безопасности. Рим, 13 ноября 1996 г. URL: <http://www.fao.org> (дата обращения: 12.11.2019).

¹⁵ Food and Agriculture Organization of the United Nations, Report of the Council of the Food and Agriculture Organization of the United Nations, One Hundred and Twenty-seventh Session, Rome, 22–27 November 2004 (CL 127/REP), appendix D; см. также: E/CN.4/2005/131, приложение. URL: <http://www.fao.org> (дата обращения: 15.08.2018).

системы многостороннего управления в рассматриваемой области. Следовательно, новый мировой продовольственный кризис, начавшийся в 2008 г., можно считать точкой отсчета нового этапа. Его спровоцировали не только непрогнозируемые стихийные природные явления, но и резкое снижение цен на продовольственные товары, снижение конкуренции на продовольственных рынках, разорение мелких сельскохозяйственных товаропроизводителей и т.д.

Декларация Всемирного саммита по продовольственной безопасности 2009 года стала новой вехой в дополнении понятия «продовольственная безопасность», которая «существует, когда все люди всегда имеют физический, социальный и экономический доступ к достаточному количеству безопасного и питательного продовольствия для удовлетворения своих диетических потребностей и пищевых предпочтений для ведения активной и здоровой жизни»¹⁶. По сравнению с понятием, закрепленным в Резолюции Всемирного продовольственного саммита 1996 г., был добавлен еще один ее элемент: социальный доступ.

Также необходимо обратить внимание на то, что одной из важнейших целей устойчивого развития, принятых ООН в 2015 г., обозначена «ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства»¹⁷.

Еще одним серьезным моментом применительно к исследуемой про-

блеме стало присоединение в 2012 г. России к Всемирной торговой организации (ВТО) в соответствии с Федеральным законом от 21 июля 2012 г. № 126-ФЗ «О ратификации Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 года»¹⁸. Проблемы эффективного развития отечественного сельского хозяйства в условиях ВТО требуют системного решения значительного количества экономических, социальных, организационных, экологических и правовых вопросов.

Россия стала 156-м членом ВТО, завершив восемнадцатилетний переговорный процесс по вопросу вступления в эту международную экономическую организацию. В условиях, когда на государства — членов ВТО приходится более 95% мирового товарооборота (на Россию — 2,1%), это была реальная необходимость¹⁹.

Данный факт означает принятие нашей страной существующих правил движения продовольственных товаров на мировом рынке. Система права ВТО является основой правового регулирования многосторонней торговли продовольственными товарами, представляет собой систему правовых норм, состоящих из 60 соглашений и договоренностей. Соглашения по сельскому хозяйству ВТО являются основным обязательным документом, регулирующим торговлю сельскохо-

¹⁶ Декларация Всемирного саммита по продовольственной безопасности : принята на Всемирном саммите по продовольственной безопасности (Рим, 16–18 ноября 2009 г.). URL: <http://www.fao.org> (дата обращения: 15.08.2018).

¹⁷ Официальный сайт Организации. URL: <http://www.fao.org> (дата обращения: 12.11.2019).

¹⁸ Федеральный закон от 21 июля 2012 г. № 126-ФЗ «О ратификации Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 года» // СЗ РФ. 2012. № 30. Ст. 4177.

¹⁹ Арутюнов С. Россия вступила в ВТО: чего ждать дальше? // Международный деловой центр «Россия в ВТО». 23.08.2012. URL: <http://wto.wtcmoscow.ru> (дата обращения: 12.11.2019).

зяйственной продукцией в данной организации²⁰.

Соответственно, продовольственная безопасность априори должна признаваться институционально незаменимым и обязательным элементом системы национальной безопасности России, поскольку направлена на сохранение конституционного строя, территориальной целостности и продовольственного суверенитета. Автор настоящей статьи в свое время в свете изложенного предлагал ввести в научный оборот термин «продовольственный суверенитет», под которым следует понимать достаточно сложную систему продовольственных отношений, характеризующих эффективное и полноценное обеспечение качественным и доступным продовольствием населения страны,

направленных на удовлетворение его продовольственных потребностей и стабильное существование и устойчивое развитие, наличие необходимых резервов и запасов, посредством реальной защиты прав, свобод, законных интересов человека и гражданина в продовольственной сфере. Главной целью продовольственного суверенитета является надежная защита личности, общества и государства от внешних и внутренних продовольственных угроз²¹.

В заключение стоит отметить, что разные подходы ученых к периодизации понятия «продовольственная безопасность» в мировом масштабе позволяют прийти к выводу, что этот динамично развивающийся институт требует дальнейших научных исследований для его изучения и познания.

²⁰ Соглашение по сельскому хозяйству : заключено в г. Марракеше 15 апреля 1994 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.11.2019).

²¹ Власов В.А. Продовольственная безопасность как политико-правовой феномен // Право и государство: теория и практика. 2012. № 2 (86). С. 102–105.

Литература

1. Арутюнов С. Россия вступила в ВТО: чего ждать дальше? / С. Арутюнов // Международный деловой центр «Россия в ВТО». 2012. 23 августа.
2. Власов В.А. Продовольственная безопасность как политико-правовой феномен / В.А. Власов // Право и государство: теория и практика. 2012. № 2 (86). С. 102–105.
3. Колесняк И.А. Развитие системы продовольственного обеспечения региона (на материалах Красноярского края) : диссертация кандидата экономических наук / И.А. Колесняк. Новосибирск, 2014. 208 с.
4. Малхасян А.В. Аграрно-правовые проблемы в сфере обеспечения продовольственной безопасности : диссертация кандидата юридических наук / А.В. Малхасян. Москва, 2014. 167 с.
5. Нехода Е.В. Продовольственная безопасность и государственная поддержка сельского хозяйства в интерпретации ВТО / Е.В. Нехода // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 377. С. 123–128.
6. Ревенко Л.С. Мировой рынок продовольствия в эпоху «генной» революции / Л.С. Ревенко. Москва : Экономика, 2003. 301 с.

References

1. Arutyunov S. Rossiya vstupila v VTO: chego zhdat dalshe? [Russia Has Joined the WTO: What to Expect?] / S. Arutyunov // Mezhdunarodny`y delovoy tsentr 'Rossiya v VTO'. 2012. 23 avgusta — International Business Center Russia and the WTO. 2012. August 23.
2. Vlasov V.A. Prodovolstvennaya bezopasnost kak politiko-pravovoy fenomen [Food Security as a Political and Legal Phenomenon] / V.A. Vlasov // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika — Law and State: Theory and Practice. 2012. № 2 (86). S. 102–105.
3. Kolesnyak I.A. Razvitie sistemy` prodovolstvennogo obespecheniya regiona (na materialakh Krasnoyarskogo kraya) : dissertatsiya kandidata ekonomicheskikh nauk [Development of a Regional Food Security System (on the Example of the Krasnoyarsk Territory) : thesis of PhD (Economics)] / I.A. Kolesnyak. Novosibirsk — Novosibirsk, 2014. 208 s.

4. Malkhasyan A.V. Agrarno-pravovyy'e problemy` v sfere obespecheniya prodovolstvennoy bezopasnosti : dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk [Agrarian and Legal Issues in Food Security : thesis of PhD (Law)] / A.V. Malkhasyan. Moskva — Moscow, 2014. 167 s.
5. Nekhoda E.V. Prodovolstvennaya bezopasnost i gosudarstvennaya podderzhka selskogo khozyaystva v interpretatsii VTO [Food Security and State Support of Agriculture in the WTO Interpretation] / E.V. Nekhoda // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of the Tomsk State University. 2013. № 377. S. 123–128.
6. Revenko L.S. Mirovoy ry` nok prodovolstviya v epokhu 'gennoy' revolyutsii [The World Food Market in the 'Genetic' Revolution Epoch] / L.S. Revenko. Moskva : Ekonomika — Moscow : Economics, 2003. 301 s.

DOI: 10.18572/1812-3805-2020-1-65-71

Проявление дискредитации западных держав в отношении Советского Союза в период Второй мировой войны

*Воробьев Сергей Михайлович,
профессор кафедры теории государства и права,
международного и европейского права,
доктор юридических наук, доцент
sergey.vorobev.78@inbox.ru*

Настоящая научная статья посвящена осмыслению дискредитации в отношении Советского Союза со стороны западных держав на переломном этапе Второй мировой войны. Автор с учетом изучения различных исторических фактов и мнений приходит к выводу о спланированных действиях некоторых государств «антигитлеровской коалиции», направленных на ослабление роли СССР в победе с фашизмом. При этом настоящая статья отражает авторскую позицию по данной проблеме. В работе использовались современные общенаучные и специальные методы познания: анализ, синтез, историко-правовой, структурно-функциональный, нормативно-логический, комплексный.

Ключевые слова: война, фашизм, союзники, победа, дискредитация.

Manifestation of Discreditation of Western Powers in Relation to the Soviet Union in the Second World War Period

*Vorobyev Sergey M.
Professor of the Department of Theory of State and Law, International and European Law
LL.D., Associate Professor*

This scientific article is devoted to understanding the manifestation of discredit against the Soviet Union by the Western powers at a critical stage of the Second World War. The author, taking into account the study of various historical facts and opinions, comes to the conclusion that the planned actions of certain states of the 'anti-Hitler coalition' aimed at weakening the role of the USSR in the victory with fascism. However, this article reflects the author's subjective position on this issue. In the work, modern general scientific and special methods of cognition were used: analysis, synthesis, historico-legal, structural-functional, normative-logical, complex.

Keywords: war, fascism, allies, victory, discredit.

Особое место в противостоянии Запада Советскому Союзу, консолидационным центром которого являлась

Россия, отводилось средствам идеологической борьбы, в частности, дискредитации Советского государства

вследствие проводившейся им внутренней и внешней политики, оказывавшей прогрессивное влияние на международную социально-политическую обстановку, что выразалось и в его выдающемся вкладе в решение непреходящего всеобщего вопроса — войны и мира: победой над германским фашизмом и японским милитаризмом, ликвидацией временной американской монополии на ядерное оружие, имеющими неограниченное значение для человечества.

В целях умаления мирового авторитета СССР, главной роли советских Вооруженных сил в разгроме гитлеровской Германии, в том числе на его коалиционном завершающем этапе при содействии национально-освободительных европейских сил, западные союзники не гнушались прибегать к таким, тесно граничащим с дискредитацией средств, как фальсификация и компрометация, в том числе исторических событий Второй мировой войны.

Основополагающим документом объединения государств в целях войны против фашистской Германии и ее союзников стала Атлантическая хартия глав правительств США и Великобритании от 14 августа 1941 г., к которой в сентябре присоединился СССР. 1 января 1942 г. представителями правительств, поддержавших хартию, была подписана в Вашингтоне Декларация 26 государств — участников антигитлеровской коалиции¹. Однако исполнение не только декларативных положений хартии, но и официально дававшихся англо-американскими союзниками обещаний нередко игнорировалось ими ради их внутри- и внешнеполитических интересов, в частности всевозможного ослабления СССР, с тем чтобы он был бы не в со-

стоянии играть первостепенную роль на мировой арене.

Так, в нарушение союзнических обязательств правительств Англии и США об открытии второго фронта в Европе в 1942 г., отраженных в опубликованных 12 июня 1942 г. англо-советском и советско-американском коммюнике, У. Черчилль и Ф. Рузвельт уже в июле без участия советской стороны договорились вместо ввода своих войск в Европу осуществить в 1942 г. их высадку в Северной Африке. Это неожиданное ренегатское решение союзников, нанесшее моральный удар всей советской общественности, которая рассчитывала на их действительное участие в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в Европе, осложняло положение Красной Армии на фронте, вызывало изменение стратегических планов советского командования.

В первой половине августа 1942 года У. Черчилль прибыл в Москву с целью сообщить советскому правительству о решении не открывать второй фронт в текущем году, что, по убеждению руководителей советского правительства, являлось грубым нарушением союзниками взятых обязательств, о чем было заявлено английскому премьер-министру. Его информация о планируемой в 1942 г. высадке союзных войск в Северной Африке и заверение (оставшееся также невыполненным) в том, что англо-американские войска будут введены в Западную Европу в 1943 г., советское правительство приняло к сведению².

Преднамеренное оттягивание союзниками открытия второго фронта на западе (оставляя русских одних сражаться против немцев, они исходили из того, что обе воюющие стороны выйдут из войны истощенными, невзирая на ее результаты, что обеспечивало бы англо-американ-

¹ См.: Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С. 88, 374.

² См.: Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль. М., 1982. С. 335–340.

ское господство в послевоенном мире), вопрос о создании которого ставился советским правительством еще в 1941 г., позволило немецкому командованию стянуть на советско-германский фронт, являвшийся главным и решающим фронтом всей Второй мировой войны, значительные дополнительные силы. На 1 мая 1942 г. на этом фронте действовало 217 дивизий и 20 бригад противника, или 80% всех сухопутных войск Германии и ее союзников, а также три из пяти немецких воздушных флотов. В то же время на второстепенном, удаленном на огромное расстояние от Европейского материка Северо-Африканском театре войны, не требовавшем значительных фашистских сил, на котором и сосредоточивалось внимание англо-американских союзников СССР, в мае 1942 г. английским войскам противостояли всего 11 дивизий — восемь итальянских и три немецких³.

23 октября 1942 г. 8-я английская армия генерала Б. Монтгомери перешла в наступление и в начале ноября прорвала фронт итало-немецких войск (насчитывавших уже 12 дивизий) в районе населенного пункта Эль-Аламейна в Египте, разгромив немецкий корпус генерала Роммеля, что было переломным моментом в ходе Северо-Африканских кампаний (13.09.1940–13.05.1943) англо-американских союзников (одновременно в Касабланке (Марокко) высадились американские войска под командованием генерала Д. Эйзенхауэра, которыми итало-немецкие войска были отброшены в Тунис и капитулировали на полуострове Бон 13 мая 1943 г.)⁴.

³ См.: Василевский А.М. Дело всей жизни : в 2 кн. 6-е изд. М., 1988. Кн. 1. С. 226, 290.

⁴ См.: Жуков Г.К. Воспоминания и размышления : в 2 т. 3-е изд. М., 1978. Т. 2. С. 350–351; Советский энциклопедический словарь. С. 1196, 1560.

Военные действия английских войск армейского масштаба около Эль-Аламейна, не относившиеся по размаху и значимости к основным военным баталиям Второй мировой войны, У. Черчилль назвал, однако, «великой битвой», явившейся «самым решающим сухопутным сражением с целью защиты интересов союзников»⁵.

В действительности началом коренного перелома в Великой Отечественной и Второй мировой войнах общепризнана Сталинградская битва (17.07.1942–02.02.1943) советских войск с Вермахтом, насчитывавшим на этом направлении свыше 50 дивизий, победа в которой имела огромное стратегическое и международно-политическое значение: обусловила глубокий военно-политический кризис фашистского блока, начало его распада; способствовала увеличению размаха освободительного движения в странах, подпавших под нацистскую оккупацию; воочию показала обреченность фашизма на гибель.

Значительность этой битвы подтверждал и президент США Ф. Рузвельт, который в похвальной грамоте, врученной Сталинграду от имени американского народа, выразил восхищение доблестью его защитников, подчеркнув при этом, что «их славная победа остановила волну нашествия и стала поворотным пунктом войны союзных наций против сил агрессии»⁶. Решающим сражением в обеспечении коренного перелома в ходе этих войн явилась Курская битва (05.07–23.08.1943), в которой были разгромлены 30 немецких дивизий, в том числе 7 танковых. Красная Армия, одержав в ней победу, закрепила за собой стратегическую инициати-

⁵ См.: Трухановский В.Г. Указ. соч. С. 343.

⁶ См.: Василевский А.М. Указ. соч. Кн. 1. С. 290–291.

ву действий на советско-германском фронте⁷.

В разгар сражения на Курской дуге союзники, все еще не собиравшиеся открывать масштабные наступательные операции в Европе, осуществили 10 июля высадку англо-американских войск на остров Сицилия, откуда затем 17 августа переправили их в Южную Италию, не внося существенных изменений в расстановку немецких сил по стратегическим направлениям. После поражения немецко-фашистских войск под Курском началось развертывание широким фронтом наступления Красной Армии на запад. Такой поворот событий ставил вопрос о втором фронте в иную плоскость. По мере продвижения советских войск в западном направлении англо-американские союзники пришли к мысли, что им следует торопиться с открытием второго фронта, и не ради того, чтобы помочь советскому союзнику, а чтобы ввести свои войска в Западную Европу до того, как она будет освобождена Красной Армией, то есть из-за страха вообще потерять Европу. В этой связи на Тегеранской конференции (28.11–01.12.1943) руководителей трех держав — СССР (И.В. Сталин), США (Ф. Рузвельт) и Великобритании (У. Черчилль) были приняты Декларации о совместных действиях в войне против Германии и о послевоенном трехстороннем сотрудничестве, а также окончательное решение о вторжении англо-американских войск в Западную Европу не позднее мая 1944 г.⁸

Осенью 1944 г. западными средствами массовой информации, а также союзниками СССР по антигитлеровской коалиции, в частности США и

Англией, основывавшимися на радио- и печатных сообщениях эмигрантского правительства Польши в Лондоне, возбудили вопрос по поводу неудачного антифашистского восстания в Варшаве (01.08–02.10.1944). При этом успех восстания обосновывался не только «пассивностью» советского командования в оказании помощи повстанцам, якобы из-за того, что восстание началось по приказу польского эмигрантского правительства, но и умышленным неприятием активных наступательных военных действий, для того чтобы восстание было подавлено гитлеровскими оккупационными войсками. В этой связи в начале октября Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин поручил своему заместителю Г.К. Жукову выехать в район Варшавы на участки советских фронтов для выяснения на месте обстановки в осажденной польской столице и перспектив на ее освобождение, которым было установлено следующее.

В Варшаве гитлеровцы с особой жестокостью расправлялись с восставшими, подвергая репрессиям и мирное население. Под обломками разрушенного до основания города погибли тысячи неповинных людей.

Командование 1-го Белорусского фронта и командование 1-й армии Войска Польского не были предупреждены представителем эмигрантского правительства Бур-Комаровским, возглавлявшим общее руководство восстанием, о готовящемся выступлении варшавян, который курировал и командование Армией Крайовой, организовавшее и начавшее восстание. Вместе с тем им не было предпринято никаких попыток согласовать действия восставших с деятельностью фронта. Его командование узнало о происходящем восстании от местных жителей, перебравшихся через Вислу. Не была заранее уведомлена о поднятом восстании и Ставка Верхов-

⁷ См.: Там же. Кн. 2. С. 30.

⁸ См.: Жуков Г.К. Указ. соч. Т. 2. С. 170–171; Василевский А.М. Указ. соч. Кн. 2. С. 31; Трухановский В.Г. Указ. соч. С. 347; Советский энциклопедический словарь. С. 1227, 1323.

ного Главнокомандования. По заданию Сталина для связи и установления взаимодействия с руководством восставших командованием фронта были посланы два парашютиста-офицера, одному из которых — капитану И. Колосу удалось встретиться с Бур-Комаровским и его заместителем генералом Монтером, изложив им соображения советского командования по совместному освобождению Варшавы. Но обещанного какого-либо от них ответа так и не последовало.

С целью оказания помощи восставшим советские и польские войска были переправлены через Вислу, которые захватили часть варшавской набережной. Однако и в этом случае со стороны руководителей восстания ничего не было предпринято для осуществления взаимодействия. Примерно через день немцы, создав значительный перевес в военных силах, начали теснить советско-польские части, которые несли большие потери. Учитывая создавшееся положение и отсутствие в данный момент возможности овладеть Варшавой, командование фронта решило отвести войска на свой берег Вислы.

До и после вынужденного отвода войск фронт оказывал помощь восставшим, сбрасывая с самолетов продовольствие, медикаменты и боеприпасы. В то же время части 1-го и 2-го Белорусских фронтов вели наступательные бои северо-западнее Варшавы. Вместе с тем следует отметить, что в летнюю кампанию 1944 г. Красная Армия провела семь крупных операций по окружению и разгрому немецких группировок, в том числе находившихся на восточной территории Польши, что было значительно больше, чем в предыдущих кампаниях. Поэтому войска нуждались в отдыхе, доукомплектовании людскими ресурсами, вооружением и боеприпасами.

2 октября руководители восстания подписали продиктованные фашистами условия капитуляции. Всех повстанцев, добровольно сдавших оружие, гитлеровцы отправили в концентрационный лагерь, а Бур-Комаровскому был предоставлен самолет, на котором он вылетел в Англию.

Вследствие Висло-Одерской операции советских войск (12.01–03.02.1945) 17 января была освобождена Варшава при участии 1-й армии Войска Польского, а затем и вся западная часть Польши, окончательное освобождение которой явилось одним из результатов Восточно-Померанской операции Красной Армии (10.02–04.04.1945)⁹.

Сегодняшние западные политики, пренебрегая объективностью в оценках событий Второй мировой войны, продолжают практику их инсинуационного истолкования в антироссийских целях. В частности, президент США Д. Трамп, обращаясь с речью к польским гражданам 7 июля 2017 г., напомнил им о «советской пассивности», приведшей, по его мнению, к неудаче и прискорбным результатам Варшавского восстания 1944 г. Тем самым было «подлито масло» в разгоревшийся в польском обществе огонь «декоммунизации», официально проводимой с апреля 2016 г.¹⁰, выражающейся в том числе в сносе памятников советским воинам-освободителям, одобренном сеймом Польши 22 июня

⁹ См.: Жуков Г.К. Указ. соч. Т. 2. С. 239, 243–271; Карпов В. В. Генералиссимус : Историко-док. изд. : в 2 кн. Калининград, 2002. Кн. 2. С. 247–253.

¹⁰ См.: Закон Республики Польши от 1 апреля 2016 г. «О запрете пропаганды коммунизма или другого тоталитарного строя — имени сооружений, объектов и коммунального обслуживания» // Сайт польского Сейма. URL : <http://www.search-seim.gov.pl/Seim Search/ADD.aspx?Select Result> (дата обращения: 25.10.2019).

2017 г.¹¹. При этом ее власти осознанно, в угоду антироссийским амбициям иностранных покровителей, стремятся стереть из памяти польского народа страницы истории его освобождения от немецко-фашистского рабства именно неизгладимыми усилиями Красной Армии — почти шестисоттысячной потерей жизней советских воинов, погибших за свободу Польши в боях с гитлеровскими захватчиками в 1944–1945 гг.¹².

Длительное затягивание союзниками создания второго фронта в Западной Европе закончилось его открытием 6 июня 1944 г., когда англо-американские и канадские войска, форсировав Ла-Манш, без особого сопротивления немецких войск высадились на западном побережье Франции в Нормандии. Вскоре после этого со-

юзные войска вместе с французскими силами Движения Сопротивления имели на Западе 76 хорошо укомплектованных и вооруженных дивизий и 15 отдельных бригад, которым противостояли 74 малочисленные дивизии и три отдельные бригады немецких войск. По числу людей союзники превосходили противника в два раза, по танкам — в четыре, по самолетам — в шесть раз. Началось постепенное освобождение ряда европейских стран от фашистской оккупации. Из-за отсутствия значительных немецких сил наступательные действия союзных войск проходили, за исключением единичных, в виде преодоления подвижной обороны гитлеровцев, а не глубоко эшелонизированной, требующей больше усилий для ее прорыва, как это было на советско-германском фронте¹³.

С учетом изложенного полагаем, что деятельность западных держав, связанная с дискредитацией против СССР, была тщательным образом спланирована, носила завуалированный характер и была направлена на изменение хода военных действий и роли СССР в борьбе с фашизмом.

¹¹ См.: Закон Республики Польши от 22 июня 2017 г. «О внесении изменений в Закон о запрете пропаганды коммунизма или другого тоталитарного строя — имени сооружений, объектов и коммунального оборудования». URL: <http://www.search-seim.gov.pl/SeimSearch/ADD.aspx?SelectResult> (дата обращения: 25.10.2019).

¹² См.: Освобождение Польши. Цена Победы // Официальный сайт Минобороны России. URL: <http://www.poland1944.mil.ru> (дата обращения: 25.10.2019).

¹³ См.: Жуков Г.К. Указ. соч. Т. 2. С. 274, 370–371.

Литература

1. Василевский А.М. Дело всей жизни. В 2 книгах. Кн. 1 / А.М. Василевский. 6-е изд. Москва : Политиздат, 1988. 320 с.
2. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 2 томах. Т. 2 / Г.К. Жуков. 3-е изд. Москва : Новости, 1978. 391 с.
3. Карпов В.В. Генералиссимус. В 2 книгах. Кн. 2 : Историко-документальное издание / В.В. Карпов. Калининград : Янтарный сказ, 2002. 526 с.
4. Советский энциклопедический словарь : около 80 000 слов / научно-редакционный совет : А.М. Прохоров (пред.) [и др.]. М. : Советская энциклопедия, 1979. 1600 с.
5. Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль / В.Г. Трухановский. Москва : Международные отношения, 1982. 464 с.

References

1. Vasilevskiy A.M. Delo vsej zhizni. V 2 knigakh. Kn. 1 [Life's Work. In 2 books. Book 1] / A.M. Vasilevskiy. 6-e izd. Moskva : Politizdat — 6th edition. Moscow : Publishing House of Political Literature, 1988. 320 s.
2. Zhukov G.K. Vospominaniya i razmyshleniya. V 2 tomakh. T. 2 [Recollections and Reflections. In 2 volumes. Vol. 2] / G.K. Zhukov. 3-e izd. Moskva : Novosti — 3rd edition. Moscow : News, 1978. 391 s.

3. Karpov V.V. Generalissimus. V 2 knigakh. Kn. 2 : Istoriko-dokumentalnoe izdanie [Generalissimo. In 2 books. Book 2 : Historical and documentary edition] / V.V. Karpov. Kaliningrad : Yantarny`y skaz — Kaliningrad : Yantarny Skaz, 2002. 526 s.
4. Sovetskiy entsiklopedicheskiy slovar : okolo 80 000 slov [Soviet Encyclopedic Dictionary : about 80,000 words] / nauchno-redaktsionny`y sovet : A.M. Prokhorov (pred.) [i dr.]. Moskva : Sovetskaya entsiklopediya — scientific and editorial board : A.M. Prokhorov (chairman) [et al.]. Moscow : Soviet Encyclopedia, 1979. 1600 s.
5. Trukhanovskiy V.G. Uinston Cherkhill [Winston Churchill] / V.G. Trukhanovskiy. Moskva : Mezhdunarodny`e otnosheniya — Moscow : International Relations, 1982. 464 s.

DOI: 10.18572/1812-3805-2020-1-71-76

Опыт создания специализированных водоземельных судов в Закаспийской области Российской империи

*Аминов Илья Исакович,
доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
член Ассоциации юристов России,
кандидат психологических наук,
кандидат юридических наук, доцент
aminovii@mail.ru*

По мере присоединения к России закаспийских земель во вновь образованных уездах, приставствах, волостях администрацией края учреждались соответственно уездные, приставские, аульные суды. Кроме этих судов административными распоряжениями начальника Закаспийской области были образованы: в Асхабадском уезде — специализированный водоземельный (кяризный) суд (1897 г.) и Чрезвычайный съезд народных судей области (1894 г.). Разрешение конфликтов с помощью этих судов имело большое значение с позиции не только регулирования имущественных отношений, поддержания авторитета и чести семьи, рода, но и профилактики правонарушений, развития правовой культуры среди коренного населения Закаспия.

Ключевые слова: водоземельные отношения, гидротехнические сооружения, материальный ущерб, народный суд Закаспийской области, земледелие, скотоводство, обычное право, шарият.

Experience of Creation of Specialized Water and Land Courts in the Transcaspien Region of the Russian Empire

*Aminov Ilya I.
Senior Lecturer of the Department of Criminology and Penal Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Member of the Association of Lawyers of Russia
PhD (Psychology), PhD (Law), Associate Professor*

As the Trans-Caspian lands joined Russia, in the newly formed counties, bailiffs, and the municipalities, the regional administration established, respectively, county, bailiff, and aul courts. In addition to these courts, administrative orders of the head of the Transcaspien region were formed: in the Askhabad district — a specialized water-land (kyariz) court (1897) and the Extraordinary Congress of people's judges of the Region (1894). Conflict resolution with the help of these courts was of great importance not only from the standpoint of regulating property relations, maintaining the authority and honor of the family and clan, but also preventing crime, developing the legal culture among the indigenous people of Transcaspien.

Keywords: water-land relations, hydrotechnical structures, material damage, people's court of the Transcaspien region, agriculture, cattle breeding, customary law, Sharia.

На протяжении всей истории становления и развития центрально-азиатских государств искусственное орошение составляло главное условие жизни коренного населения, спасало от неурожая, делало прочным материальное благополучие скотоводов и земледельцев. Для жителей Закаспийской области искусственное орошение в силу ее суровых природно-климатических условий, совершенного отсутствия дождей в летнее время имело первостепенное значение. Однако неурегулированность отношений между членами общины или их объединениями в сфере очередности и правильности полива земельных участков, расходования воды, строительства и ремонта оросительных сооружений, проведения ирригационно-очистительных работ нередко приводила к затяжным, трудноразрешимым спорам, а администрацию области заваливало жалобами по «водяным делам»¹. Эти обстоятельства подвели администрацию края к необходимости уделить особое внимание формированию специализированных водоземельных судов, которые своей компетенцией выделались бы в системе народного судопроизводства.

Среди гидротехнических сооружений для искусственного орошения в Закаспийском крае получили широкое распространение *кяризы*². Для устройства кяризов выбирали обыкновенно долину и вдоль нее рыли колодцы на расстоянии 20 саженей один от другого, следуя, таким образом, до самой низины. Когда колодцы были вырыты, их соединяли под землей

сплошной галереей из керамических труб или жженого кирпича.

До присоединения туркменских земель к России и образования 6 (18) мая 1881 г. Закаспийской области³ здесь можно было встретить незначительное количество кяризов, но и те большей частью были или разрушены, или давали непригодную для питья соленую воду. Поскольку стремительные темпы хозяйственно-экономического развития Закаспия в составе Российской империи потребовали значительного увеличения количества добываемой пресной воды⁴, жители края приступили к исправлению заброшенных колодезных сооружений (кяризов) и устройству новых. В этом деле они встретили понимание и всестороннюю поддержку со стороны администрации края⁵. Однако неопытность местного населения, практически полное отсутствие конкуренции в деле добычи воды нередко приводили к тому, что нанимаемые колодезные мастера диктовали заведомо неприемлемые цены и другие невыполнимые условия, что влекло за собой жалобы, иски и прочие негативные последствия.

Начиная с 1890 г., когда область возглавил генерал-лейтенант А.Н. Куропаткин, ирригационная поддержка населения приобрела систематический характер. Признавая особое значение кяризов для оседлых и кочевых жителей, Куропаткин учредил ссудный ирригационный капитал для строительства и ремонта этих необычных для Центральной России гидро-

¹ Судная часть // Обзор Закаспийской области за 1903 год (далее — ОЗО). Асхабад, 1904. С. 206.

² Кяриз (перс., буквально — подземный оросительный канал), подземное сооружение для сбора грунтовых вод и вывода их на поверхность. Распространено в горных и предгорных районах Средней Азии и Закавказья.

³ См.: ПСЗРИ-3. Т. 1 (1 марта — 31 декабря 1881). СПб., 1885. № 142. С. 66.

⁴ Несмотря на нехватку пресной воды во всех пяти уездах Закаспийской области, по степени остроты этой проблемы уезды были проранжированы следующим образом: Мангышлакский, Асхабадский, Красноводский, Тедженский, Мервский. См.: ОЗО за 1882–1890 годы. С. 51.

⁵ ОЗО за 1898 год. С. 56–57.

технических сооружений. Несмотря на то что кяризные работы требовали больших материальных затрат, доходивших до нескольких десятков тысяч рублей, добываемая вода с излишком восполняла затраченный капитал. Той же части населения, которой было не под силу участвовать в столь дорогостоящих работах, давались беспроцентные долгосрочные займы, оказывалась организационная помощь в объединении капиталов для совместного строительства и добычи воды.

Несмотря на создаваемые администрацией области благоприятные условия между собственниками воды участились случаи возникновения споров, как из-за прав на эксплуатацию кяризов, так и по вопросам технического характера — определения места для строительства колодцев, их размера, глубины, расстояния одного от другого и т.д. Первоначально эти жалобы разрешались в народных (адатных) судах. Но вскоре была подмечена некомпетентность этих судов в разборе кяризных дел. Вновь образованный приказом от 24 мая 1897 г. за № 94 по военно-народному управлению *кяризный суд* стал действовать под председательством помощника начальника Асхабадского уезда при участии техника по ирригации при начальнике Закаспийской области⁶. В его состав вошли пять выборных членов от 25 кяризовладельцев. Решения кяризного суда считались окончательными.

В 1899 году новый начальник Закаспийской области генерал-лейтенант А.А. Боголюбов, подробно ознакомившийся с положением дел об искусственном орошении в Асхабадском уезде, признал существование водоземельных (кяризных) судов делом чрезвычайно нужным. Несмотря на то что решения такого суда, как и при Куро-

паткине, не подлежали обжалованию, некоторые наиболее крупные дела, носившие не технический, а правовой характер, по распоряжению Боголюбова стали передаваться на обсуждение и разрешение в Чрезвычайный съезд народных судей⁷. Но это делалось в исключительных случаях.

Последующий начальник области генерал-лейтенант Е.Е. Уссаковский, обративший внимание на то, что решения кяризного суда не подлежат обжалованию, признал такое положение ненормальным. Исходя из важности искусственного орошения для области, а также того, что «людям свойственно вообще искать правды до последней возможности»⁸, Уссаковский посчитал необходимым увеличить состав этого суда еще четверью членами. Сверх того, в состав судебной коллегии каждый раз должны были входить по три выборных лица от тяжущихся сторон. При рассмотрении водоземельных дел по вопросам технического характера стало обязательным выслушивание заключения не только областного, но и уездного техника по ирригации. Постановленные по водоземельным спорам решения суда считались окончательными и обжалованию не подлежали. Решения же по делам, касающимся вопросов о праве на владение гидротехническими сооружениями, прав пользования ими и т.п., могли быть обжалованы и с разрешения начальника области переданы Чрезвычайному съезду народных судей.

Из деятельности специализированных водоземельных судов в дальнейшем было выяснено, что большинство

⁶ Штаты и табели к № 6576. 6 февраля 1890 г. // ПСЗРИ-3. Т. 10. Отд. 1. СПб., 1893. С. 92–93.

⁷ Чрезвычайные съезды народных судей созывались по мере надобности распоряжением начальника области, как правило, 1–2 раза в год. Заседания проходили в Асхабаде в Большом зале комиссии по судной части и длились 5–6 дней.

⁸ ОЗО за 1903 год. С. 211.

решений этих судов о возмещении в пользу потерпевшей стороны причиненного ущерба оставалось без исполнения. Главной причиной этого было признано отсутствие у ответчиков достаточного для возмещения ущерба движимого имущества. На землю же и воду обращать взыскания не разрешалось. Между тем на одном из Чрезвычайных съездов народных судей было упомянуто о существовании у туркмен давнего обычая, согласно которому при неимении у должника имущества должник отдавался в услужение кредитору на определенных условиях.

Вследствие этого Чрезвычайному съезду, собравшемуся в Асхабаде весной 1903 г., было предложено обсудить вопрос о целесообразности применения к ответчику обычая о личной отработке стоимости незаконно присвоенных объектов недвижимости, связанных с водой и землей. Подробно остановившись на данном вопросе, Чрезвычайный съезд пришел к заключению, что стоимость «личной отработки» лица, совершившего земельные и водные правонарушения, необходимо утвердить из расчета по 3 рубля в месяц за нанесенный ущерб. Соображение, которым руководствовался Съезд, устанавливая эту меру, имело профилактическую направленность. По единогласному мнению Съезда, «личная отработка» удерживала бы потенциальных правонарушителей от «корыстных устремлений», понуждала трудиться, побуждала родственников оказывать содействие в скорейшем возмещении материально-го ущерба⁹.

Назначение малоимущим лицам санкционной меры в виде «личной отработки» Съездом было признано обязательным для всех народных судов Закаспийской области, но со следующей оговоркой: если у ответчика

есть водоземельный надел, то это владение или его часть следует отдать в пользование истцу. Для определения доходности надела его оценка производилась либо тем обществом, среди которого проживал ответчик, либо сведущими лицами по выбору истца и ответчика. После погашения определенного народным судом взыскания с земли и воды надел незамедлительно возвращался владельцу.

Начальник области, разделяя по существу мнение Чрезвычайного съезда, однако признал, что взыскание в виде «личной отработки» следует применять лишь в тех случаях, когда со стороны ответчика последует добровольное согласие на подобное возмещение истцу убытков.

В сборниках процессов¹⁰ и решений¹¹ Чрезвычайного съезда народных судей, обзорах Закаспийской области¹² разных лет можно ознакомиться с материалами о праве собственности, владения и распоряжения специальными участками, располагавшимися на высохших, пустынных почвах — *такырах*¹³. Так, из дела, возбужденного начальником Асхабадского уезда Закаспийской области, стало известно, что все такыры были захвачены еще до присоединения края к России преимущественно богатыми туркменами — крупными скотоводами (*баями*). Соорудив на такырах колодцы, бай

¹⁰ Сборник процессов Чрезвычайного съезда народных судей Закаспийской области. 1894–1898 годы. (Материалы к изучению народного быта туркмен и киргизов). Асхабад, 1898.

¹¹ Сборники решений Чрезвычайного съезда народных судей Закаспийской области за 1898–1902, 1903, 1904, 1905, 1906, 1907, 1908 гг. Асхабад, 1903–1910.

¹² ОЗО за 1882–1890, 1891, 1892, 1893–1895, 1896, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, 1902, 1903, 1904, 1905, 1906, 1907, 1908, 1909, 1910, 1911, 1912–1914 годы. Асхабад, 1897–1916.

¹³ Плоское, периодически пересыхающее глинистое дно озера (озерца).

⁹ ОЗО за 1898 год. С. 56–57.

объявили такыры своей собственностью, запретив тем самым рыть новые колодцы бедным одноаульцам.

Несмотря на то что большинство населения было убеждено, что такыры должны находиться в свободном пользовании всего общества, при разборе такырных дел народный суд затруднялся постановить свое решение. Поскольку влияние богачей парализовало деятельность народного суда, начальник области признал необходимым передать этот вопрос на обсуждение Чрезвычайного съезда народных судей, проходившего в апреле 1903 г. в Асхабаде.

При обсуждении вопроса о собственности на такыры выяснилось, что в области, за исключением рек, имеется три разновидности источников пресной воды: а) обыкновенные колодцы, вырытые в песках, б) колодцы, вырытые на такырах; в) естественные водоемы, где дождевая вода собирается и держится несколько месяцев до полного испарения («дождевые ямы»).

О праве собственности на первого рода колодцы и на земли вокруг них мнения членов съезда разделились: одни, придерживаясь норм шариата, стояли за то, что новые колодцы могли быть вырыты не ближе 40 гезов¹⁴ от старых существующих колодцев, другие же высказались, что, согласно обычному праву, новые колодцы могли быть вырыты только на расстоянии не ближе 1 тыс. шагов от старых, и, наконец, третьи, казахи, заявили, что по существующему у них обычаю новые колодцы имеет право рыть всякий, на любом расстоянии от существующих колодцев.

Относительно колодцев на такырах большинство судей, согласно обычаю, склонилось к тому, что право

пользования просачивающимися водами, а следовательно, и право рытья новых колодцев на такырах принадлежат владельцу или же целому обществу владельцев старых, ранее вырытых колодцев. Другие же лица без согласия собственников не имеют права рыть новые колодцы на такырах.

Относительно этих колодцев члены съезда — казахи остались при мнении, какое высказали о колодцах первого типа, т.е. и на такырах разрешается рыть всякому, на любом расстоянии от уже существующих колодцев.

В отношении права владения водами естественных водохранилищ (дождевыми ямами) позиции всех членов съезда оказались единодушными: этими водами имеет право пользоваться всякий без исключения, т.е. на этот водный ресурс никто не имеет, и не будет иметь, права собственности.

Начальник области согласился с мнением относительно права пользования такырами и естественными водоемами. Что касается рытья колодцев в песках, то казахам было дозволено поступать согласно собственным обычаям, а туркменам — руководствоваться шариатом.

Относительно порядка пользования обыкновенными колодцами, вырытыми в песках, в обычаях казахов и туркмен нашлось немало общего. Право пользования колодцами, составлявшими частную собственность отдельных лиц, принадлежало прежде всего их владельцам, затем их родственникам в зависимости от степени родства, и далее всем одноаульцам. Если к таким колодцам прикочевывало постороннее лицо в то время, когда возле них находился владелец со стадом, и если воды в колодцах оказывалось достаточное количество для водопоя обоих стад, прикочевавший невладелец мог остаться у колодцев. В противном случае, он мог только один раз напоить свое стадо, а затем — от-

¹⁴ Гез — персидский аршин, равный примерно 91,44 см.

кочевать в другое место. Если владелец прикочевывал к своим колодцам в то время, когда около них находилось постороннее лицо, то это лицо могло остаться у колодцев только в случае, если воды в них было достаточно для стад обоих кочевников. В противном случае он, напоив свое стадо, должен был немедленно откочевать в другое место.

Право пользования колодцами аульного общества принадлежало прежде всего всем жителям аула (рода). Между ними преимущественное право пользования колодцами принадлежало тому, кто прежде прикочевывал к колодцам.

Таким образом, придерживаясь общего правила не вторгаться во внутреннюю жизнь коренного населения, сохранять его традиции, обычаи, органы военно-народного управления Закаспийской области, ввиду существовавшей сложности в социальных отношениях до присоединения края к России, были вынуждены затронуть деятельность народных судов, унифицировать правила судопроизводства у соседствующих народов и племен, углубиться в изучение различных сфер народной жизни и обеспечить необходимый уровень компетенции судов, в том числе специализирующихся на разрешении водоземельных споров.

Литература

1. Канода Н.Н. Русские переселенческие поселки Закаспийской области (конец XIX — начало XX в.) / Н.Н. Канода ; под редакцией А.А. Рослякова. Ашхабад : Ылым, 1973. 90 с.
2. Степной закон. Обычное право казахов, киргизов и туркмен / составитель, автор вступительной статьи, комментариев и глоссария А.А. Никишенков ; под редакцией Ю.И. Семенова. Москва : Старый сад, 2000. 289 с.
3. Хайтляев А. Общественно-политический строй Туркменистана и обычное право туркмен в XIX — начале XX веков : учебное пособие / А. Хайтляев ; под редакцией П.Ф. Повелицыной. Ашхабад : Минвуз ТССР, 1983. 236 с.
4. Юлдашбаева Ф.Х. Колониальная политика английского империализма в Афганистане и Средней Азии в последнюю четверть XIX в. / Ф.Х. Юлдашбаева // Труды Среднеазиатского государственного университета им. В.И. Ленина. Вып. 94. Кн. 14. Ташкент, 1957. С. 78–84.

References

1. Kanoda N.N. Russkie pereselencheskie poselki Zakaspiyskoy oblasti (konets XIX — nachalo XX v.) [Russian Migrant Settlements in the Transcaspian Region (the Late XIX and the Early XX Centuries)] / N.N. Kanoda ; pod redaktsiyey A.A. Roslyakova. Ashkhabad : Y'ly'm — edited by A.A. Roslyakov. Ashkhabad : Ylym, 1973. 90 s.
2. Stepnoy zakon. Oby'chnoe pravo kazakhov, kirgizov i turkmen [The Steppe Law. Common Law of the Kazakhs, Kirghiz and Turkmen] / sostavitel, avtor vstupitel'noy statyi, kommentariyev i glossariya A.A. Nikishenkov ; pod redaktsiyey Yu.I. Semenova. Moskva : Stary'y sad — compiler, introductory article, commentaries and glossary author A.A. Nikishenkov ; edited by Yu.I. Semenov. Moscow : Old Garden, 2000. 289 s.
3. Khaytliev A. Obschestvenno-politicheskiy stroy Turkmenistana i oby'chnoe pravo turkmen v XIX — nachale XX vekov : uchebnoe posobie [The Social and Political System of Turkmenistan and Common Law of the Turkmen in the XIX and the Early XX Centuries : textbook] / A. Khaytliev ; pod redaktsiyey P.F. Povelitsy'noy. Ashkhabad : Minvuz TSSR — edited by P.F. Povelitsyna. Ashkhabad : Ministry of Higher Education of the Turkmen Soviet Socialist Republic, 1983. 236 s.
4. Yuldashbaeva F.Kh. Kolonial'naya politika angliyskogo imperializma v Afganistane i Sredney Azii v poslednyuyu chetvert' XIX v. [The Colonial Policy of English Imperialism in Afghanistan and Central Asia in the Last Quarter of the XIX Century] / F.Kh. Yuldashbaeva // Trudy` Sredneaziatskogo gosudarstvennogo universiteta im. V.I. Lenina. Vy`p. 94. Kn. 14. Tashkent — Works of the V.I. Lenin Central Asian State University. Issue 94. Book 14. Tashkent, 1957. S. 78–84.

DOI: 10.18572/1812-3805-2020-1-77-80

К вершинам «закономерности правовых закономерностей»*

*Губаева Тамара Владимировна,
профессор кафедры теории и истории права и государства
Казанского филиала
Российского государственного университета правосудия,
доктор юридических наук,
кандидат филологических наук, профессор
secreter@kfrgup.ru*

*Шарифуллин Рамиль Анварович,
директор Казанского филиала
Российского государственного университета правосудия,
заслуженный юрист Республики Татарстан,
кандидат юридических наук
secreter@kfrgup.ru*

...Ad astra

*Практика ставит нам вопросы,
теория дает общие начала,
как основу их разрешения.
Н.М. Коркунов*

Рецензия обобщает и комментирует наиболее важные и интересные положения труда, написанного П.П. Серковым. Как подчеркивают авторы рецензии, в книге предложен круг теоретических и практических проблем, касающихся методологии правоприменения, представлена оригинальная позиция относительно механизма правоотношений в их динамике, сочетающая различные подходы — не только социологический, но и идеологический. Подчеркивается также роль книги в профессиональной подготовке юристов.

Ключевые слова: правоотношение, методология правоприменения, идейное содержание правовых норм, юридическое образование.

To the top of 'Regularity of Legal Regularities'

*Gubaeva Tamara V.
Professor of the Department of Theory and History of Law and State
of the Kazan Branch of the Russian State University of Justice
LL.D., PhD (Philology), Professor*

*Sharifullin Ramil A.
Director of the Kazan Branch of the Russian State University of Justice
Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan
PhD (Law)*

The review summarizes and comments on some of the most interesting and important theses from the book written by P.P. Serkov — 'Legal Relationship (Theory and Practice of Modern Legal Regulation)' (Moscow : Norma, 2019). As the review's authors stress, the book suggests a range of scientific and practical problems, concerning the enforcement methodology, presents the own opinion about the mechanism of legal relations in their dynamics, combining different approaches to legal relations — not only the sociological, but also the ideological ones. The reviewer also focuses on the role of the book as the professional training of lawyers.

Keywords: legal relationship, law enforcement methodology, ideological content of legal norms, legal education.

* Рецензия на книгу: Правоотношение (Теория и практика современного правового регулирования) : монография : в 3 ч. / П.П. Серков. М. : Норма, 2019. Часть первая: Грани правового неведомого. 512 с.; Часть вторая: Очертания правовой универсальности; Часть третья: Закономерность правовых закономерностей. 1088 с.

Фундаментальный труд Петра Павловича Серкова являет собой обстоятельный критический анализ теории и практики современного правового регулирования через статику и динамику правоотношения, этой «не рядовой категории» любого правопорядка. Убедительно обоснована авторская концепция механизма правоотношения, призванная в конечном счете обеспечить гармонию социальных связей и «конкретику справедливости в межличностном общении». В первой части книги рассматриваются общетеоретические вопросы и дается обзор основных путей их решения в российском и зарубежном правоведении, вторая часть посвящена детализации юридических закономерностей возникновения и развития механизма общерегулятивных, административных, процессуальных, конституционных правоотношений, а в третьей части предпринята оригинальная, интересная попытка описания обобщающих характеристик правоотношения, формирующих некий цивилизационный закон. Работа следует классическому стандарту научной рациональности, когда четкая система дефиниций и анализ различных точек зрения, а также практики сопровождается обоснованием авторского мнения по каждому из рассматриваемых пунктов.

Рискнем утверждать, что с момента публикации рецензируемой книги давняя и заветная мечта отечественных правоведов о нерасторжимом единении, творческом содружестве теории и практики наконец-то сбылась — или, по меньшей мере, вплотную приближена к реальности. Взору читателя открылись «границы правового неведомого»: многослойные глубины юридической материи, обнаруживающие истинный, небанальный и далеко не простой смысл примелькавшейся фразы-клише «исходя из

характера правоотношений», вводящей многие аргументы в судебных актах.

Как креатура творческой мысли человечества и феномен культуры, право может предстать перед наблюдателями по-разному: то в виде законодательной нормы, на текстуальном носителе, то в виде правоотношений, когда эта норма воплощена в социальной практике, то в виде правовых идей, изначально направляющих правовое регулирование. Соответственно различаются и юридические школы — в зависимости от того, какому конкретно облику права отдан приоритет, на чем сосредоточено внимание исследователей. В концепции П.П. Серкова интересно сочетаются «правоотношенческий» и «идейный» подходы. Используя окказиональный термин «правоотношенческий» вместо общепринятого «социологический», мы тем самым хотим подчеркнуть то специфическое содержание, которое вкладывает в понятие правоотношения автор (кн. 2, с. 1016). Общественное отношение, по мнению П.П. Серкова, переходит в правоотношение особым образом: такая трансформация не является механической калькой социального, она «имеет правовые цели, протекает в правовой форме и по закономерностям, присущим правовому регулированию» (кн. 1, с. 52). Упомянув целеполагание (а оно всегда связано с идеалом!) в дефиниции правоотношения, автор тем самым изящно «перекидывает мостик» между социологическим и идеологическим в праве. Все это важно потому, что именно через всестороннее познание правоотношений достигается наиболее адекватное теоретическое понимание сущности правового регулирования, применимое на практике и могущее ее усовершенствовать. А разве не ради жизненного благополучия и справедливого

разрешения социальных конфликтов придумано и реализуется право?

Введение категорий «потребность-цель» и «идейное содержание правовых норм» в авторское определение правоотношения заслуживает безусловного внимания и поддержки, дает импульс к дальнейшим исследованиям как по общей теории права, так и в отраслевых юридических науках. Усматриваем здесь и новизну, и известную научную отвагу: ведь не секрет, что марксова формулировка о «проклятии», которое с самого начала «лежит на духе», долгое время воспринималась зловеще, удерживая отечественных правоведов от глубокого и всестороннего, и не только в аспекте философии, изучения идейного содержания права.

Разумеется, публикация книги П.П. Серкова не могла остаться незамеченной. Так, например, 9 октября 2018 г. состоялось заседание Ученого совета Российского государственного университета правосудия со специальной повесткой: «Обсуждение книги “Правоотношение (Теория и практика современного правового регулирования): монография: в трех частях”», автором которой является доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, первый заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации Петр Павлович Серков»¹. В ходе дискуссии было отмечено, что проведенное П.П. Серковым исследование является уникальным и многоплановым по своему содержанию трудом (В.В. Ершов), характеризуется как «энциклопедия правовых знаний» (Е.И. Колюшин) и в очередной раз подтверждает высокий творче-

ский потенциал и методологическое значение теории права (В.М. Сырых)².

Были также иные отклики — в частности, выражено сомнение, будет ли книга востребована всеми студентами юридических вузов из-за слишком сложных научных представлений о правоотношении и обилия практических примеров³. Позволим себе вступить в косвенную полемику с таким мнением.

К сожалению, представления студентов о правоотношении чаще всего ограничены рутинным: «правоотношение есть общественное отношение, урегулированное нормами права», и лишь наиболее подготовленные учащиеся способны заметить в таком определении логический круг.

Между тем, если иметь в виду современный нацпроект в сфере образования, нам необходимо формировать студента как самостоятельно мыслящего человека, когда даже усредненный стандартный учебный план позволяет каждому выразить свою творческую индивидуальность. Полагаем, что в этом смысле рецензируемая монография П.П. Серкова незаменима, так как демонстрирует великолепную школу интеллектуального труда, юридической аналитики, юридической аргументации и научной дискуссии. В конце концов, чем выше мы ставим образовательную планку, тем более успешными окажутся достижения наших студентов, тем шире будет их кругозор и богаче правосознание. А с такими юристами можно быть уверенным в благополучном будущем государства и общества.

² Там же. С. 13, 19, 32.

³ Старостин С.А. Рецензия на монографию П.П. Серкова «Правоотношение (Теория и практика современного правового регулирования)» (в 3 ч. М.: Норма, 2018). URL: http://lexrussica.ru/articles/article_104695.html?issue=lexrussica-10-2018 (дата обращения: 18.12.2019).

¹ Корнев В.Н. Правоотношение — основополагающий элемент системы правового регулирования общественных отношений // Российское правосудие. 2019. С. 13.

Литература

1. Корнев В.Н. Правоотношение — основополагающий элемент системы правового регулирования общественных отношений / В.Н. Корнев // Российское правосудие. 2019. № 1. С. 13–17.
2. Старостин С.А. Рецензия на монографию П.П. Серкова «Правоотношение (Теория и практика современного правового регулирования)» (в 3 ч. М. : Норма, 2018) / С.А. Старостин // Lex Russica. (Русский закон). 2018. № 10 (143). С. 182–188.

References

1. Kornev V.N. Pravootnoshenie — osnovopolagayuschiy element sistemy` pravovogo regulirovaniya obshchestvenny`kh otnosheniy [Legal Relationship as a Fundamental Element of the System of Legal Regulation of Public Relations] / V.N. Kornev // Rossiyskoe pravosudie — Russian Justice. 2019. № 1. S. 13–17.
2. Starostin S.A. Retsenziya na monografiyu P.P. Serkova 'Pravootnoshenie (Teoriya i praktika sovremennogo pravovogo regulirovaniya)' (v 3 ch. Moskva : Norma, 2018) [A Review of the Monograph by P.P. Serkov Legal Relationship (Theory and Practice of Modern Legal Regulation) (in 3 parts. Moscow : Norm, 2018)] / S.A. Starostin // Lex russica (Russkiy zakon) — Lex Russica. (Russian Law). 2018. № 10 (143). S. 182–188.

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ ВЫПУСКЕ:

Техника, технологии, власть, право: эволюция проблемы

Исаев И.А. Технические аспекты власти и права: к истокам проблемы

Никитина А.П. Регулирование деятельности морских лоцманов в СССР в 1952–1968 гг.

Пермиловский М.С. Очерк основных определений понятия «арктическое право»

Корнев А.В. Технологии власти: от древности к эпохе киберкапитализма

Мезавцов А.М., Лебедев И.М. Правовые основы аттестации чиновников

государственной и муниципальной службы: исторические и современные аспекты

Локальные проблемы права: аспекты истории

Яковлев Н.М. Правозащитная деятельность прокуратуры и реабилитация

М.К. Аммосова, видного государственного деятеля Якутии

Науменко О.Н. Дворяне Малороссии в условиях исполнения наказаний

в сибирской пенитенциарной системе начала XIX в.

Пчелкина Е.В. Астраханский губернский комитет общества Попечительного

о тюрьмах

Ибрагимов К.Х., Тагаев С.Х. Историко-правовые аспекты финансового дела

в СССР в 1936–1941 гг. (на примере Чечено-Ингушской АССР)

Бадмаева Е.Н. Противодействие народов национальных автономий Юга России

(Калмыкии и Чечни) политике советской власти в 1920–1930-е годы: нормы уголовного

права и повседневность истории

Развитие суда: история и теория вопроса

Кобец П.Н. Исторический анализ женского терроризма в России 1860–1900-х годов

Пустовалова И.Н. Особенности правового регулирования института признания

гражданина безвестно отсутствующим или объявления его умершим по

законодательству Российской империи XIX–XX вв.

Рафикова Д.Н. Становление института торгов по реализации имущества должника

в XIX–XX вв.